

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

В. Я. Богучарскій.

МАРКІЗЪ ЛАФАЙЕТЬ.

(ДѢЯТЕЛЬ ТРЕХЪ РЕВОЛЮЦІЙ).

(Исторический очеркъ).

Съ портретомъ Маркиза Лафайета.

Цѣна 1 рубль.

Издание магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО“.

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

ИЗДАНИЯ МАГАЗИНА
„КНИЖНОЕ ДѢЛО“,
Москва, Моховая, д. Бенкendorffъ,
и находящіяся на складѣ.

- Андерсонъ, Р. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Съ рисунками и картами. М. 98. Ц. 50 к.
- Бертильонъ, Ж. Пріемы собирания и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Со вступительной статьей проф. А. Ф. Фортунатова: „О научной обработкѣ статистическ. материаловъ“. Ц. 1 р. 50 к.
- Брентано, Л. Объ отношеніи заработка платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. Дена и Святловскаго 2-го. Ц. 75 к.
- Вейнбергъ, П. „Для дѣтей“ (старшаго возраста). Стихотворенія съ рисунками. Ц. въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.
- Веригинъ, Н. А. Г. Песталоцци. Біогр. оч. Съ портр. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Гаазъ, Ф. Д-ръ. Азбука христіанского благонравія. Ц. 25 к.
- Гаазъ, Ф. Д-ръ. Призывъ къ женщинамъ. Ц. 25 к.
- Гебель, В. Я. Высшкольное народное образование въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиддингсъ, Ф. Г. Основы соціологии. 2-е изд. М. 98 г. Ц. 1 р.
- Головачевъ, А. А. Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ, А. А. Исторія желѣзнодорожного дѣла въ Россіи. Спб. 1881. Ц. 1 р. 25 к.
- Гранть-Аленъ. Жизнь растеній. Попул. бесѣды. Съ 51 рис. Ц. 60 к.
- Гроссе, Э. Формы семьи и формы хозяйства. Ц. 1 р.
- Джемсъ, В. Стоитъ ли жить? Ц. 20 к.
- Дрейфусъ, К. Мировая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюкло, Е. Защита отъ болѣзней. 1898 г. Ц. 15 к.
- Зиммель, Г. Проблемы философіи исторіи. Ц. 60 к.
- Каблуковъ, Н. А. Объ условіяхъ развитія крестьянского хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 75 к.
- К—ва, М. Очерки и замѣтки. Содержаніе: Слабый ростокъ.—Экзаменъ.—Отчего онъ такъ скоро угасъ?—Швея.—Съ крутизны.—Вечерь.—Что говорятъ о женщинахъ писатели иностранные и русск. Ц. 1 р.
- Кардо-Сысоева, Н. Е. Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Ц. 50 к., въ изящ. перепл. 80 к.
- Квасковъ, Я. Г. Реформа библіотечного дѣла. Ц. 25 к.
- Кейра, Ф. Воспитаніе характера (оттискъ изъ кн. Фуллье: „Темпераментъ и характеръ“). Ц. 10 к.
- Кирхенгеймъ, А., фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.
- Клоддъ, Э. Первобытный человѣкъ. Съ рисунк. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Кнаппъ, Г. Ф. Виды организаций труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.
- Крымскій, А. Мусульманство и его будущность. Ц. 75 к.

Яковлев, Василий Иаковлевич
" В. Я. Богучарский., рисунок

Marquis Lafayette.

МАРКИЗЪ ЛАФАЙЕТЪ.

(ДѢЯТЕЛЬ ТРЕХЪ РЕВОЛЮЦІЙ).

(Исторический очеркъ).

Съ портретомъ Маркиза Лафайета.

МОСКВА.

Издание магазина „Книжное Дѣло“,
Моховая, домъ Бенкendorffъ.

1899.

E20¹
L2T²

104837
'07

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1899 года.
Тип. И. А. Баландина, Москва, Волхонка, д. Михалкова.

6
6
6
6
6
6
6
6
6
6

Маркизъ Лафайетъ.

Въ числѣ великихъ людей, погребенныхъ въ Парижскомъ Пантеонѣ, покоится прахъ человѣка, игравшаго въ продолженіе полувицка выдающуюся роль во многихъ событіяхъ французской исторіи конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія. Человѣкъ этотъ Жильберъ де Мотье маркизъ де Лафайетъ. „Исторія его жизни есть исторія происхожденія новой Франціи“,—говорить Барду¹⁾, и несомнѣнно, что трудно себѣ представить человѣческую жизнь болѣе полную самыхъ драматическихъ событій, бурь, несчастій и безчисленныхъ приключений, чѣмъ жизнь Лафайета, сохранившаго, несмотря, на то, до глубокой старости вѣрность тому знамени, къ которому онъ примкнулъ имѣя девятнадцать лѣтъ отъ роду. До самого своего послѣдняго часа Лафайетъ сохранилъ печать своего времени и своего поколѣнія, опредѣляющимъ же событіемъ его жизни была та минута, когда потокъ великодушныхъ идей XVIII вѣка увлекъ его въ Америку. Во всѣ событія, въ которыхъ этотъ человѣкъ играетъ выдающуюся роль, вносилъ онъ без-

¹⁾ Badoux: *La jennesse de Lafayette*. Эта книга, равно какъ и другая того же автора, *Les dernieres annÃ©es de Lafayette*, послужили главнѣйшимъ материаломъ для настоящаго очерка.

завѣтную смѣлость, глубокую искренность и безупречную чистоту намѣреній; любовь же къ отечеству къ его „дорогой Франціи“, была для него настоящихъ религіознымъ культомъ. Лафайета привыкли представлять себѣ не иначе какъ генераломъ национальной гвардіи, съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ и всѣми прочими атрибутами революціонной эпохи, но Лафайетъ, какъ человѣкъ, какъ лучший представитель совершенно особаго типа французскихъ сеньеровъ конца XVIII вѣка, какъ восхитительный собесѣдникъ, какъ великодушное сердце, какъ патріархъ „дней былыхъ“, невольно заставляющій всѣхъ любить себя, съ кѣмъ только сталкивалася его судьба, неужели съ этихъ сторонъ онъ не заслуживаетъ вниманія? При томъ же, рядомъ съ античной фигурой самого Лафайета стоитъ другая, способная также возбудить самый живой интересъ. Эта „другая фигура“—жена Лафайета образецъ героического поколѣнія французскихъ женщинъ конца прошлаго столѣтія. Судьба послала этой замѣчательной женщинѣ самыя разнообразныя испытанія, изъ которыхъ она вышла также побѣдоносно, какъ и ея мужъ. Рука обѣ руку съ нимъ раздѣляла она всѣ треволненія его бурной жизни и, не отступая ни передъ какими опасностями, смѣло и трогательно называла себя „лафайетисткою“. Она была очень религіозна, но ея религіозность представляла собою, какъ говорила, смѣясь, ея тетка, madame de Тессе, „странныю смѣсь катехизиса съ Деклараціею Правъ“. По своей же любви къ мужу и отечеству она напоминала матронъ лучшихъ временъ Рима, и въ грозные мѣсяцы Террора, когда въ Парижѣ опасно было произносить самое имя опального маркиза она продолжала подписыватьсь

на всѣхъ бумагахъ: „жена Лафайета“. Этому поведенію не измѣнила она и во время заключенія въ тюрьмѣ, ожидая ежеминутно гильотины, на которой тогда уже сложили головы ея мать, сестра и бабушка. Послѣднею фразою, слетѣвшою съ устъ этой героини, было— „*je suis toute à vous*“... Слова эти относились къ находившемуся у ея смертнаго одра пережившему ее мужу...

„Намъ кажется, что наступило время для полной оцѣнки человѣка, игравшаго столь выдающуюся роль въ исторіи Франціи,—говорить Барду въ своей книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1892 году. Если страсти до сихъ поръ еще не утихли, то за то обнародованные многочисленные документы позволяютъ искреннему человѣку произнести надъ маркизомъ Лафайетомъ судъ, не боясь быть обвиненнымъ ни въ пристрастіи, ни въ несправедливости“.

I.

Марій Поль Жозефъ Жильберъ де Мотье маркизъ де Лафайетъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ домовъ во Франціи; домъ этотъ еще въ XVI вѣкѣ раздѣлился на двѣ вѣтви, изъ которыхъ имя Лафайетовъ приняла старшая; младшая же стала называться Рошъ Мотье Шампетьеръ, и въ исторіи Франціи никогда не играла особенной роли. Старшая вѣтвь находилась въ родствѣ съ домомъ Полиньяковъ. Жильберъ дѣ Мотье родился 6 сентября 1757 года въ одномъ изъ древнихъ замковъ, принадлежавшихъ семейству Лафайетовъ въ Оверни. Его отецъ, grenadierскій полковникъ, былъ убитъ въ битвѣ при Минденѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія сына, имѣя отъ роду

всего двадцать пять лѣтъ, и Жильберъ, оставшійся единственнымъ представителемъ дома Лафайетовъ, провелъ первые годы жизни на попеченіи своей матери Маріи Луизы Юліи де Ларивьеръ и двухъ тетокъ де Шаваньякъ и де Мотье, окружавшихъ его дѣтство всевозможными заботами. Первоначальнымъ образованіемъ мальчика руководилъ весьма свѣдущій аббатъ Фойонъ. Когда Лафайету минуло одиннадцать лѣтъ, то, по принятому въ то время среди французской знати обычаю, онъ былъ отправленъ въ Парижъ, записанъ въ черные мушкаторы и помѣщенъ въ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ колледжей (*du Plessis*). Вскорѣ послѣ этого умерла его мать, и двѣнадцатилѣтній мальчикъ остался единственнымъ обладателемъ громаднаго состоянія, приносившаго ему болѣе ста двадцати тысячъ ливровъ годового дохода. Четырнадцати лѣтъ юный офицеръ, „чтобы довершить свое военное образованіе“, поступилъ въ военную академію въ Версалѣ. Его сверстники, графъ де Ламаркъ, графъ де Сегюръ и другіе, рисуютъ его въ это время застѣнчивымъ, состредоточеннымъ, не полѣтамъ серьезнымъ, нѣсколько мѣшковатымъ, но съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ и необыкновенно храбрымъ. Впрочемъ, несмотря на свой непомѣрно высокій ростъ и неловкость, онъ не пренебрегалъ еще въ это время тѣмъ, что называлось „*le bon air*“, но никогда не могъ достигнуть особенного искусства ни въ верховойѣездѣ, ни въ танцахъ, ни въ модной тогда игрѣ въ мячъ (*jeu de paume*) т. е. въ занятіяхъ, въ которыхъ щеголяли своею ловкостью его сверстники. Лафайету не было еще пятнадцати лѣтъ, когда его опекунъ, графъ де Ларивьеръ, задумалъ женить его на Адриенѣ д'Эйенъ (*Adrienne*

d'Ayen), пропсходившій изъ извѣстной фамиліи де Ноай. Отецъ Адріены, герцогъ д'Эйенъ, представлялъ собою также своеобразный типъ фрацузскаго сеньера того замѣчательнаго въ исторіи Франціи времени. „Вѣчно занятый химіей и новой оперой, философіей и придворными дѣлами, онъ смотрѣлъ на эти занятія, какъ на единственное, достойное мушкины, времяпровожденіе, говорилъ обо всемъ легко и красиво и предоставлялъ вполнѣ своей женѣ, герцогинѣ д'Эйенъ, заботы о воспитаніи ихъ пяти дочерей“. Герцогиня, воспитанная сначала въ монастырѣ, а потомъ въ домѣ своего отца, „такомъ же монастырѣ“, любила уединеніе и не тяготилась имъ. Въ ея религіозности были черты янсенистской строгости. Она была одною изъ тѣхъ матерей, которыхъ сумѣли воспитать слѣдующее замѣчательное поколѣніе женщинъ, удивлявшихъ своимъ мужествомъ современниковъ и историковъ въ послѣдовавшія за тѣмъ во Франціи бурныя времена. Въ системѣ воспитанія герцогинею своихъ дочерей было дѣйствительно нѣчто не совсѣмъ обыкновенное: система эта состояла въ томъ, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ дочерей мать старалась убѣждать ихъ въ томъ, что считала истиною, терпѣливо выслушивала всѣ ихъ дѣтскія возраженія и возбуждала въ нихъ самостоятельную работу мысли. О послѣдствіяхъ этой системы можно судить по слѣдующему письму къ матери четырнадцатилѣтней Адріены, будущей маркизы Лафайетъ: „намъ иногда говорятъ, что мы непослушныя дочери, потому что мы не во всемъ съ вами соглашаемся, но вы увидите, что къ шестнадцати лѣтамъ мы будемъ болѣе послушны, чѣмъ другія, такъ какъ мы будемъ вполнѣ понимать васъ“. Бесѣды съ дочерьми герцогиня часто

сопровождала чтеніемъ произведеній Карнеля, Ра-
спина, Вольтера и другихъ французскихъ класси-
ковъ того времени. Другая дочь герцогини, впо-
слѣдствіи madame de Монтегю, останавливается въ
своихъ „Воспоминаніяхъ“ очень подробно на отро-
ческихъ годахъ своей жизни: каждый день послѣ
обѣда герцогиня уводила всѣхъ дочерей въ свою
комнату, садилась около камина и принималась за
рукодѣлье или книгу. Всѣ пять дѣвочекъ размѣ-
щались кругомъ матери, отвѣчали уроки и разсуж-
дали о событияхъ дня. Этого нельзя было назвать
формальными уроками, но это были именно уроки,
которые оставались въ памяти на всю жизнь. „Въ
юности Адріену сильно смущали религіозныя со-
мишнія,—рассказываетъ madame de Монтегю,—что,
конечно, не мѣшало ей быть доброй и сострада-
тельной къ несчастнымъ. Сомнѣнія эти доставляли
ей столько мученій, что она сама сравнивала ихъ
впослѣдствіи съ сильнѣйшими страданіями, кото-
рыя только выпадали на ея богатую несчастьями
долю. Такія сомнѣнія начались у Адріены, когда
ей еще не было тринадцати лѣтъ. Мать предло-
жила ей говѣть, но она отказалась, не решаясь
приступить къ таинству причащенія съ колеблю-
щеся вѣрою“. Герцогиня ясно читала все это въ
душѣ своей дочери, но особенно не тревожилась;
будучи сама очень религіозна, она, тѣмъ не менѣе,
хорошо понимала, гдѣ находился источникъ коле-
баній Адріены и потому рѣшила отложить прича-
щеніе дочери до того времени, когда она утвердится
въ религіи. Около этого же времени были сдѣланы
предложенія двумъ ея старшимъ дочерямъ—Луизѣ
и Адріенѣ. Вопросъ о свадьбѣ Луизы съ ея двою-
роднымъ братомъ, виконтомъ де Ноай, былъ рѣ-

шень очень быстро, но не такъ обстояло дѣло съ Адріеной, за которую сватался Лафайетъ. Невѣстѣ еще не было тринадцати лѣтъ, жениху—пятиадцати. Въ жизнеописанії своей матери (*Vie de la duchesse d'Ayen par madame de La Faiette*) сама Адріена разсказываетъ подробно объ этомъ событии своей жизни: крайняя молодость Лафайета, отсутствіе солидныхъ руководителей, огромное состояніе, на которое при молодости жениха герцогиня смотрѣла, какъ на серьезную опасность,— все это заставило ее сначала отказать Лафайету, несмотря на симпатіи, которыхъ онъ ей самъ по себѣ внушалъ. Герцогъ, напротивъ, горячо желалъ этого брака, и размолвка по этому предмету поселила еще большую холодность между супругами. Черезъ годъ, однако, герцогиня согласилась на бракъ между молодыми людьми съ условіемъ, чтобы свадьба была отложена до окончанія Лафайетомъ установленного курса наукъ. „Она приняла, наконецъ,—говорить Адріена,—предложеніе того, котораго съ этого времени полюбила, какъ обожаемаго сына, того единственного въ мірѣ человѣка, который могъ мнѣ замѣнить мать, когда ее не стало...“ Свадьба была отпразднована одиннадцатого апрѣля 1774 года. Слѣдующую зимою молодые были представлены двору и еженедѣльно бывали на балахъ королевы Маріи Антуанеты. Однако, развлечения большого свѣта мало занимали Лафайета. Въ его „Мемуарахъ“ очень немного говорится объ этой эпохѣ его жизни, такъ какъ онъ „не находитъ въ это время ничего, достойнаго быть отмѣченнымъ“. Но свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Лафайета даютъ намъ графъ Сегюръ, который говоритъ, что „въ восемнадцать лѣтъ Лафайетъ казался суровымъ и холоднымъ; его

сдержанность и угловатость представляли рѣзкій контрастъ съ живостью, легкомысліемъ и остроумною болтовнею его сверстниковъ; но подъ этою холодною виѣшнностью, — прибавляетъ Сегюръ. — скрывалась дѣятельный духъ, мощный характеръ и въ высшей степени симпатичная душа*. Дворъ и высшее общество проводили время очень весело, и забавы смѣялись забавами. Королева устроила въ Трианонѣ*) особые вечера, на которыхъ молодежь веселилась до упаду. Участникомъ такихъ вечеровъ былъ и Лафайетъ, къ которому въ это время очень благоволилъ графъ д'Артуа. Сама королева, однако, никогда его не любила, какъ бы предчувствуя ту роль, которую нѣкогда онъ будетъ играть въ ея жизни. Въ беззаботномъ весельи неслась при дворѣ дни за днями, но, — странное дѣло, — веселья и забавы начали принимать вскорѣ характеръ политическихъ шалостей, которыя, казалось бы, были вовсе ни къ лицу этой раззолоченной молодежи. Оба графа Сегюра, графиня д'Аренбергъ, герцогиня де Франзакъ, Лафайетъ съ женою и многіе другіе молодые люди стали устраивать шутливыя засѣданія, пародировавшія напыщенные сессіи французскихъ судебныхъ парламентовъ. Графъ д'Артуа бывалъ предсѣдателемъ такихъ засѣданій, а Лафайетъ исполнялъ обязанности прокурора. Нѣкоторые изъ старыхъ придворныхъ, которымъ уже давно не нравилась близость принца кровисъ молодыми повѣсами, воспользовались этимъ случаемъ и прошли извѣстнаго министра Людовика, Морпа, до-

*) Трианонами назыв. два дворца въ знаменитомъ версальскомъ паркѣ. Одинъ изъ нихъ (Le Grand Trianon) построенъ при Людовикѣ XIV; другой (Le Petit Trianon) при Людовикѣ XV. Эти дворцы существуютъ и въ настоящее время.

вести до свѣдѣнія короля о поведеніи вольнодумцевъ, осмѣливающихся глумиться надъ однимъ изъ высшихъ государственныхъ установленій.— „Вѣдь, этакъ,— говорили они,— недалеко и до Бридуазона“, намекая на комедію Бомарше „Свадьба Фигаро“. Чтобы предотвратить грозу графъ Сегюръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ шалости, находясь, однажды, въ покояхъ короля, отвелъ одного изъ своихъ друзей въ сторону и началъ рассказывать съ такимъ юморомъ о своихъ шутливыхъ засѣданіяхъ, что обратилъ на себя вниманіе Людовика, который подошелъ къ разговаривающимъ и спросилъ Сегюра, чѣму это они такъ смѣются. Притворно смущившись и помявшись иѣсколько времени, Сегюръ повторилъ и королю разсказъ о своихъ шалостяхъ, сумѣвши придать разсказу такой живой и забавный колоритъ, что Людовикъ самъ смѣялся отъ души. На слѣдующій день, когда Морпа хотѣлъ настроить Людовика противъ молодыхъ людей и старался сгустить краски, рисуя послѣдствія подобного неуваженія къ государственнымъ учрежденіямъ, то король перебилъ его, сказавши: „ну довольно! Больше этого не будетъ, но на этотъ разъ дѣлать нечего: я самъ почти нахожусь въ числѣ виновныхъ“.

Такъ протекали первые годы супружеской жизни Лафайета. Принимая участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, ни онъ ни его жена никогда, однако, не отдавались имъ вполнѣ. Вскорѣ madame Лафаайта сдѣлалась матерью своего первенца—дочери Генріеты. Все обѣщало, повидимому, Лафайету счастливую и спокойную жизнь, но въ воздухѣ носились уже предвестники событий, которыхъ должны были увлечь его далеко отъ семейнаго гнѣзда.

II.

Въ 1776 году Лафайетъ находился на службѣ въ мецкомъ гарнизонѣ. Путешествуя по Европѣ, братъ англійского короля, герцогъ Глочестеръ, заѣхалъ въ Мецъ, вслѣдствіе чего губернаторомъ, любимцемъ военной молодежи, графомъ де Бролье, былъ данъ обѣдъ въ честь высокопоставленнаго гостя. Въ числѣ приглашенныхъ находился и Лафайетъ. Герцогъ, только что получившій тогда письма изъ Англіи о событияхъ въ Америкѣ, подѣлился съ обѣдавшими животрепещущими новостями, изъ которыхъ главною было провозглашеніе независимости Америки. Все это въ высшей степени заинтересовало Лафайета: онъ слушалъ разсказы Глочестера съ жгучимъ любопытствомъ, засыпалъ его вопросами и къ концу обѣда уже рѣшился отправиться въ Америку. Съ этого момента Лафайетъ отдался всею душею дѣлу американской независимости. Чтобы привести въ исполненіе быстро составленный планъ отъѣзда въ Америку, онъ немедленно отправился въ Парижъ, гдѣ нашелъ необыкновенное возбужденіе. „Первый пушечный выстрѣлъ, прогудѣвшій въ другомъ полушаріи, раскатился съ быстротою молніи по всей Европѣ“. Американцевъ называли тогда еще „инсургентами“ и „бостонцами“. Ихъ дерзкая отвага электризовала умы, особенно въ Парижѣ. Въ этомъ еще аристократическомъ по видѣнности городѣ Лафайетъ съ изумленіемъ увидѣлъ огромное сочувстіе демократическимъ стремлѣніямъ американцевъ. Даже въ модѣ сказывались симпатіи парижанъ къ американцамъ и въ салонахъ англійская игра „вистъ“ (whist) смѣнилась

другою, которую назвали „бостономъ“. „Такое движение,—говорить Сегюръ,—какъ ни было оно невинно по виѣшности, служило предвѣстникомъ міровыхъ событій“. И дѣйствительно, казалось, рѣшительно весь Парижъ былъ на сторонѣ „бостонцевъ“.

Что касается самого Лафайета, то хотя энтузіазмъ, возбужденный въ немъ американскими событиями, и былъ главнымъ двигателемъ въ его рѣшенії принять активное участіе въ борьбѣ „бостонцевъ“, но и политическая соображенія играли въ этомъ рѣшенії важную роль. Не смотря на свои девятнадцать лѣтъ, Лафайетъ, по свидѣтельству многихъ его современниковъ, ясно сознавалъ, что отъ исхода кризиса, наступившаго для Англіи, вслѣдствіе возстанія въ Америкѣ, въ значительной степени зависятъ и дальнѣйшія судьбы Франціи въ качествѣ первокласснаго государства. Сдѣлайся англійскія колоніи въ Америкѣ самостоятельнымъ государствомъ, и Англія теряетъ цѣлую четверть своихъ подданныхъ, число которыхъ безпрерывно увеличивается, благодаря европейской эмиграціи и черезъ это становится менѣе опасною въ ея конкуренціи съ Франціей. Если же Англія выйдетъ изъ кризиса побѣдительницю, если тринадцать колоній, поднявшихъ знамя революціи, снова подпадутъ подъ ярмо своей метрополіи, то трудно поручиться, какая судьба ожидаетъ въ будущемъ принадлежащіе Франціи Антильскіе острова, а затѣмъ и владѣнія въ Африкѣ, Азіи, морскую торговлю и самый французскій флотъ. Въ этомъ сказалось не только политическое чутье Лафайета, но и нечто другое. Дѣло въ томъ, что, вопреки своему аристократическому происхожденію, Лафайетъ, отъ начала

до конца своей жизни, был выразителем стремлений и интересов третьего класса, грозно поднявшего во Франции голову въ концѣ XVIII вѣка. Отъѣздъ маркиза въ Америку былъ первымъ его дѣйствиемъ на этомъ пути. Въ то время быть передовымъ человѣкомъ,—значило исключительно служить стремленіямъ третьаго класса, ошибочно принимаемаго за „народъ“, а интересы его за интересы „отечества“. Любовь къ отечеству, желаніе ему славы и могущества были для Лафайета священными чувствами; представлялся случай сразиться съ соперницей отечества,—и во имя чего!,—во имя тѣхъ великихъ принциповъ, которые въ первый разъ узрѣлъ міръ въ смѣло начертанной Декларациѣ Американской Независимости *)... Еще не совсѣмъ отчетливо созидаемыя самимъ Лафайетомъ чувства гражданина слились въ немъ съ чувствами „патріота“, и рѣшеніе молодого маркиза стало непоколебимымъ. Онъ подѣлился своими планами съ графомъ Сегюромъ и виконтомъ де Ноайемъ, которые были связаны съ Лафайетомъ не только узами личной дружбы, но и общностью идей и стремлений. Оба эти лица горячо одобрили планы маркиза, рѣшивши держать ихъ до поры до времени въ строгой тайнѣ. Участникомъ плана сдѣлался въ скоромъ времени и графъ де Брольѣ, который пытался сначала отговорить Лафайета отъ его рѣшенія. „Я видѣлъ смерть вашего дяди во время итальянской войны, на моихъ глазахъ былъ убитъ вашъ отецъ въ битвѣ при Минденѣ,—говорилъ Брольѣ Лафайету,—и мнѣ не хотѣлось бы быть участни-

*.) Полный текстъ этого знаменитаго документа приведенъ на русскомъ языкѣ въ „Исторіи соединенныхъ штатовъ“ Э. Лабуле. Рус. пер. кн. вторая, стр. 256.

комъ гибели въ вашемъ лицѣ послѣдняго представителя славнаго дома и прекращеніе черезъ то вашей фамиліи"; но всѣ усилия отговорить Лафайета оказались тщетными, и Бролье сталъ ему даже покровительствовать въ осуществленіи его плановъ.

Само французское правительство, желавшее, конечно, ослабленія Англіи, мало - по-мало втягивалось въ потокъ сочувствія американскому дѣлу, охватившій французское общество. Оно смотрѣло сквозь пальцы на сборы въ пользу американцевъ денегъ, на посылку въ Америку на торговыхъ судахъ оружія и всякаго рода продовольствія, и, когда англійскій посланникъ жаловался на это своему двору, оно отрицало факты, отдавало официальные приказы о строгомъ надзорѣ за доставляемою въ Америку „контрабандою“ изгоняло изъ французскихъ портовъ американские каперы, но вуаль, которую оно окутывало свои истинныя намѣренія, становилась день ото дня прозрачнѣе. Вскорѣ въ Парижъ прибыли въ качествѣ американскихъ политическихъ агентовъ Силла Динъ и Артуръ Ли. (Знаменитый Франклинъ прибылъ нѣсколько позже). Сила Динъ явился, какъ простой купецъ; согласно полученнымъ инструкціямъ, онъ долженъ былъ добиться свиданія съ французскимъ министромъ иностраннаго дѣла графомъ Верженомъ и просить черезъ него французское правительство доставить въ Америку или позволить Дину купить самому во Франціи одежду, оружіе и другіе запасы на двадцать пять тысячъ человѣкъ, а также сто полевыхъ пушекъ. Въ тоже время Силла Динъ долженъ былъ позондировать ministra, чтобы выведѣть, согласна ли Франція признать независимость Америки и въ

случаѣ утвердительнаго отвѣта предложить ей тѣ коммерческія выгоды, которыми раньше пользовалась Англія. Не смотря на такое *incognito* всѣмъ была извѣстна истинная роль Силлы Дина и трудно себѣ представить, какимъ вниманіемъ пользовался въ Парижѣ посланникъ возставшаго народа. Ни онъ, ни Артуръ Ли не были признаны офиціальными дипломатическими агентами, не имѣли аудіенцій у короля и, тѣмъ не менѣе, у дверей ихъ скромной квартиры толпились самые знаменитые люди Франціи, ученые, литераторы, художники. Многіе молодые офицеры предлагали свои услуги Силль Дину и горячо интересовались положеніемъ американской арміи. Движеніе добровольцевъ въ Америку имѣло, впрочемъ, мѣсто и въ другихъ странахъ. Въ числѣ такихъ волонтеровъ былъ, напр. извѣстный польскій дѣятель Тадеушъ Костюшко. Но за немногими исключеніями (Костюшко принадлежалъ, разумѣется, къ числу такихъ исключеній), это были авантюристы, увлекаемые въ Америку страстью къ наживѣ или приключеніямъ; французскіе же офицеры глубоко искренно и до энтузіазма увлекались самимъ дѣломъ американской свободы. Лафайетъ, Ноай и Сегюръ приступили, наконецъ, къ приготовленіямъ къ отѣзду и ихъ планы встрѣтили горячее сочувствіе даже въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Герцогъ д'Эйенъ попробовалъ мѣшать Лафайету въ его предпріятіи, но это было встрѣчено большимъ ропотомъ. „Французскія дамы,— писалъ англійскій посланникъ лордъ Стормонтъ своему правительству,— возмущены родными Лафайета которые желаютъ удержать его отъ поѣздки въ Америку; если герцогъ д'Эйенъ,—сказала одна изъ такихъ дамъ,—будетъ продолжать такъ поступать

относительно своего затя, то ему больше не найти мужа ни для одной изъ его остальныхъ дочерей“. Конечно родные и остальныхъ, стремившихся въ Америку, молодыхъ людей, не совсѣмъ были этимъ довольны, и старый маршалъ де Ноай, просившій незадолго передъ тѣмъ графа Сегюра употребить свое вліяніе на виконта де Ноай, его ближайшаго друга, чтобы вывести его изъ апатіи и лѣни, въ которыхъ тотъ находился, больше не возвращался къ этому предмету, когда узналъ, что этотъ девятнадцатилѣтній флегматикъ желаетъ плыть за океанъ и сражаться тамъ за свободу американцевъ. Желая вступить въ прямыя сношения съ Диномъ, Лафайетъ обратился за посредничествомъ къ графу де Брольё, который свелъ его съ офицеромъ, барономъ Кальбомъ, владѣвшимъ англійскимъ языкомъ и желавшимъ также отправиться въ Америку. Этотъ Кальбъ и сопровождалъ Лафайета въ качествѣ переводчика во время его визита къ Дину.

„Представляясь Дину, когда мнѣ было только девятнадцать лѣтъ, — разсказываетъ въ своихъ „Мемуарахъ“ самъ Лафайетъ, — я больше говорилъ о моемъ рвени, чѣмъ о моей опытности; я не столько говорилъ ему о своемъ желаніиѣ хать въ Америку, сколько давалъ ему это чувствовать“. Послѣ этого Лафайетъ рѣшилъ купить и снарядить на свой счетъ корабль. Графъ де Брольё нашелъ ему еще нѣсколькихъ офицеровъ, желавшихъѣ хать, и Лафайетъ назначилъ имъ отъ себя жалованье. Сверхъ того, Брольё послалъ въ Бордо своего секретаря, Буамартена, купить тамъ карабль и приготовить все необходимое къ отѣзду. Дѣжалось все это негласно. Герцогъ д’Эйенъ продолжалъ тормазить предпріятіе. Лафайетъ раздражался, но скры-

валъ свои чувства и сдѣлалъ, наконецъ, видъ что подчиняется желанию своего тестя. Между тѣмъ изъ Америки пришли самыя печальные вѣсти: армія Вашингтона была почти уничтожена, у американцевъ осталось подъ ружьемъ не болѣе трехъ тысячъ человѣкъ и англійскій генералъ Гоу перешель въ наступленіе. Англійские суда покрывали океанъ и пройти незамѣченымъ въ Америку становилось почти невозможнымъ. Самы Дињъ и Ли сочли нужнымъ довести до свѣдѣнія Лафайета обѣ отчаянномъ положеніи ихъ дѣла и предложить ему оставить свой замыселъ. Эффектъ получился обратный. Лафайетъ явился къ Дињу, поблагодарилъ его за отровенность и сказалъ: „до сихъ поръ вы видѣли мое усердіе только на словахъ; пришло время доказать его на дѣлѣ; я покупаю корабль и Фду; истинные друзья познаются только въ минуты опасности и я хочу раздѣлить ихъ съ вами“. Дињъ не отговаривалъ его больше и Лафайетъ приступилъ къ дѣлу.

Въ эти тяжелыя для американцевъ минуты, когда армія ихъ состояла всего изъ двухъ—трехъ тысячъ милиціонеровъ, былъ въ средѣ ихъ человѣкъ, который не отчаялся въ успѣхѣ предпринятаго дѣла. Этотъ человѣкъ былъ Вашингтонъ. И вотъ, тѣ же чувства, которыя одушевляли вождя, возставшаго народа, волнивали въ другомъ полушаріи девятнадцатилѣтняго юношу, которому суждено было вскорѣ сдѣлаться самымъ близкимъ другомъ американского Цинцината и довести вмѣстѣ съ нимъ начатое дѣло до счастливаго конца....

Что бы лучше замаскировать свой отъездъ, Лафайетъ предпринялъ еще раньше задуманное имъ путешествіе въ Англію. Онъ пробылъ въ Лондонѣ

три недѣли, былъ представленъ французскимъ посланникомъ, его родственникомъ, англійскому королю Георгу, бывалъ на балахъ у министра колоній лорда Жермена и познакомился тамъ съ генераломъ Клинтономъ, съ которымъ впослѣдствіи встрѣтился снова на полѣ битвы. Онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ американцамъ, благодаря чему былъ очень популярнъ среди партіи, придерживавшейся взглядовъ на американский вопросъ лорда Чатама *). Изъ Лондона же Лафайетъ написалъ герцогу д'Эйену такое письмо, помѣченное седьмымъ марта 1777 года:

„Вы удивитесь, дорогой папа, тому, что сейчасъ услышите: трудно мнѣ было, повѣрьте, поставить на свое мѣсто иѣхать въ Америку вопреки вашему желанію; всегдашнее мое расположение и уваженіе къ вамъ могутъ служить вамъ въ этомъ порукою, но я далъ слово, и вы первый перестали бы меня уважать, если бы я его нарушилъ. Мнѣ представился прекрасный случай усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, и вотъ я офицеръ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Мое рвеніе къ ихъ дѣлу уже пріобрѣло мнѣ довѣріе представителей американского народа. Съ своей стороны я сдѣлалъ все, что могъ для нихъ, и можетъ быть ихъ интересы станутъ для меня дороже моихъ собственныхъ. Какъ бы то ни было, дорогой мой папа, но въ настоящую минуту я въ Лондонѣ и ожидаю извѣстій отъ моихъ друзей; какъ только я получу нужныя мнѣ вѣсти, я єду отсюда и, не заѣзжая въ Парижъ,

*) Партия эта настаивала на исполненіи тѣхъ требованій американцевъ, неисполненіе которыхъ метрополіей довело ихъ до открытаго возстанія. Замѣчательная рѣчь по этому поводу лорда Чатама приведена у Лабулэ, стр. 281.

сажусь на купленный мною корабль.... Я необыкновенно счастливъ, что могу быть полезнымъ моимъ американскимъ друзьямъ, у которыхъ думаю учиться. Я очень хорошо сознаю тѣ жертвы, которыя приношу: разлука съ семьею, съ друзьями, съ вами, мой дорогой пapa, все это мнѣ очень тяжело, потому что я люблю всѣхъ васть теперь больше, чѣмъ когда нибудь, но утѣшаю себя мыслью, что путешествіе мое продолжится недолго. Я надѣюсь вернуться болѣе достойнымъ вашей любви. До свиданія же, мой дорогой, не сердитесь на меня и сохраните ко мнѣ свое расположеніе. Я постараюсь заслужить его, а теперь заслуживаю его пока тѣми нѣжными чувствами и уваженіемъ, которыя всю жизнь будетъ хранить къ вамъ вашъ сынъ". **)

Отославши это письмо, Лафайетъ вслѣдъ за тѣмъ отправился самъ въ Парижъ, остановился у Кальба и прожилъ тамъ инкогнито трое сутокъ. Въ эти дни ему удалось увидѣться и проститься съ женой. Прощаніе было очень тяжелое для обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что маркиза Лафайетъ должна была опять скоро стать матерью. Наконецъ, Лафайетъ уѣхалъ въ Бордо, но много еще препятствій пришлось ему преодолѣть, много опасностей увидѣть, много приключеній испытать, прежде чѣмъ онъ ступилъ на американскую землю. Получивъ письмо Лафайета, герцогъ д'Эйенъ увѣдомилъ о замыслахъ своего зятя Морпа, который тотчасъ же разослалъ приказы о задержаніи бѣглеца. Лафайету,

**) Мы еще будемъ не разъ приводить письма Лафайета къ разнымъ лицамъ. Это, быть можетъ, наиболѣе документы для бiографии историческихъ лицъ. „Письма больше чѣмъ воспоминанія, говоритъ одинъ знаменитый русскій писатель,—на нихъ запеклась кровь событий. Это само прошедшее,—задержанное и неотложное“.

однако, удалось вывести свой корабль изъ Бордо въ портъ Пассажъ. Труднѣе добраться было туда самому. Онъ написалъ письмо своимъ друзьямъ въ Парижъ, которые отвѣтили ему, что нѣтъ никакой надежды на получение официального разрѣшенія на поѣздку. тогда онъ написалъ самому Морпа, но туть ничего не отвѣтилъ. „Молчаніе—знакъ согласія“, съ-остриль Лафайетъ, переодѣлся курьеромъ, достигъ до порта, въ которомъ находился его корабль и 26 апрѣля 1777 года тронулся въ путь. Корабль былъ названъ *La Victoire* (Побѣда). Бѣглецамъ угрожала постоянная опасность встрѣчи съ англійскими военными судами и Лафайетъ рѣшилъ принять въ такомъ случаѣ съ ними морскую битву и въ крайности лучше взорвать свой корабль на воздухъ, чѣмъ сдаться. Капитанъ корабля хотѣлъ зайти на стоянку въ Подвѣтренные Острова (*îles Sous-le-Vent*)*), но, какъ и слѣдовало ожидать тамъ ждалъ уже Лафайета приказъ объ арестѣ въ формѣ знаменитаго порожденія монархической Франціи — *lettre de cachet*. Поэтому „Побѣда“ взяла прямое направленіе къ американскому материку. Уже недалеко отъ берега съ корабля замѣтили два крейсировавшихъ англійскихъ фрегата, но и тутъ удалось счастливо отъ нихъ скрыться. Во время этого длиннаго перенѣзда Лафайетъ написалъ два письма своей женѣ; эти письма такъ характерны для него, какъ для *человѣка*, что мы приведемъ ихъ цѣлыми:

Корабль la Victoire 30 мая 1777 г.

„Удаляюсь отъ васъ все болѣе и болѣе, дорогая моя, и къ тяжелому чувству разлуки присоединяет-

*.) Въ группѣ Малыхъ Автильскихъ.

ся теперь томительная неизвѣстность: когда то получу я отъ васъ письмо... А разлука со всѣми дорогими людьми, чувство само по себѣ очень горькое. Какъ приняли вы извѣстіе о моемъ тайномъ отѣздѣ изъ отечества? Не разлюбили ли вы меня за это? Простили ли? Думали ли вы о томъ, что намъ все равно предстояла разлука, такъ какъ я долженъ былъѣхать въ Италію, но съ тою разницею, что тамъ я влачилъ бы безславное существованіе, жильбы среди людей враждебныхъ и моимъ планамъ и моему образу мыслей? Всѣ эти соображенія, впрочемъ, мало помогаютъ и мнѣ заглушить острое чувство боли при мысли, что я удаляюсь отъ васъ...

„Ваше горе при разлукѣ, сожалѣніе друзей, мысли о Генріетѣ,—все это не даетъ мнѣ покоя. Мнѣ иногда кажется, что нѣтъ для меня оправданій. Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело, сколько бессонныхъ ночей провелъ я, думая о васъ! Нужели же я долженъ еще ко всему этому присоединить опасеніе, что вы меня не простите?

„Но я вамъ ничего не пишу о себѣ, о своемъ здоровьѣ, хотя знаю, что всѣ эти мелочи васъ очень интересуютъ. Я нахожусь въ самой скучѣйшей изъ странъ. Море такое печальное! И, мнѣ кажется, мы огорчаемъ другъ друга: оно меня, а я его... Я долженъ былъ бы быть уже на мѣстѣ, но противные вѣтры дуютъ на встрѣчу, и мы не будемъ въ Чарльстоунѣ раньше чѣмъ черезъ восемь или десять дней...

„Но лишь бы быть увѣреннымъ, что вы здоровы и меня любите, что мои друзья ко мнѣ по прежнему расположены, а ко всему остальному я готовъ отнестись самымъ философскимъ образомъ. Но если

я подвергнусь самой серьезной изъ всѣхъ опасностей,—опасности лишиться вашей любви,—я буду очень и очень несчастливъ. Но мнѣ нечего этого бояться,—вѣдь, правда, дорогая моя?

„Я былъ очень нездоровъ въ первые дни моего морского путешествія, но на людяхъ и смерть красна, а болѣли мы большой компанией. Это было даже забавно. Я выздоровѣлъ скорѣе другихъ и теперь чувствую себя, какъ на твердой землѣ... Видите, какъ я съ вами откровененъ. Будьте же также откровенны со мною, и не тревожьтесь безъ всякаго повода. Но поговоримъ о вещахъ наиболѣе важныхъ. Поговоримъ о васть, о Генріетѣ, о ея братѣ или сестрѣ, которые должны появиться на свѣтѣ. Генріета такъ мила, что располагаетъ меня къ желанію имѣть еще дочь. Но кто бы ни былъ нашъ другой ребенокъ, я приму извѣстія о его рождениіи съ величайшей радостью. Поспѣшите немедленно уведомить меня обѣ этомъ счастливомъ событии. Не знаю, потому ли что теперь я отецъ двоихъ дѣтей или почему другому, но я нахожу въ себѣ столько отеческихъ чувствъ, какъ никогда раньше“...

7 июня.

„Я все еще въ этой печальной равнинѣ! Чтобы утѣшить себя хоть сколько нибудь, я думаю о васть, о моихъ друзьяхъ. Я думаю о нашей встрѣчѣ. Что за чудная будетъ минута, когда я вдругъ брошуясь въ ваши объятія, появившись совершенно неожиданно! Съ вами, можетъ быть, будуть тогда наши дѣтки. Я люблю думать обѣ этой счастливой минутѣ. И повѣрьте, что это будетъ гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете. Конечно, для меня будетъ все

равно очень долго, сколько бы это не продолжалось, но въ сущности это будетъ такъ скоро, какъ вы себя и представить не можете.

„Вы, конечно, сознаете, дорогая моя, что дѣло, которое мнѣ предстоитъ здѣсь, совершенно не похоже на то бездѣлье, которое хотѣли мнѣ навязать, посылая меня въ Италію *). Быть защитникомъ свободы, предъ которой я преклоняюсь, быть свободнымъ самому, явиться другомъ, предложить свои услуги славной Республике, явиться безъ всякаго честолюбія, безъ всякой задней мысли и сознавать, что, работая для своей славы, работаешь и для ихъ счастья... Я надѣюсь, что изъ любви ко мнѣ и вы сдѣлаетесь прекрасной американкой. Счастье Америки самымъ тѣснымъ образомъ связано съ счастьемъ всего человѣчества. Америка сдѣлается надежнымъ и прочнымъ убѣжищемъ свободы.

„До свиданія. Наступившая ночь не позволяетъ мнѣ продолжать письмо, такъ какъ вотъ уже иѣсколько дней, какъ я запретилъ зажигать на кораблѣ огонь. Видите, какъ я благоразуменъ! До свиданія же. Такъ какъ моими пальцами водитъ мое сердце, то мнѣ не нужно свѣта для того, чтобы написать вамъ, что я люблю васъ и буду любить всегда“.

Послѣ семинедѣльного путешествія Лафайетъ высадился, наконецъ, въ Чарльстоунѣ, въ Каролинѣ. „Добравшись въ шлюпкѣ до берега и почувствовавши подъ своими ногами американскую почву, Лафайетъ тутъ же поклялся побѣдить или умереть за дѣло американской независимости“.

*) Родные Лафайета, по соглашенію съ Морпа, хотѣли отправить его путешествовать въ Италію, просто, чтобы „выгнать дурь изъ его головы“.

III.

Изъ Чарльстоуна Лафайетъ отправился немедленно въ Филадельфию, сдѣлавши триста лѣ верхомъ. Въ Филадельфиѣ въ это время засѣдалъ Конгрессъ, и этотъ городъ считался столицею возникающаго новаго государства. Лафайетъ привезъ съ собою рекомендательныя письма отъ Дина, которыя и вручилъ Лоуэлю, предсѣдателю Комитета иностранныхъ дѣлъ. Лоуэль, не прочитавши даже писемъ, принялъ Лафайета очень сухо и даже сказалъ ему, что онъ не надѣется, чтобы на желаніе маркиза вступить въ ряды американской арміи послѣдовало согласіе Конгресса. У Лоуэля были на это свои причины: дѣло въ томъ, что первоначально онъ принялъ Лафайета за одного изъ многочисленныхъ авантюристовъ, являвшихся изъ Европы въ Америку „искать фортуны“ и очень скоро наѣхавшихъ американцамъ и своею неспособностью къ партизанской войнѣ и своими непомѣрными претензіями. Нѣсколько уязвленный такимъ къ себѣ отношеніемъ, Лафайетъ написалъ заявленіе и настоялъ, чтобы оно было прочитано въ засѣданіи Конгресса. Заявленіе это гласило, что „послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ имъ американскому дѣлу, онъ имѣеть право требовать себѣ двѣ милости: 1) служить на собственный счетъ и 2) начать службу простымъ волонтеромъ“. Тонъ заявлениія показалъ Конгрессу, что на этотъ разъ Соединенные Штаты имѣютъ дѣло не съ зауряднымъ авантюристомъ, а съ человѣкомъ, дѣйствительно, преданнымъ дѣлу независимости Америки. Прочитаны были и рекомендательныя письма Дина, послѣ чего

31 июля 1777 года Конгрессъ сдѣлалъ слѣдующее постановление: „принимая во вниманіе, что маркизъ Лафайетъ изъ преданности предпринятыму Соединенными Штатами дѣлу свободы, покинулъ семейство и всѣхъ своихъ друзей, явился въ Америку на собственный счетъ для того, чтобы предложить свои услуги Соединеннымъ Штатамъ, не испрашивая за это никакого вознагражденія и рѣшаясь жертвовать за наше дѣло своею жизнью, Конгрессъ постановляетъ: услуги эти принять и, во вниманіе энергіи и знатности рода маркиза Лафайета, назначить его начальникомъ штаба арміи Соединенныхъ Штатовъ“. Получивъ это назначеніе, Лафайетъ сталъ стремиться увидѣться, какъ можно скорѣе, съ славнымъ главнокомандующимъ американской арміею Вашингтономъ. Армія была въ это время далеко отъ Филадельфіи. Англичане, избравши своимъ операционнымъ базисомъ Нью-Йоркъ, приготовлялись къ нападенію на Вашингтона. Ихъ силы состояли изъ восемнадцати тысячъ человѣкъ регулярныхъ и дисциплинированныхъ войскъ, которымъ Вашингтонъ могъ противопоставить несравненно болѣе слабую по численности „армію“, плохо вооруженную, недисциплинированную, лишенную самыхъ необходимыхъ запасовъ и лишь однимъ богатую,—подъемомъ гражданскихъ чувствъ и готовностью на всякия жертвы для отечества. Опасаясь нападенія на Филадельфию, Вашингтонъ приблизился къ ней почти со всѣми своими силами, простиравшимися до одиннадцати тысячъ человѣкъ. Здѣсь былъ въ первый разъ представленъ главнокомандующему его начальникъ штаба. Съ первой же встрѣчи съ великимъ американцемъ Лафайетъ почувствовалъ къ нему настоящую сыновнюю при-

вязанность, которую свято хранилъ до самой своей смерти. Вашингтонъ, въ свою очередь, обошелся съ молодымъ маркизомъ чрезвычайно ласково: онъ благодарилъ его за жертвы американскому дѣлу, поощрялъ его рвение и просилъ смотрѣть на „квартиру главнокомандующаго“, какъ на свой собственный домъ. Онъ прибавилъ, улыбаясь, что, конечно, онъ не можетъ предложить ему роскоши Двора, но, что, сдѣлавшись американскимъ солдатомъ, Лафайетъ навѣрно скоро привыкнетъ къ обычаямъ и лишеніямъ республиканской арміи. На слѣдующій день Вашингтонъ дѣлалъ смотръ своей арміи и пригласилъ Лафайета ему сопутствовать. Зрѣлище, которое представилось глазамъ блестящаго французскаго офицера, было для него совершенно не-привычно: „армія“ представляла собою скорѣе толпу новобранцевъ, чѣмъ благоустроенное войско. Плохо вооруженные, одѣтые въ охотничыи рубашки или куртки изъ сѣраго сукна, безъ всякаго почти понятія о строѣ, американцы, однако, видимо выкупали всѣ эти недостатки энергию и готовностью на самопожертвованіе. На самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій изучали эти люди тактику и стратегію. Внѣшній видъ этой арміи рѣшительно ничѣмъ не напоминалъ черныхъ мушкетеровъ, среди которыхъ протекли первыи годы службы Лафайета. „Намъ совѣстно показываться въ подобномъ видѣ офицеру, который только что явился изъ французской арміи“, — сказалъ на смотрѣ Вашингтонъ. „Я явился сюда для того, чтобы учиться, а не учить“. Эти слова произвели очень хорошее впечатлѣніе, такъ какъ были совершенно несвойственны явившимся въ Америку европейцамъ. Между тѣмъ французское правительство потребовало отъ проживавшихъ,

въ Парижъ американскихъ агентовъ, чтобы они увѣдомили Конгрессъ о его положительномъ нежеланіи видѣть Лафайета въ рядахъ американской арміи. Агенты не особенно торопились исполнить желаніе французского правительства, и, когда, наконецъ, увѣдомили объ этомъ Конгрессъ, то популярность „молодого француза“, какъ называли тогда Лафайета въ Америкѣ, была такъ велика, что обѣ исполненіи желанія версальского двора не могло быть и рѣчи.

Первое большое сраженіе между американцами и англичанами произошло одиннадцатаго сентября въ двадцати шести миляхъ отъ Филадельфіи, вблизи небольшого притока рѣки Делавара, называемаго Брандіуайномъ. Отсюда и самое сраженіе получило название брандіуайнскаго. Англичане успѣли обойти американцевъ съ фланговъ и съ тыла. При такихъ условіяхъ пораженіе американцевъ явилось непрѣблжнымъ и англичане не только одержали полную победу, но вскорѣ завладѣли, вслѣдствіе того, и самой Филадельфией. Въ этомъ сраженіи Лафайетъ былъ раненъ пулею въ ногу. О своей ранѣ, какъ и о всемъ дѣлѣ одиннадцатаго сентября, онъ рассказывалъ въ шутливомъ тонѣ въ письмѣ къ женѣ:

„Долженъ вамъ сказать, дорогая моя, — писалъ онъ женѣ, — что нась вчера изрядно поколотили. Наши американцы, продержавшись сколько было возможно, кончили тѣмъ, что начали поспѣшино отступать. Въ благодарность за мое желаніе удержать отступленіе, господа англичане царапнули меня ружейной пулей въ ногу; но это пустяки, дорогая моя: пуля не задѣла ни кости, ни важныхъ кровеносныхъ сосудовъ, и все дѣло ограничится необходиностью пролежать нѣсколько времени на

спинѣ, что, впрочемъ, приводитъ меня въ дурное расположение духа. Вы не должны обо мнѣ беспокоиться, тѣмъ болѣе, что рана не позволить мнѣ принять участіе въ предстоящемъ, можетъ быть, скоро новомъ сраженіи. Вчерашнее дѣло было неудачно для насъ, но надо будетъ постараться загладить его послѣдствія. Вы должны были получить отъ меня уже нѣсколько писемъ, если только англичане не столько же внимательны къ моимъ письмамъ, какъ къ моимъ ногамъ. До свиданія, моя дорогая, люблю васъ, какъ никогда“.

Еще интереснѣе письмо Лафайета есть первого октября:

„Я писалъ вамъ уже, моя дорогая, двѣнадцатаго сентября, потому что двѣнадцатое сентября слѣдуетъ за одиннадцатымъ, а мнѣ хотѣлось разсказать вамъ одну исторійку, которая была одиннадцатаго. Въ этотъ день, не помню какимъ образомъ, я схватилъ ружейную рану, заставившую меня провалиться нѣсколько недѣль и предаваться самымъ философскимъ размышленіямъ... Я поспѣшилъ, конечно, написать вамъ обѣ этомъ маленькомъ приключеніи на слѣдующій же день послѣ битвы; относительно раны я тогда же сообщалъ, что это сущій вздоръ и былъ совершенно правъ. Доктора удивляются быстротѣ, съ которой она заживаетъ и приходятъ въ восторгъ при всякой визитациі. Вотъ вамъ и вся исторія моей раны, какъ пышно называю я эту царапину, желая придать болѣе интереса собственной особѣ.“

„Теперь мнѣ нужно дать вамъ, какъ женѣ американского генерала, слѣдующее наставленіе: когда вамъ будутъ говорить: „они были разбиты“, вы отвѣчайте: „это правда, но даже при прочихъ рав-

ныхъ условіяхъ старые солдаты имѣютъ всегда преимущество передъ новобранцами; въ дѣлѣ же одиннадцатаго сентября они имѣли удовольствіе убить много англичанъ и во всякомъ случаѣ потерпѣ непріятеля были гораздо больше, нежели ихъ“. Когда въ отвѣтъ на это станутъ возражать: „все это прекрасно; однако, Филадельфія, столица Америки, оплотъ свободы, взята англичанами“, то отвѣчайте самимъ учтивымъ образомъ такъ: „вы дурачье! Филадельфія жалкій, открытый со всѣхъ сторонъ городъ, у котораго гавань давно уже заперта; этотъ городъ прославленъ рѣшительно неизвѣстно почему и знаменитъ только тѣмъ, что въ немъ засѣдалъ американскій Конгрессъ. Вотъ каковъ этотъ городъ, который,—замѣчу въ скобкахъ,—мы, рано или поздно, заставимъ англичанъ снова намъ отдать“. Если же васъ и послѣ этого будуть осаждать возраженіями, то вы, въ такихъ же вѣжливыхъ выраженіяхъ, которымъ я васъ выше училъ, отошлите вашихъ оппонентовъ къ Ноайю, потому что не могу же я посвящать васъ во всѣ тонкости политики.

„Поговоримъ о другомъ: у меня есть другъ, который поручилъ меня особенному вниманію докторовъ. Это генералъ Вашингтонъ, мужъ въ высокой степени доблестный, предъ которымъ я преклоняюсь все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ его узнаю и котораго желалъ бы видѣть своимъ самымъ близкимъ другомъ.

„Всѣми иностранцами, приятыми на американскую службу, здѣсь крайне недовольны: ихъ почти ненавидятъ. Рѣшительно не понимаю ихъ поведенія. Самъ же я настолько счастливъ, что успѣлъ

пріобрѣсти всеобщую любовь. Я теперь пребываю въ Виолеемъ, о которомъ столько говорилъ аббать Рейналь. Городокъ этотъ красивый и очень интересный.

„Я надоѣлъ окружающимъ своею болтовнею и все больше о нашемъ будущемъ съ вами свиданіи; вѣдь, вы знаете, какой я болтуны! Будьте такою же по отношенію къ моей дорогой, моей бѣдной, маленькой Генріетѣ. Обнимите ее тысячу разъ! Говорите съ ней обо мнѣ! Есть ли уже у нея братъ или сестра? Кто именно,—мнѣ все равно, лишь бы я имѣлъ удовольствіе поскорѣе узнать, что я снова отецъ. Если у меня будетъ сынъ, я ему современнемъ открою мое сердце: я скажу ему, что, если у него будетъ когда нибудь жена, которую онъ будетъ также любить, какъ люблю я васъ, то... да воздержится онъ отъ всякихъ страстей, способныхъ отвлечь его далеко отъ предмета любви... Тысячу привѣтствій сестрамъ. Конечно, онъ могутъ презирать меня, несчастнаго бѣглеца, но хорошо было бы, если бы они продолжали меня любить, не смотря на то. Прощайте же, моя дорогая, любите меня; вѣдь, я люблю васъ такъ страстно!

„Передайте мой привѣтъ доктору Франклину и г. Дину. Я хотѣлъ имъ писать, но у меня не хватило времени“.

Обреченный на временное бездѣйствіе, Лафайетъ не ограничивался исключительно перепискою съ женою; самые смѣлые планы бродили въ его головѣ: то онъ писалъ губернатору острова Мартиники, подстрекая его напасть подъ американскімъ флагамъ на острова, принадлежащиѣ Англіи, то

писалъ самому Морпа, развивая предъ нимъ планъ нападенія на Индію. Старый министръ уклонялся до поры до времени отъ всякаго активнаго вмѣшательства въ англо-американскую распрю, но публично хвалилъ Лафайета за его энергію: „онъ готовъ опустошать Версаль для дѣла американской независимости,—сказалъ, однажды, Морпа о Лафайетѣ,—но замѣчательная вещь: разъ забеть онъ себѣ что нибудь въ голову, то съ нимъ почти невозможно не соглашаться“.

Междудѣмъ какъ Филадельфія была занята англичанами, военное счастье улыбнулось американцамъ въ другомъ мѣстѣ. Расположившись по рѣкѣ Гудзону, англичане совершили отрѣзали Новую Англію. Сосредоточенный въ этомъ мѣстѣ отрядъ достигалъ до семи тысячъ человѣкъ, которыми командовалъ генералъ Бургонь. Это обстоятельство подняло на ноги почти все населенія Новой Англіи, и Бургонь неожиданно увидѣлъ предъ собою армію въ тринацдцать тысячъ человѣкъ, правда, недисциплинированную и беспорядочную, но состоящую изъ храбрыхъ, рѣшительныхъ людей и отличныхъ стрѣлковъ. Арміей этой командовали генералъ Гетсъ. Въ этой арміи находился и знаменитый Костюшко. Послѣ разныхъ перипетій, рѣшительное сраженіе произошло при городѣ Саратогѣ, въ которомъ англичане потерпѣли рѣшительное пораженіе. Саратогская победа произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ Америкѣ и Европѣ, но лавры одержавшаго ее генерала Гетса не безукоризненно чисты. Въ это время велась въ Америкѣ сильная интрига противъ великаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ Георга Вашингтона, и Гетсъ былъ въ числѣ ея участниковъ. Имѣя въ виду дискре-

дитировать главнокомандующего, Гетсъ послалъ донесеніе о Саратогской побѣдѣ и сдачѣ въ плѣнъ трехъ съ половиною тысячъ англичанъ непосредственно Конгрессу, не потрудившись даже увѣдомить объ этомъ событии Вашингтона. „Будемъ надѣяться, что все кончится хорошо,—писалъ хладнокровно о такомъ поступкѣ Гетса Вашингтонъ Патрику Генри *). Лишь бы восторжествовало наше дѣло, а гдѣ и черезъ кого—мнѣ все равно“. Такъ отнесся къ тяжкому оскорблению, по истинѣ, великій человѣкъ, вспоминая котораго Байронъ упраекаетъ человѣчество въ томъ, что имя Вашингтона у него единственное!..

Не дождавшись окончательного выздоровленія, Лафайетъ прибылъ въ армію Вашингтона. Здѣсь узналъ онъ о Саратогской побѣдѣ, оцѣнилъ вполнѣ заслуги Гетса, но сильно порицалъ его за отношеніе къ главнокомандующему. Чтобы загладить впечатлѣніе Саратогскаго дѣла, англійскій генералъ Корнвалиссъ вторгся съ пятью тысячами человѣкъ въ Джерсей. Американцы противопоставили ему отрядъ такой же численности подъ командою генерала Грэна, къ штабу котораго былъ прикомандированъ и Лафайетъ. Посланный на рекогносцировку съ тремя стами пятьюдесятью человѣкъ, Лафайетъ у Глочестера наткнулся на передовой отрядъ Корнвалиса, состоящій изъ четырехсотъ гессенцевъ. Лафайетъ смѣло напалъ на этотъ отрядъ, и Корнвалиссъ, находившійся на неудобной позиції и полагавшій, что онъ имѣетъ дѣло со всѣми си-

*) Патрикъ Генри—одинъ изъ пламеннѣйшихъ патріотовъ и лучшихъ ораторовъ американской революціи. Онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ Вашингтономъ еще въ мартѣ 1775 года членомъ Комитета Народной Обороны.

лами Грина, поспѣшио отступилъ, потерявши убитыми шестьдесятъ гессенцевъ. Этотъ маленькой успѣхъ пришелся особенно по душѣ американской милиціи и Конгрессъ заявилъ, что „ему было бы чрезвычайно пріятно видѣть маркиза Лафайета во главѣ самостоятельного отряда“. Послѣ того Лафайетъ немедленно отправился въ Виргинію, чтобы замѣнить вышедшаго въ отставку генерала Стифена.

Несмотря, однако, на эти успѣхи, положеніе американской арміи становилось все болѣе и болѣе критическимъ: бумажные деньги страшио упали въ цѣнѣ, ибо англичане не стыдились поддѣлывать ихъ въ огромномъ количествѣ; армія терпѣла недостатокъ въ платьѣ, рубашкахъ, провизіи, оружіи, словомъ, во всемъ самому необходимомъ. Лафайетъ одѣвалъ и содержалъ на свой счетъ почти цѣлый отрядъ. Чѣмъ болѣе положеніе становилось критическимъ, тѣмъ болѣе чувствовалась необходимость въ дисциплинѣ, которая, видимо, падала. Лафайетъ видѣлъ это и подавалъ собою примѣръ самого строгаго исполненія долга. Воспитанный въ роскоши, онъ раздѣлялъ съ послѣднимъ изъ своихъ солдатъ всѣ самыя тяжелыя лишенія, поддерживалъ падавшихъ духомъ, былъ всегда впереди. Къ довершеннюю несчастій, враждебная Вашингтону партія все болѣе и болѣе усиливала и, однажды, сдѣлала даже попытку привлечь на свою сторону „молодого француза“. Лафайетъ отвергъ съ негодованіемъ всѣ предложения враговъ славнаго гражданина, съ которымъ продолжалъ видѣться очень часто. „Я не искалъ занимаемаго мною поста, сказалъ, однажды, Вашингтонъ Лафайету; если я не угоденъ народу, я уйду, но до тѣхъ поръ пока народъ этого мнѣ

не скажетъ, я буду всѣми силами сопротивляться интригѣ“. Вотъ какъ описывалъ положеніе дѣль въ это время Лафайетъ въ письмѣ къ женѣ отъ 6 января 1778 года:

„Не совсѣмъ удобное время и мѣсто избралъ я для письма къ вамъ въ настоящую минуту, дорогая моя: январь мѣсяцъ и военный лагерь среди лѣса! Къ тому же еще недавно мы были отдѣлены отъ непріятеля всего одною маленькою рѣчкою. Теперь онъ находится отъ насъ въ семи лѣё, а мы проводимъ зиму въ наскоро построенныхъ баракахъ, въ которыхъ немногимъ веселѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ... Вы, конечно, поймете, что безъ уважительныхъ причинъ не станешь приносить такихъ жертвъ. Мнѣ такъ хотѣлось быѣхать къ вамъ, но я останусь здѣсь, ибо этого требуетъ моя честь. Я убѣженъ, что, если бы вы знали о тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нахожусь я, находится вся армія и командующій ею генераль—мой другъ, находится, наконецъ, все американское дѣло, то простили бы меня за это и, смѣю даже сказать, одобрили бы... Кромѣ упомянутыхъ причинъ, которыя заставляютъ меня остататься здѣсь есть и другія, которыя повѣдаю я, конечно, далеко не каждому, ибо это было бы смѣшно... Вамъ же я скажу откровенно, что мое присутствіе здѣсь въ настоящую минуту необходимо американскому дѣлу: многіе изъ иностранцевъ, не желающіе служить или служащіе изъ честолюбія, употребляли сначала разные способы, чтобы отвратить меня отъ американской революціи и ея вождя, но, потерпѣвшіи въ этомъ неудачу, распространили повсемѣстно слухъ, что я, въ качествѣ недовольного, покидаю въ скоромъ времени Америку. То же самое повторяютъ и англичане...

чане. Имѣю ли я послѣ этого право утвердить американцевъ своимъ отъѣздомъ въ справедливости такого обо мнѣ мнѣнія? Уѣзжай я, и моему примѣру послѣдуютъ многіе французы, присутствіе которыхъ здѣсь весьма полезно. Генералъ Вашингтонъ былъ бы крайне опечаленъ моимъ отѣздомъ. Его довѣріе ко мнѣ превосходитъ всякую мѣру возможнаго по отношенію къ человѣку моихъ лѣтъ. Человѣкъ въ его положеніи бываетъ всегда окруженнъ льстецами или тайными врагами и потому нуждается въ другѣ, которому могъ бы открыть свое сердце и который, въ свою очередь, всегда готовъ сказать ему правду. Такого друга нашелъ онъ во мнѣ. Послѣ маленькой удачи въ Джерсѣ Конгрессъ и Вашингтонъ предложили мнѣ постъ командующаго самостоятельнымъ отрядомъ. Неужели же въ отвѣтъ на такие знаки довѣрія уѣхать въ Европу? Вотъ нѣкоторыя изъ причинъ, заставляющія меня оставаться здѣсь и которыя я вамъ говорю по секрету... Я вамъ уже писалъ нѣсколько времени тому назадъ черезъ знаменитаго Адамса *). Онъ облегчитъ вамъ способы сношеній со мною. Прощайте же и не забывайте несчастнаго бѣглеца, который питаетъ къ вамъ такія нѣжныя чувства“.

Двадцать второго января 1778 года, Конгрессъ рѣшилъ произвести вторженіе въ Канаду, и начальникомъ этой экспедиціи назначилъ Лафайета. Враги Вашингтона хотѣли снова подѣйствовать на честолюбіе „молодого француза“: съ этою цѣлью Вашингтону былъ предложенъ постъ военнаго ми-

*) Джонъ Адамсъ—первоначально бостонскій адвокатъ, потомъ первый посланикъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи и наконецъ президентъ Республики. Въ описываемое время Джонъ Адамсъ находился въ Парижѣ.

нистра, благодаря чему Лафайету открывалась дорога въ главнокомандующіе, а это обстоятельство должно было сдѣлать его совершенно независимымъ отъ Вашингтона; самыя донесенія о ходѣ военныхъ дѣйствій главнокомандующій обязанъ быть посыпать непосредственно Конгрессу, сообщая ихъ лишь въ копіяхъ военному министру. Вашингтонъ принялъ новое назначение безъ малѣйшихъ колебаній, но не такъ поступилъ Лафайетъ: онъ объявилъ посланнымъ къ нему комиссарамъ Конгресса, что „онъ не приметъ никогда никакого назначенія, ставящаго его въ независимое положеніе отъ Вашингтона и что званіе адъютанта главнокомандующаго кажется ему самымъ лестнымъ изъ всѣхъ, какие ему можетъ предложить Конгрессъ“. Въ этомъ же смыслѣ Лафайетъ написалъ и президенту Конгресса, послѣ чего, обсудивъ внимательнѣе возможность вторженія въ Канаду зимою, безъ одежды и безъ провизіи, Конгрессъ оставилъ этотъ планъ. Вскорѣ Лафайету же поручено было Конгрессомъ приведеніе всѣхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ къ присягѣ, въ которой они должны были поклясться „въ полномъ и безусловномъ отреченіи на вѣчныя времена отъ Англіи, отъ Георга III, его наследниковъ и какого бы то ни было англійскаго короля“.

Междудѣмъ французское правительство заключило, наконецъ, „торговый договоръ съ Соединенными Штатами“. Заключеніе этого договора было обставлено въ Парижѣ особою торжественностью: въ этотъ день докторъ Франклінъ, Силла Динъ и Джонъ Адамсъ, въ сопровожденіи всѣхъ находившихся въ Парижѣ американцевъ, были представлены королю и королевскому семейству и были ими

приняты чрезвычайно любезно. Непосредственно послѣ королевской аудіенціи Франклина, Динъ и Адамсъ отправились къ жившой въ это время въ Версалѣ женѣ Лафайета и выразили ей признательность гражданъ вновь признанной Республики за службу, которую несъ въ ихъ отечествѣ маркизъ.

Новость о заключеніи торговаго трактата съ Франціей и тѣмъ признаніе со стороны ея независимости Соединенныхъ Штатовъ произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе въ Америкѣ и особенно въ американской арміи: вездѣ вздохнули свободнѣе, вездѣ служили торжественные молебствія, вездѣ зажигались флюминиаціи и раздавались радостные клики въ честь Франціи и ея короля. Лафайетъ со слезами на глазахъ обнималъ Вашингтона и говорилъ о скоромъ упроченіи независимости Соединенныхъ Штатовъ. Второго мая въ американской арміи въ честь Франціи устроены были праздники и Лафайетъ сдѣлался предметомъ шумной оваций. Перемѣну обстоятельствъ почувствовали и англичане и приготовились оставить занятую ими Филадельфию.

IV.

Торговый договоръ, заключенный Франціей съ великимъ государствомъ на дальнемъ западѣ состоялся безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, въ основѣ которыхъ лежали экономическая причина. Желаніе ослабить свою соперницу Англію играло въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль, а Саратогская битва и плѣнъ Бургоэня указали Версальскому Двору на всю силу

возникающей Заатлантической Республики. Надо было ловить случай, но надо было действовать искусно и казаться великодушнымъ. „Его христіаннѣйшее величество, — писалъ Жераръ американскимъ комиссарамъ, — желаетъ, чтобы однажды заключенный союзъ былъ проченъ и чтобы дружба между обѣими странами была обеспечена навсегда, что возможно только въ такомъ случаѣ, если обѣ стороны будутъ столь же заинтересованы въ поддержаніи союза, какъ и въ его заключеніи“. Поэтому король требовалъ отъ Соединенныхъ Штатовъ уже какъ „обязательства“ поддерживать свою независимость и никогда не возвращаться къ подчиненію англійскому правительству. Такое „требованіе“ было для американцевъ легко, ибо вполнѣ совпадало съ ихъ собственными желаніями.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Англіи взглянули на это событіе, какъ на прямой вызовъ къ разрыву: англійскому послу въ Парижѣ, лорду Стармунту, было приказано, поэтому, взять назадъ свои ввѣрительныя грамоты; то же самое сдѣлалъ, по распоряженію своего правительства французскій посланникъ въ Лондонѣ маркизъ де Ноай, а это почти равнялось объявлению войны. Вскорѣ въ Лондонѣ стало извѣстно, что примѣру Франції желаетъ послѣдовать и Испанія. Положеніе вещей становилось, очевидно, для Англіи очень серьезнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ ожидали со дня на день очищенія Філадельфіи англичанами, ибо имъ становилось необходимымъ сосредоточить свои сплы въ Нью-Йоркѣ для защиты этого города отъ возможного нападенія со стороны французского флота. Съ цѣлью собрать

болѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ англичанъ, американцы предприняли рекогносцировку въ Филадельфию. Отрядомъ, назначеннымъ для этого и состоявшимъ изъ двухъ тысячъ отборнаго войска, командовалъ Лафайетъ. Смѣнившій англійскаго генерала Гоу, генералъ Клинтонъ *) такъ искусно маневрировалъ съ своимъ войскомъ, что плѣнъ горсти американцевъ казался неизбѣжнымъ. Клинтонъ разсыпалъ уже находившимся въ лагерѣ женамъ иѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ приглашеніе на завтракъ, за которымъ будетъ плѣненный „молодой французъ“, а адмиралъ Гоу, родной братъ отзваннаго въ Лондонѣ генерала, говорилъ, что у него уже готовъ фрегатъ, на которомъ будетъ отправленъ въ Англію французскій „боу“. **) Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, Лафайетъ, однако, и здѣсь не потерялся: онъ отряпилъ двѣ небольшія колонны и послалъ ихъ на встрѣчу къ непріятелю въ обѣ стороны; каждый изъ англійскихъ отрядовъ принялъ посланную колонну за всѣ силы Лафайета и началъ ихъ преслѣдовать; колонны отступали до рѣки Матсона, гдѣ, соединясь между собою и съ главными силами, прорефирировали вбродъ по рѣкѣ, скрывшись такимъ образомъ, какъ говорится, подъ самымъ носомъ у непріятеля, въ то время, когда англійскіе отряды, наступая одинъ на другой, чуть было не вступили между собою въ серьезную битву. Благополучно избѣгнувши опасности, Лафайетъ вскорѣ присоеднился къ Вашингтону.

17 іюня Филадельфія была очищена англійскими

*) Тотъ самый, съ которымъ Лафайетъ встрѣчался на балахъ въ Лондонѣ.

**) Мальчикъ.

войсками и пребывавшій въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ городѣ Іоркѣ *) Конгрессъ возвратился въ американскую столицу. Въ это время и американцы и англичане одинаково ждали вмѣшательства въ ихъ борьбу французскихъ войскъ и не предпринимали ничего рѣшительнаго; сраженій почти не было, исключая одного, пзвѣстнаго подъ именемъ монмутской битвы, въ которой перевѣсъ остался на сторонѣ американцевъ. Вскорѣ у береговъ Америки появились три французскихъ корабля подъ начальствомъ графа Эстеня, между которыми и флотомъ адмирала Гоу произошла морская битва близъ Родъ-Айланда; битва эта не имѣла серьезныхъ послѣдствій ни для той ни для другой стороны.

Между тѣмъ, съ перемѣною обстоятельствъ въ пользу Америки, англійскій парламентъ рѣшилъ идти на всевозможныя уступки американцамъ, лишь бы колоніи согласились сохранить связь съ метрополіей. Съ этою цѣлью, въ Америку въ качествѣ комиссаровъ были отправлены Карлпль и Джорджъ Джонсонъ, но Конгрессъ отвергъ всѣ мирныя предложения посланцевъ и настаивалъ на признаніи полной независимости Соединенныхъ Штатовъ. Во время переговоровъ по этому поводу Карлпль замѣтилъ, что напрасно Америка надѣется на Францію, „страну, пзвѣстную своимъ коварствомъ“. Эти слова показались оскорбительными Лафайету, и онъ послалъ Карлплю вызовъ на дуэль. Англійскій комиссаръ постарался отклонить вызовъ, благодаря чему дуэль не состоялась. Тѣмъ не менѣе, поступокъ Лафайета произвелъ сплошное впечатлѣніе въ Америкѣ.

*) Въ Пенсильваніи.

Мысль вырвать Канаду изъ рукъ англичанъ и возвратить ее Франціи давно уже занимала Лафайета. Онъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ Коломба въ Конгрессъ и просилъ позволить ему лично изложить свои по этому поводу планы. Такое позволеніе было ему дано и мысль о занятіи Канады была въ принципѣ одобрена; однако, Конгрессъ сомнѣвался, чтобы съ наличными силами возможно было осуществленіе этого плана и полагалъ, что было бы лучше всего, если бы инициативу такого дѣла приняла на себя Франція, а „Соединенные Штаты употребили бы всѣ успія, чтобы помочь французскимъ войскамъ“. Получивши такой отвѣтъ, Лафайетъ послалъ Вашингтону просьбу объ отпускѣ во Францію; онъ писалъ главнокомандующему, что до тѣхъ поръ пока дѣло шло лично о немъ, онъ считалъ за честь и за счастье сражаться подъ американскимъ знаменемъ, но разъ войну начинаетъ его отчество, то чувства долга и патріотизма заставляютъ его явиться во Францію и предоставить ей послать его туда, куда укажетъ надобность. Въ продолженіе этого времени онъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на отпускнаго американского солдата, горящаго желаніемъ присоединить свои знамена къ знаменамъ дорогихъ американскихъ товарищѣй.

Получивши это прошеніе, Вашингтонъ послалъ его Конгрессу, который постановилъ отпустить Лафайета во Францію, снабдивши его такими документами:

„21 октября 1778 года“.

„Конгрессъ постановилъ: принять прошеніе начальника штаба арміи Сѣверо-Американскихъ Со-

единенныхъ Штатовъ маркиза де Лафайетъ обѣ отпусткѣ его во Францію и предоставить ему самому избрать срокъ для своего возвращенія; вмѣстѣ съ тѣмъ поручить Президенту Конгресса благодариТЬ маркиза Лафайета именемъ Конгресса за сго горячую преданность американскому дѣлу и за ревностную службу, которую онъ несъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ полнымъ знаніемъ военного дѣла и мужествомъ, проявленнымъ имъ во многихъ важныхъ случаяхъ. Въ виду этого, полномочному посланнику Соединенныхъ Штатовъ при Версальскомъ Дворѣ поручается вручить маркизу Лафайету отъ имени Конгресса золотую шпагу, укращенную надлежащими эмблемами“.

Другой документъ заключалъ въ себѣ рекомендациоn ЛАФАЙЕТА Людовику XVI и былъ составленъ въ такихъ выраженияхъ:

„Нашему великому, вѣрному и дорогому союзнику и другу Людовику XVI, королю французскому и наварскому“.

„Давая разрѣшеніе маркизу де Лафайетъ возвратиться въ его отчество, мы не можемъ отпустить его, не выразивши ему чувствъ глубочайшей благодарности за его усердіе, мужество и преданность нашему дѣлу. Мы назначили его начальникомъ штаба нашей арміи, и онъ вполнѣ оправдалъ наше довѣріе своимъ достойнымъ и мужественнымъ образомъ дѣйствій. Мы рекомендуемъ этого благороднаго молодого человѣка Вашему Величеству, потому что мы видѣли его мудрымъ въ совѣтѣ, храбрымъ на полѣ битвы и терпѣливымъ среди трудовъ и лишений войны. Въ немъ совмѣщались всегда

преданность долгу и американского солдата и Вашего подданного, и эта черта заслужила ему особое довѣріе гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, Вашихъ добрыхъ и вѣрныхъ друзей и союзниковъ. Молимъ Бога, да сохранить онъ Ваше Величество въ добромъ здравіи. Данъ Конгрессомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.“

Президентъ Конгресса Генрихъ Лоренсъ.

Отсылая эти документы Лафайету, президентъ Конгресса писалъ ему съ своей стороны: „Да хранитъ васъ Богъ monsieur, да поможетъ онъ вамъ достигнуть благополучно отечества и явиться предъ вашимъ государемъ, вашею семьею и вашими друзьями“.

Конгрессъ назначилъ самый лучшій свой корабль *l'Alliance* (Союзъ) для путешествія Лафайета въ Европу, какъ, вдругъ, изнemоженный трудными переходами и постоянными лишеніями маркизъ попалъ какъ то разъ подъ сильный осенний дождь, простудился и заболѣлъ горячкою. Слухи о вѣроятности смертельного исхода болѣзни „the soldier's friend'a“, *) какъ называли Лафайета солдаты, опечалили всю армію. Главный докторъ Кохранъ, припомнивши обращенные къ нему послѣ Брандіуйнской битвы слова Вашингтона, касавшіяся раненаго Лафайета „заботьтесь о немъ, какъ о моемъ сынѣ, потому что я люблю его не меныше сына“, —теперь бросилъ все и поспѣшилъ къ нему на помощь. Положеніе больного, по свидѣтельству врачей, было отчаянное, но молодость и тщательный уходъ взяли верхъ надъ болѣзнью. Выздоровѣвши, онъ сѣлъ на предоставленный въ его распоряженіе ко-

*) Друга солдата.

рабль. Экипажъ l'Alliance'a былъ неполонъ, и Лафайетъ настоялъ, чтобы его пополнили английскими дезертирами, такъ какъ американские матросы,— говорилъ онъ, нужнѣе дома. Эта настойчивость могла ему стоить очень дорого, такъ какъ онъ почти чудомъ спасся отъ заговора, составленаго во время переѣзда черезъ Атлантическій океанъ английскими дезертирами, съ цѣлью предать его въ руки англичанъ. Послѣ нѣсколькихъ еще приключений, Лафайетъ одиннадцатаго января 1779 года бросилъ якорь у береговъ Франціи и немедленно направился въ Парижъ.

V.

Скрывшійся тайно изъ отечества два года тому назадъ бѣглецъ былъ встрѣченъ въ Парижѣ взрывомъ общаго восторга. Конечно, болѣе изъ необходимости соблюсти формальность, чѣмъ наложить дѣйствительное наказаніе за совершенный Лафайетомъ проступокъ, Людовикъ XVI приказалъ арестовать его на восемь сутокъ, причемъ заключеніе въ Бастиліи было замѣнено содержаніемъ подъ домашнимъ арестомъ въ дворцѣ Ноайя. Едва истекъ срокъ ареста, какъ Лафайету была доставлена возможность переговорить съ Морпа и перезнакомиться со всѣми министрами. Популярность маркиза достигла въ Парижѣ грандіозныхъ размѣровъ, и сама Марія Антуанета, увлеченная общимъ потокомъ сочувствія предпринятыму Лафайетомъ дѣлу, назначила его командиромъ полка королевскихъ драгуновъ. Свою популярностью Лафайетъ пользовался всецѣло въ интересахъ американского дѣла, поминутно развивая передъ министрами самые

разнообразные планы. Морпа, боявшийся особенного усиления Соединенных Штатов и Некеръ, по финансовым соображениямъ, отклонили предложение Лафайета о вторжении въ Канаду, но онъ не успокаивался и предлагалъ, то предпринять возмущение Ирландіи, то произвести десантъ въ самую Англію, то вступить въ соглашение съ Швеціей для совмѣстныхъ дѣйствій противъ владычицы морей. Въ то же время Лафайетъ велъ энергичную пропаганду дѣла американской свободы въ парижскихъ салонахъ и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы показать всю благодѣтельность этого дѣла для человѣчества. Приходилось также нерѣдко опровергать ложные слухи, распускаемые врагами Соединенныхъ Штатовъ: такъ, когда, однажды, въ англійскихъ газетахъ появилось извѣстіе, будто Людовикъ XVI „покинулъ бунтовщиковъ и отозвалъ изъ Америки маркиза Лафайета“, то онъ напечаталъ вышеприведенное письмо президента Конгресса къ королю и письмо Вашингтона къ Франклину *).

Не остановившись не на чемъ опредѣленномъ, версальскій кабинетъ рѣшилъ, однако, въ принципѣ предпринять что инбудь рѣшительное въ пользу американцевъ, и Лафайетъ, силою вещей явился естественнымъ посредникомъ между Парижемъ и Филадельфией. Пользуясь какъ нельзя лучше такимъ положениемъ, Лафайетъ пишетъ рядъ писемъ

*.) Передъ отѣзломъ Лафайета изъ Америки Вашингтонъ далъ ему къ Франклину такое письмо: „было бы бесполезно рекомендовать вамъ маркиза Лафайета, который явится во Францію, увѣнчанный славою. Если же я, тѣмъ не менѣе, дѣлаю это, то только для того, чтобы удовлетворить собственному желанію, сказавши вамъ, что я лично считаю Лафайета своимъ очень близкимъ другомъ“.

графу Верженю, въ которыхъ уже чувствуется тонъ писаний двадцатилѣтнихъ генераловъ, выступившихъ на историческую арену двѣнадцать лѣтъ спустя. Это иначе и быть не могло, ибо Лафайетъ былъ изъ ихъ числа...

„Предоставьте въ мое распоряженіе авангардъ изъ гренадеровъ и охотниковъ,—пишетъ Лафайетъ графу Верженю, — присоедините къ нему отрядъ королевскихъ драгунъ,—всего какихъ нибудь полторы—двѣ тысячи человѣкъ, и я вторгнусь въ Англію; я знаю англичанъ и они меня знаютъ, а это важное условіе для войны... Я не царедворецъ, я еще менѣе вельможа и потому прошу васъ, г. министръ, смотрѣть на меня только, какъ на солдата“.

„Вы, вѣроятно, находите меня черезчуръ пылкимъ, — пишетъ Лафайетъ Верженю въ другомъ письмѣ, но знайте, что я страстно люблю военное дѣло, считаю себя рожденнымъ для него и привыкъ уже командовать отрядами и пользоваться большими довѣріемъ! Знайте, что я обожаю отчество и что одна мысль видѣть Англію униженною заставляетъ меня трепетать отъ восторга. Знайте, что я столько же отличенъ уваженіемъ моихъ согражданъ, сколько и ненавистью непріятелей! Судите же, графъ, (я не пишу вамъ, какъ министру) о томъ нетерпѣніи, которое овладѣваетъ мною отъ неизвѣстности, — назначенъ ли я отправиться въ Англію и развернуть первое знамя на территории этой гнусной націи“.

Планъ дессанта въ Англію былъ, однако французскимъ правительствомъ вскорѣ оставленъ. По этому поводу Лафайетъ страшно волновался и писалъ Верженю:

„Мнѣ просто не вѣрится въ дошедшія до меня вѣсти! Ради Бога! побьемте разокъ англичанъ хорошенько, сумѣемъ быть страшными, а потомъ уже и подумаемъ о выгодномъ для насть мирѣ“!

Но оставивши планъ высадки въ Англію, французское правительство не оставило мысли о помощи американцамъ. Остановились было на томъ, чтобы послать прямо въ Америку французскія войска, но тутъ представлялись затрудненія. Общественное мнѣніе въ Америкѣ было на сторонѣ французскаго вмѣшательства въ англо-американскую распрю, Конгрессъ готовъ былъ, въ свою очередь, помочь французскимъ войскамъ въ случаѣ нападенія ихъ на Канаду, но дѣло въ томъ, что все-таки не совсѣмъ исчезло еще въ Америкѣ старое соперничество съ французами; существовали тамъ и опасенія, какъ бы не промѣнять англійское владычество надъ колоніями на владычество французское и это обстоятельство заставляло опасаться за дурной приемъ въ Америкѣ французскихъ войскъ. Лафайетъ вмѣшался и въ это дѣло и 18 февраля писалъ Верженю:

„Многіе говорятъ, что французскія войска будутъ дурно приняты въ Америкѣ. Я не стану отрицать того, что съ американцами трудновато ладить, особенно если принять во внимание французскій характеръ, но если бы король назначилъ меня начальникомъ отряда, то отвѣчаю вамъ головою, что я сумѣю устранить всѣ шероховатости и обеспечить самый лучшій приемъ нашимъ войскамъ“.

Послѣ долгихъ соображеній Версальскій кабинетъ рѣшилъ, наконецъ, послать въ Америку небольшой отрядъ ввѣривши командованіе надъ нимъ графу Рошамбо, молодому генералу, военные способности

котораго были оцѣнены во время Семилѣтней войны. Что же касается Лафайета, то онъ долженъ быль Ѳхать впередъ и извѣстить Вашингтона и Конгрессъ о принятомъ французскимъ правительствомъ рѣшеніи. Впрочемъ, это былъ не единственный результатъ поѣздки Лафайета изъ Америки во Францію, такъ какъ, благодаря его систематическимъ настоеніямъ, для Соединенныхъ Штатовъ былъ сдѣланъ заемъ въ шесть миллионовъ, которые и были переданы въ распоряженіе Франклина на покупку оружія, патрій и боевыхъ припасовъ для американской арміи.

Однинадцатого марта 1780 года Лафайетъ сѣль на предоставленный въ его распоряженіе фрегатъ „l'Hermione“ и отплылъ снова въ Америку, а 27 апрѣля уже писалъ такую записку Вашингтону, помѣтивши мѣсто отправки ея „входомъ въ бостонскій портъ“: „я здѣсь, мой дорогой генералъ, и отъ радости, которую испытываю въ качествѣ одного изъ вашихъ вѣрныхъ солдатъ, могу сказать вамъ только, что я прибылъ изъ Франціи на фрегатѣ, назначенаго для моего путешествія королемъ. Мне нужно переговорить съ вами о чрезвычайно важныхъ дѣлахъ: я долженъ сообщить ихъ сначала вамъ одному. Въ случаѣ, если мое письмо застанетъ васъ по эту сторону Филадельфиі, умоляю васъ подождать меня; смею васъ увѣрить, что это будетъ чрезвычайно важно для общественнаго дѣла! До свѣданія. Ві легко узнаете по почерку вашего молодога, солдата“. Возвращеніе Лафайета въ Америку было встрѣчено всеобщею радостью; все населеніе Бостона выбѣжало на берегъ встрѣтить его. Онъ былъ торжественно отведенъ къ губернатору, откуда немедленно отправился въ штабъ арміи. Вашингтонъ обнялъ со слезами радости своего мо-

лодого друга, который тутъ же сообщилъ ему о рѣшеніи Версальскаго кабинета. Главнокомандующій принялъ это извѣстіе съ глубокою благодарностью и смотрѣль на предлагаемую помощь, какъ на залогъ близкаго окончанія войны. Чувство это еще болѣе у него усилилось и его стала раздѣлять вся американская армія, когда стала извѣстна инструкція, данная французскимъ правительствомъ графу Рошамбо. Въ инструкціяхъ этихъ слышалась нотка деликатной заботы всячески щадить самолюбіе американцевъ: Рошамбо съ своимъ солдатами долженъ былъ находиться постоянно подъ командою Вашингтона; въ случаѣ соединенія обѣихъ армій, французскія войска должны были играть роль вспомогательныхъ силъ, оставляя вездѣ главенство за американцами; въ случаѣ равенства чина и старшинства производства, французскіе офицеры должны были находиться въ подчиненіи у американскихъ.

Все это произвело чрезвычайно благопріятное впечатленіе на американцевъ. Прибытія французской арміи ждали тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что во время пребыванія Лафайета въ Парижѣ положеніе дѣлъ въ Америкѣ опять значительно измѣнилось къ худшему: лордъ Корнуэлль завладѣлъ обѣими Каролинами и Георгіей, партія ториевъ подняла голову, въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчался упадокъ духа. Въ маѣ Генрихъ Контрактъ овладѣлъ Чарлстоуномъ, что было новымъ с 1 июня мъ ударомъ для американцевъ. Семнадцатаго нача ^{ло} была, наконецъ, французская эскадра подъ арміей ^{Бомъ} Тернера въ портъ Родъ-Айландъ и ^{Бомъ} йоркъ, ^{Бомъ} амбо расположилась лагеремъ вблизи Ньюпль отъ французского морскаго министра письмо

министръ увѣдомлялъ его, что „недостатокъ судовъ не позволяетъ пока отправить въ Америку болѣе пяти тысячъ человѣкъ, но что осенью, вѣроятно, будетъ прислано еще два полка“. Эти дополнительные полки такъ и не были отправлены, но съ помощью прибывшихъ французскихъ силъ, положеніе вешней въ Соединенныхъ Штатахъ приняло опять совсѣмъ иной оборотъ. Узнавши о прибытіи Рашамбо, Клинтонъ посадилъ на корабли отрядъ въ въ десять тысячъ человѣкъ и хотѣлъ напасть на Родъ-Айландъ. Французскія войска, подкрайленныя трехтысячнымъ отрядомъ американцевъ, который привелъ Лафайетъ, приготовились къ защищѣ; сюда же шелъ изъ Нью-Йорка со всѣми силами Вашингтонъ. При такихъ условіяхъ, Клинтонъ не рѣшился дать сраженія и повернуль назадъ.

Въ этотъ годъ, хотя американцы и не одержали ни одной рѣшительной побѣды, но близость благопріятной для нихъ развязки войны чувствовалась не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Англіи, гдѣ дѣлались послѣднія попытки склонить „бунтовщиковъ“, путемъ всякихъ уступокъ, положить орудіе. Конгрессъ не пожелалъ идти ни на какія компромиссы и не ошибся въ своихъ расчетахъ: не болѣе года отдѣляло американскую армію отъ того счастливаго для нея момента, когда почти всѣ англійскія силы, вмѣстѣ съ лордомъ Корнвалисомъ, принуждены были сдаться франко-американскому войску, и когда результатомъ этого славнаго для американцевъ дѣла было блестательное завершеніе войны съ Англіей.

VI.

Появленіе французовъ на американской террито-
рії должно было привести къ хорошимъ результа-
томъ лишь при условіи существованія полнаго со-
гласія между обѣими арміями, и такое согласіе
воцарилось, дѣйствительно, съ момента возвраще-
щенія Лафайета въ Америку. „Континентальныe
офицеры тотчасъ же нацѣпили себѣ черную и бѣлую
кокарду (черная была американская, бѣлая фран-
цузская), — говоритъ Лабуле, и до сихъ поръ еще
въ Соединенныхъ Штатахъ помнятъ, что солдаты
наши, расположенные близъ американскихъ садовъ,
ушли, не тронувши ни одного фрукта. Франклінъ
въ своихъ „Мемуарахъ“ подробно говоритъ объ
этомъ и восхваляетъ деликатность французскихъ
солдатъ“ (*). Такимъ образомъ положеніе дѣль по-
правилось, но чувствовался по прежнему страшный
недостатокъ въ деньгахъ... Американскіе офицеры
и солдаты писалъ двадцать третьяго іюля Лафай-
етъ Верженю,—не имѣютъ ни шиллинга. Первые
получаютъ только рационы, не имѣя даже рубашекъ
и безъ надежды получить ихъ“. Вслѣдствіе такой
нужды, Конгрессъ рѣшилъ отправить во Францію
еще одного уполномоченного и просить Людовика
объ оказаніи помощи американцамъ деньгами, а
также о перенесеніи къ берегамъ Америки морскихъ
дѣйствій противъ англичанъ, обстоятельство кото-
рое должно было развязать руки американской и
французской сухопутной арміямъ. Такимъ полно-
мочнымъ агентомъ былъ избранъ почти единогласно

*) Истор. Соед. Штатовъ, рус. пер. стр. 326.

полковникъ Джонъ Лоренсъ. Преданность дѣлу свободы, долголѣтняя военная опытность и репутація, которой пользовался Лоренсъ, дѣлали этотъ выборъ, какъ нельзя болѣе удачнымъ, и новый агентъ отправился во Францію, снабженный подробными инструкціями. Между тѣмъ французскій отрядъ укрѣпился въ Нью-Портѣ и генералъ Клинтонъ боялся его атаковать. Лафайетъ настаивалъ на наступательныхъ дѣйствіяхъ на Нью-Йоркъ, но Рошамбо, имѣлъ въ виду свои инструкціи, иреписывавшія ему обратить главное вниманіе на Родъ-Айландъ и сдѣлать его операционнымъ базисомъ, на это не соглашался, вслѣдствіе чего между нимъ и Лафайетомъ произошла небольшая размолвка. Это, впрочемъ, не имѣло серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ вскорѣ послѣ того Лафайетъ въ письмѣ къ Рошамбо созналъ свою неправоту, и между ними установилась самая лучшая отношенія. Объ этомъ инцидентѣ, какъ и вообще о положеніи дѣль въ это время Лафайетъ говоритъ слѣдующе въ письмѣ къ своей женѣ:

„Такъ какъ англичане продолжаютъ быть господами положенія лишь на морѣ, то вамъ нечего опасаться за здоровье вашихъ американскихъ друзей. Вы должно быть уже знаете, что, прибывши въ Америку, я нашелъ армію Вашингтона сильно уменьшившейся въ численности и очень нуждающейся въ самомъ необходимомъ. Но желаніе не ударить лицемъ въ грязь передъ союзниками дало Соединеннымъ Штатамъ новую силу. Армія генерала Вашингтона увеличилась опять въ полтора раза и къ ней присоединилось бы навѣрно еще десять тысячъ милиционервъ, если бы мы перешли вънаступление. Возникли купеческие союзы, съ цѣлью достав-

ленія провіанта армії. Дамы собирали и продолжаютъ собирать по подпискѣ средства въ пользу солдатъ. Въ виду послѣдняго обстоятельства, я позволилъ себѣ явиться вашимъ представителемъ передъ філадельфійскими дамами и подписать отъ вашего имени сто гиней... Господа Рошамбо и Терней, равно какъ и всѣ прочие французскіе офицеры ведутъ себя превосходно. Моя можетъ быть излишняя откровенность поселила легкое облачко между мною и французскими офицерами. Когда я увидѣлъ, что мнѣ ихъ не переубѣдить, а въ интересахъ дѣла необходимо, чтобы мы были добрыми двузьями, я вездѣ сталъ кричать, что я заблуждался, что мое мнѣніе было ошибочно и торжественно просилъ меня извинить. Все это произвело очень хорошее впечатлѣніе, и наши отношенія теперь лучше, чѣмъ когда либо прежде... Я уже хотѣлъ было закончить этими строками письмо, но, прежде чѣмъ запечаттать, мнѣ хочется сказать вамъ, что генералъ Вашингтонъ храйне тронутъ тѣмъ, что мы назвали нашего сына Георгомъ. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ и его крестнику сердечный привѣтъ. Мы говоримъ часто съ нимъ о васъ и о нашей маленькой семье. Прощайте“.

Междуд тѣмъ среди американцевъ нашелся свой Эфіальть *). То былъ передавшійся на сторону англичанъ американскій генералъ Арнольдъ. Этотъ измѣнникъ вторгся съ англійскими войсками въ Виргинію и предалъ ее огню и мечу. Вашингтонъ послалъ туда Лафайета съ легкимъ отрядомъ пѣхоты въ тысячу двѣсти человѣкъ; такой же отрядъ выслалъ туда съ своей стороны и Рошамбо. Уже

*.) Спартанскій измѣнникъ во время битвы при Фермопилахъ.

Лафайетъ подходитъ къ Портсмуту, въ которомъ укрѣпился Арнольдъ, когда пришло извѣстіе о морской побѣдѣ англичанъ надъ французами, сдѣлавшей ихъ господами Чизепика. Положеніе становилось крайне серьезнымъ. Непріятельская армія значительно превосходила численностью силы Лафайета. Онъ двинулся къ Балтиморѣ. Купцы этого города собрали двѣ тысячи гиней для покупки полотна на рубашки солдатамъ; дамы и девицы обязались ихъ сшить; молодые люди составили изъ себя небольшой отрядъ волонтеровъ, но недостатокъ во всемъ ощущался, тѣмъ не менѣе, на столько сильный, что въ отрядѣ Лафайета стали часто повторяться случаи дезертирства. Тогда Лафайетъ отдалъ приказъ, въ которомъ говорилъ, что онъ намѣренъ предпринять трудный и опасный походъ, что онъ надѣется на свой отрядъ, но что, если кому нибудь хочется дезертировать, то пусть онъ сдѣлаетъ это сейчасъ же, а не во время похода. Послѣ этого Лафайетъ удалилъ изъ своего отряда двухъ солдатъ, подлежавшихъ наказанію за серьезные проступки. Съ этого момента дезертирство прекратилось, и ни одинъ человѣкъ не захотѣлъ покинуть отрядъ.

Изъ Балтиморы Лафайетъ быстро направился въ столицу Виргиніи Ричмондъ. Счастье улыбнулось ему, и Арнольдъ попытался вступить съ нимъ въ переговоры. Лафайетъ отвергъ всяkie переговоры съ измѣнникомъ, что произвело чрезвычайно спѣшное впечатлѣніе на общественное мнѣніе вообще и на Вашингтона въ частности. Положеніе Арнольда сдѣлалось критическимъ, но неожиданное появленіе въ Виргиніи лорда Корнвальса поправило англійскія дѣла. Для облегченія движенія

Коривались бросилъ весь обозъ; Лафайетъ сдѣлалъ тоже, и во время того движенія обѣ арміи имѣли только самое необходимое.

Коривались былъ на столько увѣренъ въ успѣхѣ, что въ одномъ изъ перехваченныхъ его писемъ американцы нашли такую фразу: „the boy cannot escape me“ **); однако „the boy“ счастливо избѣгнулъ опасности и на этотъ разъ, и вскорѣ Коривалису пришлось съ нимъ встрѣтиться при другихъ обстоятельствахъ. Четырнадцатого сентября въ главную квартиру Лафайета въ Вильямсбургѣ прибыль Вашингтонъ съ своими силами и принялъ командование надъ соединенными арміями. Коривались заперся въ Іоркъ-Тоунѣ и началась памятная осада этого города, окончившаяся, благодаря храбрости американскихъ и французскихъ войскъ, пораженiemъ англичанъ и плѣномъ самого Коривалиса. Это было въ приснопамятный для американцевъ день восемнадцатого октября. „Игра сыграна,—писалъ двадцатого октября Лафайетъ Морпа,—и пятидесятый актъ ея только что кончился“.

VII.

Едва успѣла жена Лафайета получить отъ него коротенькое увѣдомленіе о блестящей побѣдѣ американцевъ, едва успѣлъ посланный во Францію отъ Рошамбо герцогъ де Лозенъ разсказать маршалу де Ноайю о героическомъ поведеніи Лафайета, какъ онъ самъ неожиданно прибыль въ Парижъ и былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ. Людовикъ XVI далъ название Королевско - Оверн-

** Мальчикъ отъ меня не уйдетъ.

скаго полку du Gâtinais, который пошелъ первымъ на приступъ Іоркъ-Тауна, а Верженъ написалъ Лафайету такое письмо: „пишу вамъ, господинъ маркизъ, отъ себя и отъ графа Морпа въ отвѣтъ на ваши письма отъ 24 августа, 20 и 24 октября. Безъ сомнѣнія вы очень огорчитесь извѣстiemъ о смерти Морпа, этой прекрасной личности. Въ немъ потеряли вы преданнаго друга, смѣю васъ въ этомъ увѣрить. Я знаю его чувства къ вамъ и увѣряю васъ, что они ипчѣмъ не разнiliсь отъ тѣхъ, которыя питаютъ къ вамъ и я. Присланный изъ Америки герцогъ де Лозенъ засталъ еще Морпа въ живыхъ, который успѣлъ, такимъ образомъ, порадоваться извѣстію о славныхъ событияхъ. Радость была всеобщая во всемъ народѣ, и вы можете быть увѣрены въ уваженіи, которое всѣ питаютъ къ вашему имени. Повсюду разсказываютъ съ удовольствиемъ, что хотя и не вы были главнымъ начальникомъ великой компаніи, но что именно ваше благоразумное поведеніе и искусное управлениe своимъ отрядомъ послужили залогомъ успѣха. Я слѣдилъ за каждымъ вашимъ шагомъ во время виргинской кампаніи и мнѣ пришлось бы не разъ трепетать за васъ, если бы я не былъ увѣренъ въ вашей мудрости. Надо было быть очень искусственнымъ, чтобы продержаться такъ долго передъ лордомъ Корнвалисомъ, столь превосходившимъ васъ силами и столь извѣстнымъ своими военными талантами. Именно вы поставили его въ такое положеніе, что вместо того, чтобы взять въ плѣнъ васъ и вашъ отрядъ, какъ это онъ думалъ, онъ оказался принужденнымъ самъ сдаться въ плѣнъ. Исторія мало представляетъ примѣровъ столь полнаго успѣха, но ошибаются тѣ кто думаетъ, что за этимъ успѣхомъ

послѣдуетъ неминуемый миръ. Не въ характерѣ англичанъ уступать столь легко. Ожидайте самыхъ отчаянныхъ усилий съ ихъ стороны снова захватить земли, которыя они потеряли и даже ихъ расширить, если возможно, а это случится коль скоро Америка предастся гибельному спокойствію и не приготовится къ необходимости удвоить свои усиленія, чтобы довести дѣло до конца. Я слышалъ не особенно успокоительные отзывы объ американской арміи; люди очень хороши, но ихъ мало,—а на войнѣ побѣда остается чаще за силою. Скажите объ этомъ, господинъ маркизъ, вашимъ друзьямъ. Заставьте ихъ понять необходимость утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ славное дѣло, которое они начали съ такимъ мужествомъ. Пишите мнѣ, пожалуйста, такъ часто, какъ это возможно. Меня живо интересуетъ все, касающееся васъ. Моя жена и моя семья раздѣляютъ вполнѣ эти чувства. Въ заключеніе прошу принять изъявленіе преданности". Это письмо уже не застало Лафайета въ Америкѣ, но графъ де Верженъ говорилъ правду, когда писалъ, что имя маркиза находится во всеобщемъ почетѣ. Всѣ мемуары того времени единогласно свидѣтельствуютъ о взрывахъ энтузіазма, которыми былъ встрѣченъ Лафайетъ. Энтузіазмъ этотъ раздѣляла одно время даже Марія Антуанета. Извѣстіе о плѣнѣ Корнвалиса было получено въ то время, когда Парижъ собирался праздновать день рождения дофина. Приглашенная на устроенный въ этотъ день градіозный балъ l'Hôtel de Ville'ѣ жена Лафайета была осыпана королевскимъ вниманіемъ, и сама Марія Антуанета проводила ее домой въ собственной каретѣ. Когда толпа народа увидѣла въ первый разъ Лафайета, то раздался оглушитель-

ный гулъ рукоплесканій и привѣтствій и нѣть сомнѣнія, что тутъ дѣйствовали глубокія причины: побѣда надъ англичанами была, такъ сказать, „реваншемъ“ за цѣлое столѣtie униженій, но на ряду съ тѣмъ выросшее общественное мнѣніе видѣло въ Лафайетѣ представителя носившихся уже въ воздухѣ новыхъ идей, человѣка, сражавшагося за благородное дѣло, за свободу народа. Поэтому Парижъ склонялся уже къ тому, чтобы видѣть въ Лафайетѣ и собственного вождя. Дуновеніе Революціи носилось надъ столицею Франціи, и Лафайетъ олицетворялъ собою въ глазахъ парижанъ одновременно и триумфъ настоящаго и надежды на будущее.

Глядя на вещи поверхностно, можно видѣть страшную непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ французскаго правительства въ это время: развѣ не дѣйствовали французскіе министры противъ короля, правда, короля англійскаго, но все-таки короля и за Республику? Не поддерживали ли они возстаніе народа противъ установленнаго порядка. Не прославляли ли во всеуслышаніе передъ лицемъ всего молодого поколѣнія республиканцевъ Вашингтона, Франклина, Адамса и другихъ? Не училсь ли молодые аристократы, уѣхавшіе въ Америку, ненавидѣть наспілѣ? Не носила ли очень осозательнаго смысла ходячая въ Парижѣ въ то время фраза, что Венѣаминъ Франклінъ и Джонъ Адамсъ явились въ Европу, какъ „предтечи той звѣзды свободы, которая уже взошла въ Америкѣ?“ Могло ли остаться безъ вліянія осуществленное на дѣлѣ ученіе о суверенитетѣ народа, тѣмъ болѣе, что само по себѣ оно вышло изъ нѣдра французскихъ философскихъ школъ? Вѣдь, это историческій

фактъ, что очень скоро послѣ того всѣ партизаны американской независимости Лафайетъ, Рошамбо, Диллонъ, Кюстинъ, Ноай, Дюпортай и многіе другіе стали безповоротно въ самой Франціи на сторону новаго режима. Изъ этого нерѣдко выводятъ заключеніе, что американскія события послужили прямую причину переворота во Франціи. Это далеко не такъ. Каждая непослѣдовательность французского правительства вполнѣ объясняется экономическими причинами, лежавшими въ основании его образа дѣйствій, и заразительность примѣра Америки въ данномъ случаѣ ровно ничего не объясняетъ. Почему же заразительность эта сказалась именно на Франціи, а не на другихъ странахъ? Восприимчивостью французского темперамента объяснить это мудрено. Итальянцы и испанцы не менѣе восприимчивы и, однако, Америка не подѣйствовала на нихъ заразительнымъ образомъ. Въ томъ то и дѣло, что ко времени великихъ событий въ Америкѣ во Франціи уже были на лицо всѣ элементы для установленія новаго режима. Третій классъ изъ „ничего“ превратился во „все“, и онъ то и диктовалъ незримо Франціи свою волю, онъ составлялъ „общественное мнѣніе“, онъ готовился открыто взять въ свои руки судьбы страны... Американскія события могутъ быть сравниваемы съ искрою, упавшею на порохъ, но именно на порохъ т. е. на вещество само въ себѣ заключающее всѣ элементы взрыва, и если бы та же искра упала не на порохъ, а на каменистую почву, она не произвела бы ровно никакого эффекта и очень скоро погасла. Такою каменистою почвою и были въ концѣ XVIII вѣка многія государства, и потому никакая заразительность блестящихъ примѣровъ не

могла сдвинуть ихъ съ мѣста ни на одну юту... Безспорно, что на *отдѣлныхъ лицъ* событий въ Америкѣ оказали громадное влияніе, но эти лица были бы, конечно, безсильны въплотить идеи Американской Декларации въ собственномъ отечествѣ, не имѣй эти идеи за собою сочувствія цѣлаго *класса* людей. Сочувствіе же *класса* вытекало, разумѣется, не изъ отвлеченной любви къ идеямъ справедливости и гуманности, а изъ существовавшихъ во Франціи экономическихъ отношеній... Вотъ почему Лафайетъ сдѣлался настоящимъ кумиромъ Парижа.

И на этотъ разъ Конгрессъ счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ Людовикомъ свое особенное уваженіе къ Лафайету, написавши „его христіаннѣйшему величеству“ лестное рекомендательное письмо. Мало того: Конгрессъ предписалъ своимъ посланникамъ въ Парижѣ совѣтываться во всемъ, касающимся американскихъ дѣлъ, съ мардизомъ Лафайетомъ. Это скоро пригодилось Америкѣ: Англія предложила Франції заключить особый миръ на очень выгодныхъ для Версальского кабинета условіяхъ. Существовало опасеніе, что въ случаѣ отказа на это Франціи, Англія обратится съ такими же предложеніями отдельно къ Америкѣ, а это вовсе не входило въ расчеты французского правительства. Лафайетъ явился посредникомъ и въ этомъ дѣлѣ, показавши правительству нѣсколько успокоившія его письма Вашингтона. Чтобы покончить, наконецъ, съ Англіей, Франція и Италія задумали совмѣстное противъ нея предприятіе и назначили графа Эстеня главнымъ начальникомъ франко-испанскихъ силъ. Принимая это назначеніе, Эстенъ просилъ назначить ему помощникомъ Лафайета, и онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба

соединенныхъ армій. Экспедиція должна была отправиться изъ Кадиса. Эстенъ отправился въ Кадисъ черезъ Мадритъ, а Лафайетъ съ четырьмя баталіонами пѣхоты и артиллерией долженъ былъ выѣхать изъ Бреста. Верженъ обнадежилъ Лафайета новою денежною помощью въ въ шесть миллионовъ ливровъ на американское дѣло. Планъ кампаніи состоялъ въ томъ, чтобы отправиться въ Ямайку и напасть на нее морскими и сухопутными силами. Лафайетъ получилъ отъ французского правительства обѣщаніе, что вслѣдъ за взятиемъ Ямайки, Эстенъ отдѣлитъ особый отрядъ, который попытается произвести возмущеніе въ Канадѣ т. е. осуществить мысль, давно засѣвшую въ головѣ маркиза. Къ этому времени относится слѣдующій анекдотъ: Эстенъ предложилъ испанскому королю Карлу III, какъ только Ямайка будетъ взята, назначить туда генерель-губернаторомъ Лафайета. „Ни за что!—восклинулъ Карлъ,—онъ устроитъ тамъ республику“!..

Въ этихъ обстоятельствахъ Англія рѣшила заключить миръ, прелиминарныя условія котораго и были подписаны въ Версалѣ двадцатаго января 1783 года Верженемъ со стороны Франціи и англійскимъ посланикомъ Фицъ-Гербертомъ со стороны Англіи. Эти предварительныя условія были обращены въ окончательныя третьяго сентября того же года. Договоръ былъ подписанъ графомъ Аранда со стороны Испаніи, герцогомъ Манчестеромъ — Англіи и Верженемъ — Франціи. Договоръ между Англіей и Соединенными Штатами былъ подписанъ въ тотъ же день въ Парижѣ Давидомъ Гартлеемъ со стороны Англіи и Венъяминомъ Франклиномъ и Джономъ Адамсомъ со стороны Америки. Судьба Соединенныхъ Штатовъ была решена.

Весною 1875 года Джонъ Адамсъ былъ назначенъ посланикомъ ко двору своего прежняго монарха и прибылъ въ Англію. Онъ былъ принятъ въ Сенджемскомъ дворцѣ первого іюня.

„Ваше Величество, — сказалъ онъ королю, — я считаю себя наиболѣе счастливымъ изъ всѣхъ моихъ согражданъ, потому что имѣю честь быть первымъ представленнымъ вамъ въ качествѣ дипломата. Но я буду считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если мнѣ удастся достигнуть благорасположенія Вашего Величества къ моей родинѣ.

— „Прошу васъ вѣрить, — отвѣчалъ король, — что въ послѣдней войнѣ я прибѣгалъ только къ тому, что считалъ своею обязанностью относительно моего народа. Я буду откровененъ съ вами: я былъ послѣднимъ, который согласился на отдѣленіе колоній, но такъ какъ это отдѣленіе оказалось неизбѣжнымъ и стало совершившимся фактомъ, то я могу васъ увѣритъ, что буду первымъ благожелателемъ Соединенныхъ Штатовъ и буду смотрѣть на нихъ, какъ на независимое государство“.

Стало очевиднымъ, что Англія перестала и мечтать о возвращеніи утерянныхъ владѣній.

VIII.

Когда курьеръ привезъ въ Кадиксъ радостную вѣсть о событияхъ въ Парижѣ, Лафайетъ хотѣлъ непремѣнно самъѣхать въ Америку и лично возвѣстить обо всемъ произшедшемъ Вашингтону. Только убѣжденія друзей, что его присутствіе и его вліяніе необходимы для успешныхъ переговоровъ съ испанскимъ дворомъ заставили его остан-

вить это намѣреніе. Онъ настоялъ, однако, на томъ, чтобы Эстенъ отправилъ немедленно судно въ Америку. Это судно было названо *le Triomphe* (Торжество). На этомъ суднѣ Лафайетъ послалъ письма Конгрессу и Вашингтону. „Теперь, когда наше благородное дѣло восторжествовало, когда независимость признана и американскія доблести получили достойную награду,—писалъ онъ Конгрессу,—ничего не будетъ упущенено, я надѣюсь, изъ виду для укрѣпленія федѣрального Союза. Да будутъ Штаты на вѣки соединенными и тѣмъ способными отразить европейскіе интриги. На этомъ единствѣ созиждется ихъ сила и ихъ счастье. Примите это пожеланіе, вырвавшееся изъ истинно американского сердца“. Письмо къ Вашингтону отличается замѣчательною задушевностью: „Мнѣ было бы почти печально увѣдомить васъ,—писалъ онъ ему,—объ окончаніи трагедіи, въ которой вы играли столь великую роль, если бы я видѣлъ въ васъ такого человѣка, какъ Цезарь или прусскій король. Но вы не таковъ, и я радуюсь отъ всего сердца, дорогой мой генералъ, заключенію мира, условія котораго превзошли мои ожиданія. Вспомните время нашихъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ непріятеля, и пусть память о былыхъ опасностяхъ и трудахъ оттѣнитъ еще болѣе радостное настоящее. Мною овладѣваетъ чувство гордости, чувство счастья при мысли о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось окончаніе моего вмѣшательства въ американское дѣло. Каковы же должны быть чувства ваши, чувства человѣка, который, по всей справедливости, долженъ смотрѣть на все совершившееся, какъ на свое дѣтище, чувства вашего благороднаго и доблестнаго сердца въ счастливый моментъ увѣнchanія славной

революції, которую вы создали. Я чувствую, что будетъ кружиться голова у моихъ внуковъ, когда они будутъ произносить ваше имя! И какою гордостью должны будутъ наполняться ихъ сердца при воспоминаніи того, что одинъ изъ ихъ предковъ находился въ рядахъ вашихъ солдатъ и былъ удостоенъ вашей дружбы. Я завѣщаю старшему въ родѣ, пока только продолжится мое потомство, въ память великой чести, которую вы мнѣ оказали, ставши крестнымъ отцемъ моего сына Георга, называться этимъ именемъ. Я думалъ самъ отправиться въ Америку съ известіями о мирѣ. Изъ прилагаемой копіи съ моего письма въ Конгрессъ вы усмотрите тѣ причины, которыя заставили меня отправиться въ Мадридъ. Оттуда я расчитываюѣхать въ Парижъ, а въ іюнѣ обязательно двинуть въ Америку. Я буду счастливъ, безмѣрно счастливъ отъ возможности обнять васъ, мой дорогой генераль, васъ, моего отца, моего лучшаго друга, котораго я обожаю и цѣнию такъ, какъ не выражать никакія слова!... А потомъ, послѣ того, какъ вы немного отдохнете, позвольте мнѣ предложить вамъ планъ дѣйствій, направленныхъ на улучшеніе участіи чернокожей части человѣческаго рода. Соединимся вмѣстѣ, купимъ маленький участокъ земли и попытаемся, освободивши на немъ негровъ, смотрѣть на нихъ, какъ на свободныхъ людей. Подобный примѣръ, разъ онъ будетъ данъ вами, повлечетъ за собою несомнѣнно подражанія, а если это дѣло удастся въ Америкѣ, я съ радостью посвящу часть моего времени такому же опыту на Антильскихъ островахъ. Если это проектъ нѣсколько странный, то я предпочитаю считаться лучше сумасшедшими, дѣйствуя именно такимъ

образомъ, нежели слыть мудрымъ за противоположный образъ дѣйствій. Я сгораю отъ нетерпѣнія получить отъ васъ вѣсти. Прощайте, прощайте, дорогой генералъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе madame Вашингтонъ. Мы еще поспоримъ обо многомъ, потому что я постараюсь, во что бы то ни стало, заставить васъ проѣхаться со мною во Францію. Васъ будетъ сопровождать madame Вашингтонъ, что сдѣлаетъ меня и madam Лафайетъ поистинѣ счастливыми. Будьте любезны засвидѣтельствовать мое почтеніе и вашей матушкѣ. Я отъ всей души раздѣляю ея счастье имѣть такого сына, какъ вы“. Всѣ письма Лафайета къ Вашингтону отличаются такими же горячими порывами души и выраженіями самой трогательной привязанности къ великому американцу. Въ нихъ чувствуется душа человѣка, озабоченная постоянно то тѣмъ то другимъ благороднымъ дѣломъ: сегодня это независимость Америки, завтра—эмансипація негровъ, потомъ свобода совѣсти для протестантовъ и т. д. вплоть до Декларациіи правъ человѣка и гражданина. Безъ сомнѣнія въ исторіи находятся и другие примѣры такого же мужества и такого же прямодушія, но немного найдется людей такой неизсякаемой энергіей, такого восторженного отношенія къ принимаемымъ на себя задачамъ, такой вѣры въ человѣчество и такого самоотверженія, какъ Лафайетъ. Въ отвѣтъ на посланное письмо Лафайетъ получилъ отъ Вашингтона, между прочимъ, и такія строки: „предлагаемый вами, дорогой маркизъ, планъ эмансипаціи негровъ служитъ новымъ доказательствомъ благородныхъ порывовъ вашего сердца. Я буду считать себя счастливымъ, если мнѣ удастся принять участіе въ столь благомъ

дѣлѣ; о подробностяхъ же этого дѣла мы поговоримъ въ то время, когда я буду имѣть удовольствіе увидѣть васъ лично". Вскорѣ послѣ этого Лафайетъ купилъ въ Кайенѣ имѣніе „la Belle Gabrielle“, чтобы въ немъ дать примѣръ дарового освобожденія негровъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ встрѣтилъ живую поддержку со стороны своей жены: вполнѣ раздѣляя мнѣніе Лафайета о необходимости повсемѣстнаго уничтоженія рабства, Адріена, въ качествѣ пламенной христіанки, думала вмѣстѣ съ тѣмъ о преподаваніи неграмъ первыхъ правилъ христіанской морали и съ этою цѣлью начала завязывать сношенія съ миссіонерами. События французской революціи не позволили ей увидѣть полнаго осуществленія ея желаній, но она имѣла, по крайней мѣрѣ, удовольствіе узнать, что въ плантації *la Belle Gabrielle* негры не совершали такихъ ужасовъ, которые разразились во время возстанія ихъ въ другихъ мѣстахъ.

Прежде чѣмъ вернуться въ Парижъ, Лафайетъ остановился въ Мадридѣ. Недовѣрчивая Испанія еще не признавала факта независимости Соединенныхъ Штатовъ и не принимала официально уполномоченныхъ агентовъ новаго государства. Лафайетъ испросилъ аудіенцію у Карла III, говорилъ съ министромъ графомъ Флорида-Бланка и настоялъ на представленіи двору Кармишеля въ качествѣ американского дипломата. Послѣ того онъ отправился въ Парижъ. Здѣсь онъ узналъ, что его письма къ Вашингтону и Конгрессу изъ Кадикса были первыми извѣстіями въ Америкѣ о мирѣ, и что въ іюнѣ мѣсяцѣ Конгрессъ распустилъ армію, а двадцать третьего декабря Вашингтонъ, явившись въ Конгрессъ, сложилъ съ себя званіе главнокоманд-

дующаго. Лафайетъ былъ въ восторгѣ. Онъ упредилъ лишь судъ исторіи, когда сказалъ о Вашингтонѣ, что „никогда еще человѣкъ не занималъ болѣе почетнаго мѣста въ мірѣ; что потомство еще болѣе возвеличитъ это имя; что никогда въ одномъ человѣкѣ не совмѣщалось столько великаго и прекраснаго; что имъ равно можетъ восхищаться солдатъ и государственный дѣятель, патріотъ и философъ и что никогда революція, по своимъ мотивамъ, теченію и слѣдствіямъ, не въ состояніи болѣе прославить своего вождя, чѣмъ революція американская“.

Вашингтонъ удалился съ своею женою и матерью подъ сѣнь Моунтъ-Бернона и тамъ, повѣшивши мечъ, взялся за плугъ. Онъ возвратился еще болѣе бѣднымъ, чѣмъ отправился въ походъ. Изъ своего скромнаго убѣжища онъ написалъ Лафайету письмо, которое мы приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Наконецъ то, дорогой мой маркизъ, я простой гражданинъ и живу на берегахъ Потомака въ тѣни виноградныхъ и фиговыхъ деревьевъ, свободнымъ отъ военныхъ бурь и треволненій политической дѣятельности. Мнѣ нравится мирная жизнь: вѣчно озабоченный своей военной репутацией солдатъ, посвящающій дни и ночи на размышеніе о превознесеніи своего народа или униженіи другого государственного дѣятель, какъ будто на земномъ шарѣ недостаточно мѣста для всѣхъ, жаждущій милостивой улыбки безпрестанно напряженный царедворецъ, — всѣ эти люди едва ли не могутъ понять всю прелесть сельской жизни.

„Я не только удалился отъ общественныхъ дѣлъ, но и углубился въ самого себя. Частная жизнь доставляетъ мнѣ глубокое удовлетвореніе. Не за-

видуя никому, я рѣшился быть довольнымъ всѣмъ и въ такомъ состояніи духа, мой дорогой другъ, я поплыву по рѣкѣ жизни до минуты, когда успокоюсь возлѣ моихъ предковъ.

„Безполезно сообщать вамъ теперь, что двадцать третьяго ноября англичане очистили Нью-Йоркъ, что въ тотъ же день этотъ городъ заняли американскія войска, а затѣмъ туда начали переводить всѣ государственные учрежденія; что, несмотря на ожиданія и предсказанія генерала Карлтона, его офицеровъ и всѣхъ роялистовъ, самый строгій порядокъ былъ немедленно установленъ и между пятымъ и шестымъ декабря портъ Нью-Йоркъ совершенно очистился отъ британскихъ знаменъ. Говорить ли вамъ о томъ, что вслѣдъ за занятіемъ нами города я былъ настолько заваленъ дѣлами, что не имѣлъ и минуты, чтобы вамъ написать. На возвратномъ пути мнѣ пришлось прожить съ недѣлю въ Филадельфиѣ, а затѣмъ я направился въ Аннаполисъ, гдѣ находился и гдѣ еще и теперь находится Конгрессъ и гдѣ я, воздавши ему послѣднія почести, получилъ отставку. Наканунѣ Рождества, наконецъ, двери этого дома впустили въ него человѣка, постарѣвшаго на десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ былъ здѣсь. Впрочемъ, этого рода вещи могутъ интересовать только одного меня. Въ настоящую минуту льдами и снѣгомъ мы отрѣзаны отъ всего міра. Зима этого года необыкновенно сурова.

„Теперь позвольте поблагодарить васъ за ваши письма отъ 22 іюля и 8 сентября. Заключающіяся въ нихъ подробности о политическихъ о коммерческихъ дѣлахъ Америки очень интересны и крайне утѣшительны. Участіе, которое вы принимаете въ

нихъ вообще и въ дѣлѣ обѣ открытий французскихъ портовъ для Америки въ частности, служить новымъ доказательствомъ вашей неутомимой службы нашей странѣ, но въ вашемъ письмѣ Конгресу, дорогой маркизъ, есть мѣсто, еще болѣе ясно свидѣтельствующее о вашемъ превосходномъ сердцѣ; я говорю о томъ мѣстѣ, гдѣ вы выражаете ваши благородныя и великодушныя чувства по отношенію къ вѣрнымъ друзьямъ и слугамъ нашей страны.

„Отъ души благодарю васъ за ваше приглашеніе навѣстить васъ, если мнѣ случится быть въ Парижѣ; едва ли мнѣ удастся совершить подобное путешествіе. Разстроившіяся за послѣдніе годы мои личныя дѣла заставляютъ не только отложить это намѣреніе, но, вѣроятно, и вовсе не позволятъ привести его въ исполненіе. Такія соображенія не существуютъ для васъ и потому, не пріѣдетѣ ли вы, вмѣстѣ съ madame Лафайетъ, навѣстить мою хижину? Я часто говорилъ вамъ и снова повторяю, что нигдѣ вы не будете встрѣчены съ такою любовью, какъ у меня и madame Вашингтонъ. Шлемъ отъ души наши привѣты вамъ, вашей женѣ и вашей семье. Примите же чувствауваженія, расположенія и дружбы вашего Вашингтона“.

Получивъ это письмо, Лафайетъ не заставилъ себя долго ждать.

IX.

Четвертаго августа 1784 года французскій корабль привезъ къ берегамъ Америки Лафайета въ третій разъ. Путешествіе молодого маркиза по Содѣдиненнымъ Штатамъ было теперь настоящимъ три-

умфальнымъ шествиемъ. Въ Ричмондѣ его встрѣтилъ Вашингтонъ и они отправились въ мирное убѣжище американскаго гражданина въ Моунтъ-Вернонъ, а затѣмъ путешествовали вмѣстѣ, посѣтивши Балтимору, Филадельфию и другіе города. На многочисленные адреса, со всѣхъ сторонъ стекавшіеся къ Лафайету, онъ неизмѣнно отвѣчалъ опредѣленно выраженнымъ желаніемъ видѣть уничиженнымъ рабовладѣльчество, но, само собою разумѣется, что это вовсе не входило въ расчеты американцевъ. Для такой реформы еще не созрѣли тогда экономическія условія, и потому „сочувствіе“ предложенію Лафайета почти нигдѣ не шло далѣе увѣреній, что „мы бы, конечно, съ радостью, но что съ другой стороны,.. для ихъ же пользы,.. и т. д.“ И такие отвѣты получались, не взирая на всю, поистинѣ, колоссальную популярность лица, предлагавшаго реформу. Въ особенности замѣченъ пріемъ, который окказалъ Лафайету Конгрессъ. Извѣщеній о близкомъ отѣздѣ маркиза въ Европу, Конгрессъ образовалъ особый комитетъ изъ представителей каждого штата и назначилъ днемъ собранія его одиннадцатое декабря для торжественнаго пріема Лафайета, для пожеланія ему счастливаго пути и для выраженія благодарности за новыя доказательства преданности маркиза Соединеннымъ Штатамъ, видной изъ его заботъ о политическихъ и коммерческихъ интересахъ новаго государства. Президентъ же Конгресса долженъ былъ сказать Лафайету, что Штаты считаютъ его своимъ гражданиномъ-патріотомъ, что они никогда не перестанутъ интересоваться его судьбою, его славой и его счастьемъ и что чувства самой живѣйшей благодарности американцевъ будутъ сопутство-

вать ему во все продолжение его жизни. На все это Лафайетъ отвѣчалъ рѣчью, воспроизведенною въ газетахъ того времени:

„Не могу выразить Конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, — сказалъ онъ, — всей моей глубокой благодарности за оказанный мнѣ въ Америкѣ приемъ, равно какъ и испытываемаго мною удовольствія при видѣ счастья, которымъ стали наслаждаться Штаты. Съ того момента, когда я увидалъ въ первый разъ американскій материкъ, я страстно жаждалъ дня, въ который мнѣ удастся поздравить Конгрессъ съ побѣдою. Признаюсь, первыя побужденія, толкнувшія меня принять участіе въ американскомъ дѣлѣ были, если можно такъ выразиться, инстинктивны, непропульны. Я далекъ былъ тогда отъ самой возможности представить себѣ всѣ нити, которыя привяжутъ меня къ благополучію и славѣ Штатовъ. Но я увидѣлъ американцевъ взявшись за исполненіе такихъ великихъ плановъ, людей, одаренныхъ такими добродѣтелями, что не могъ не привязаться къ нимъ всѣмъ сердцемъ и привязанность эта окончится только вмѣстѣ съ моей жизнью.

„Хватаюсь съ радостью за случай поблагодарить Конгрессъ за то довѣріе, которымъ онъ меня по-чтилъ во время американской революціи. Это довѣріе началось еще тогда, когда я, явившись сюда неопытнымъ юношесю, такъ нуждался въ отеческой заботливости моего знаменитаго и уважаемаго друга. Оно продолжалось въ теченіе всѣхъ перипетій войны. Я долженъ здѣсь констатировать, что я часто находилъ въ личномъ расположениі ко мнѣ жителей и ихъ довѣріи могущественнѣйшій источникъ силы для преодолѣнія встрѣчавшихся

затрудненій. Воспоминаніе объ этомъ даетъ мнѣ смѣлость въ эту торжественную минуту напомнить Конгрессу, Соединеннымъ Штатамъ и всѣмъ ихъ гражданамъ о моихъ дорогихъ товарищахъ по оружию, храбрость и услуги которыхъ были такъ полезны отечеству.

„Глубоко чувствуя всю важность той помощи, которую намъ окажаль нашъ доблестный монархъ, я радуюсь при мысли, что этотъ союзъ послужить ко взаимной пользѣ. Воспоминаніе о прошломъ служитъ тому порукою, а будущее способно лишь усилить эту сладкую надежду.

„Отъ чистаго сердца желалъ бы я видѣть федерацію упроченною, торговлю правильною, границы обезпечеными, флотъ могущественнымъ. На этихъ основаніяхъ созиждется истинная независимость Соединенныхъ Штатовъ. Да будетъ величественный храмъ свободѣ, который мы только что воздвигли, урокъ утѣснителямъ, примѣромъ для угнетенныхъ, убѣжидемъ человѣческихъ правъ и да возрадуются, глядя на него, и въ грядущіе вѣка тѣни его основателей!“

Послѣ этого Лафайетъ собрался въ путь, осыпанный знаками признательности со стороны американцевъ. Различные штаты давали его имя городамъ и цѣлымъ граfcтвамъ. Столицы присыпали ему право на гражданство. Отъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ отъ государства, ему со всѣмъ его потомствомъ былъ выданъ дипломъ на американское гражданство. Виргинія поставила его бюстъ въ залъ совѣщаній въ Ричмондѣ. Наконецъ, рѣшено было послать мраморный бюстъ Лафайета посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Парижъ и ходатайствовать о постановкѣ его въ l'Hôtel de Ville'ѣ. Это было торжественно исполнено.

Покрытый благословеніями цѣлаго народа, Лафайетъ, послѣ великолѣпнаго празднества въ его честь, отправился въ Бостонъ и тамъ получилъ отъ Вашингтона письмо:

„Теряя изъ виду вашъ экипажъ, — писалъ ему американскій Цинцинатъ, — я спрашивалъ себя: неужели я видѣлся съ вами въ послѣдній разъ и, несмотря на мое желаніе сказать „нѣтъ“, предчувствіе повторяло его мнѣ: „да“. Дни юности пробуждались въ моей памяти, я чувствовалъ, что они уже давно и безвозвратно прошли, что я опускаюсь по склону той горы, къ высотамъ которой шелъ пятьдесятъ два года. Не взирая на крѣпость моего сложенія, я принадлежу къ семейству недолговѣчному и долженъ ожидать скораго отдохновенія въ могилѣ моихъ предковъ. Эти мысли омрачали предо мною горизонтъ, застилали тучею мое будущее, а, слѣдовательно, и надежду снова васъ увидѣть. Но не жалуюсь. И у меня былъ свой день. Не могу выразить того чувства любви, которое я питалъ къ вамъ, да даже и не пытаюсь это сдѣлать. Возношу горячія мольбы за вашъ благополучный и счастливый путь, за вашу встрѣчу съ женою, съ семействомъ и за исполненіе всѣхъ вашихъ желаній“.

Въ этихъ строкахъ вылилась вся трогательная привязанность великаго американца къ Лафайету, на которую маркизъ отвѣталъ тѣмъ же до самой смерти. Примѣръ американскаго героя не могъ не оказать известной доли вліянія на всю послѣдующую дѣятельность Лафайета. Всю жизнь они вели самую задушевную переписку, замѣнившую ими личную встрѣчу, которой не суждено было болѣе осуществиться. „Вашингтонъ питалъ къ Лафайету

любовь истинно отеческую,—говорить Гизо,—самую нѣжную, можетъ быть, изъ всѣхъ испытанныхъ имъ въ жизни. Независимо отъ оказанныхъ Лафайетомъ услугъ, чувства личнаго къ нему уваженія и очаровательности его характера, независимо даже отъ преданности, исполненной живого энтузіазма, которую питалъ къ нему самъ Лафайетъ, невозмутимо покойному духомъ американскому полководцу чрезвычайно нравился этотъ блестящій молодой дворянинъ, этотъ рыцарь, который, уклонившись отъ очарованій Версальскаго двора, посвятилъ свою шпагу и богатство американцамъ. Это было, по мнѣнію Вашингтона, выраженія сочувствія благороднѣйшихъ людей Стараго Свѣта, какъ лично къ нему, такъ и къ дѣлу свободы, которое онъ отстаивалъ. Лафайетъ былъ звеномъ, связующимъ Вашингтона съ блестящимъ, остроумнымъ и справедливо прославленнымъ французскимъ обществомъ. Это лъстило его скромному величию столько же сколько и трогало. Его мысли обращались съ волненiemъ, проникнутымъ самыми благосклонными чувствами, къ этому юному другу, который бросилъ все, чтобы ратовать рядомъ съ нимъ“ *).

„Если бы Лафайетъ имѣлъ счастье родиться въ Соединенныхъ Штатахъ, — говоритъ madame Сталь, — онъ велъ бы себя точно также, какъ Вашингтонъ: тоже безкорыстie, тотъ же энтузіазмъ, тоже постоянство убѣжденій отличаютъ обоихъ великодушныхъ друзей человѣчества“.

И далѣе:

„Со временемъ отъѣзда Лафайета въ Америку нельзя привести въ теченіе сорока лѣтъ ни одного его

*) Исторический очеркъ жизни Вашингтона, стр. 79.

дѣйствія, ни одного слова, которое шло бы въ разрѣзъ съ его убѣжденіями и никогда личный интересъ не примѣшивался къ его образу дѣйствій". **)

Такъ связала судьба этихъ двухъ людей. Повѣствую объ этомъ, Лабуле обратился къ своимъ слушателямъ съ такими словами:

„Нѣкогда, въ древности трогательный обычай освящалъ гостепріимство: „tessera“, медальонъ изъ земли съ изображеніемъ головы Юпитера-страннопріимца разламывался на двое: раздѣленный между двумя семействами онъ служилъ символомъ или отличительнымъ знакомъ чужестранца, приходившаго издалека. Складывали вмѣстѣ оба куска, находили въ немъ общее имя, память старой дружбы, мысль предковъ. У насть тоже есть свой символъ: мы не можемъ произнести имени Вашингтона, чтобы американецъ не отвѣтилъ намъ именемъ Лафайета; имена эти нераздѣльны, а воспоминаніе о нихъ, долженствующее соединить Францію и Америку узами вѣчной дружбы, славно и нетлѣнно“. ***)

Политическое воспитаніе Лафайета вполнѣ завершилось этимъ третиимъ путешествиемъ въ Америку, но тѣмъ большій контрастъ со всѣмъ складомъ окончательно выработанныхъ имъ въ демократической странѣ убѣжденій должно было представить предъ нимъ все то, что онъ встрѣтилъ на собственной родинѣ, какъ только взоръ его, оторвавшись отъ американскихъ дѣлъ, устремился на положеніе Франціи. Его первымъ важнымъ шагомъ въ общественной дѣятельности по возвращеніи на

**) Considerations sur la revolution fran aise par madame de Sta el. p. 214.

***) Исторія Соедин. Штатовъ, стр. 313.

родину была агитација за свободу совѣсти протестантовъ, которые терпѣли самыя невыносимыя притѣсненія. Правда, не было уже открытыхъ кровавыхъ преслѣдований за религию, не было ни драконадъ, ни Варфоломеевскихъ ночей, но положеніе протестантовъ всецѣло зависѣло отъ личнаго каприза короля, парламентовъ, министровъ. Ихъ браки не признавались законными, духовныя завѣщанія тоже, они сами были едва терпимы. Вступившись за нихъ, Лафайетъ почти не нашелъ вокругъ себя поддержки. Такова была еще сила предразсудковъ въ вѣкъ Вольтера и энциклопедистовъ въ этомъ сотканномъ изъ противорѣчій обществѣ. Все что могъ достигнуть Лафайетъ, при помощи Мальзерба, — это получить командировку въ Севены, съ цѣлью детальнаго ознакомленія съ положеніемъ протестантовъ. Эта работа имѣла свое значеніе, такъ какъ позволила Лафайету выступить черезъ два года въ собраніи нотаблей съ формальнымъ предложеніемъ объ измѣненіи участіи протестантовъ, необходимость чего онъ могъ доказывать, опираясь на многочисленные, собранные имъ во время командировки, материалы.

Затѣмъ Лафайетъ для исполненія своего образованія путешествовалъ по Европѣ, представлялся въ Берлинѣ Фридриху Великому, считавшемуся первымъ военнымъ авторитетомъ и встрѣтился на маневрахъ въ Силезіи съ своимъ противникомъ на американскихъ поляхъ битвѣ лордомъ Корнуэлломъ. Изъ Силезіи онъ отправился въ Вѣну, былъ представленъ императору, изучалъ организацію австрійскихъ войскъ и затѣмъ снова вернулся въ Парижъ. Въ это время въ парижскихъ салонахъ

уже было много разговоровъ о реформахъ, и домъ Лафайета скоро сталъ однимъ изъ очаговъ разграшагося пламени. Тутъ Лафайетъ завязалъ сношенія съ Некеромъ и его дочерью, известной Сталь, а затѣмъ подалъ Ипверну „проектъ реформы уголовнаго кодекса“, редактированный Кондорсе. Вообще, въ эти три года, предшествовавшіе крушенню стараго режима, Лафайетъ былъ всегда въ рядахъ застрѣльщиковъ. Не было такого проекта о расширеніи правъ французовъ, который бы онъ не поддерживалъ; не было такой реформы, касающейся положенія угнетенныхъ, которой бъ онъ не выступалъ открытымъ сторонникомъ. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію его общественной дѣятельности, начиная съ 1787 года, приведемъ отрывокъ изъ помѣщенаго въ книгѣ Барду письма Ксаверія де Шомберга къ матери, описывающаго Лафайета въ его совершенно частной жизни:

„Мы были у маркиза де Лафайетъ. Этотъ домъ мнѣ въ высшей степени понравился. Самъ Лафайетъ мнѣ показался существомъ болѣе свойственнымъ Америкѣ, чѣмъ Парижу. Онъ говорить по англійски также легко, какъ по французски. У него есть американскій дикарь, одѣтый въ национальный костюмъ. Этотъ дикарь называетъ его не иначе, какъ „father“ (отецъ). Все въ домѣ дышетъ простотою. Вмѣстѣ со мною тамъ обѣдали Мармонтель и аббатъ Морле. Маленькая дочери Лафайета говорятъ отлично по англійски. Я удивлялся простотѣ этого заслуженнаго молодого человѣка, въ то время когда существуетъ столько людей, которые ничего не сдѣлали, а держать себя съ такою недоступностью“.

X.

Насталъ 1787 годъ, ознаменованный во Франціи такимъ событіемъ,—какъ созваніе нотаблей. Чрезвычайно разстроенные финансы заставили правительство рѣшиться на эту, въ сущности, крайне робкую мѣру. Общество же жаждало созыва генеральныхъ штатовъ, не созывавшихся болѣе ста пятидесяти лѣтъ *). Несостоятельность феодально-бюрократического режима давно бросалась въ глаза прозорливымъ людямъ, и не надо было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть грядущія событія: „Франція живетъ какимъ то чудомъ, говорилъ Фенелонъ; это старая испорченная машина, которая еще дѣйствуетъ, вслѣдствіе сообщеннаго ей нѣкогда движенья, но которая готова развалиться при первомъ толчкѣ“. „Когда я смотрю на бѣдствія, которыя насъ окружаютъ, говорилъ съ каѳедры Боссюэтъ, на бѣдность и отчаяніе столькихъ разоренныхъ семействъ, мнѣ кажется, что со всѣхъ сторонъ подымается такой вопль отчаянія, который долженъ былъ бы разорвать намъ сердца“. Еще кардиналъ Ришелье сказалъ, что „народъ съѣденъ до костей“, Вобанъ утверждалъ, что изъ десятка французовъ девять нуждаются въ хлѣбѣ и самому необходимому для жизни, а Буа-Гильберъ, что „большая часть французовъ находится въ нищетѣ“ и что „Франція въ гангренѣ“. „Сблизьте съ этими свидѣтельствами, — говорить въ своей книгѣ очень умѣренный Карно,—письма, въ которыхъ madame de Сивинье разсказываетъ о лично ею видѣнныхъ

*) Въ послѣдній разъ Генеральные Штаты были созваны въ 1614 году.

ужасахъ въ Бретани, мемуары крестьянина Дювала, рисующаго ужасающую картину нищеты въ Шампаньи, донесеніе генералъ-интенданта Нормандіи, въ которомъ сказано, что „всѣ большія дороги покрыты нищими, выгнанными изъ ихъ жилищъ голodomъ и наготою“, или рапортъ губернатора Дофіне, гласящій, что „большая часть жителей питается зимою только кореньями и желудями, а въ настоящее время (въ маѣ мѣсяца) єсть луговыхъ травъ и древесную кору“. „Видишь по деревнямъ какихъ то животныхъ, самцовъ и самокъ, грязныхъ, опаленныхъ солнцемъ, прикрепленныхъ къ землѣ, въ которой они роются съ тупымъ упорствомъ. Они обладаютъ какъ бы членораздѣльною рѣчью и, когда поднимаются на ноги, то принимаютъ, по внѣшности, человѣческій видъ. И въ самомъ дѣлѣ, это люди. Они удаляются на ночь въ свои логовища, въ которыхъ пытаются хлѣбомъ, водою и кореньями. Они избавляютъ другихъ людей отъ труда воздѣлывать землю, сѣять и собирать, чтобы жить и заслуживать, поэтому, чтобы у нихъ не отнимали хлѣбъ, который они посѣли“; — вотъ картина положенія французскихъ крестьянъ, сдѣланная Лабрюэромъ, человѣкомъ, чуждымъ прогрессивныхъ идей вѣка и потому думавшимъ, что въ этомъ изображеніи онъ порицаетъ лишь обычай и нравы своего времени, а не тѣ условія, которыя ихъ породили. Артуръ Юнгъ, потешествуя по Франції незадолго до революціи, сравнивалъ ея отчаянное положеніе съ положеніемъ Прландіи и удивлялся долготерпѣнію французского народа. „Ахъ, воскликнулъ онъ,—если бы я былъ только на одинъ день законодателемъ Франціи, ужъ и заставилъ бы я поплясать всѣхъ этихъ гран-

сеньеровъ!“ „Кажется, что небо разгнѣвано всѣмъ тѣмъ, что происходитъ,—писалъ де Брагъ,—будемъ надѣяться, что Богъ простретъ, наконецъ, надъ нами свою руку“. „Съ нѣкоторыхъ порь Грэвская площадь*) не бываетъ свободною“, писалъ Бушамонъ въ своемъ дневнику за нѣсколько лѣтъ до революціи. „Бѣдные крестьяне, бѣдный король, бѣдное королевство!“—сказалъ знаменитый Кене. Такому экономическому положенію вполнѣ соотвѣтствовалъ и политической режимъ: подъ покровомъ мрака сплошь и рядомъ совершились вещи, напоминавшія средніе вѣка. Сенъ-Симонъ, описывая нравы французского двора, разсказываетъ о такихъ гнустностяхъ, что читатель не повѣрилъ бы, если бы описание относилось къ другому времени или принадлежало бы другому перу. Почти открыто совершившіяся преступленія, всегда остававшіяся безнаказанными и едва производившія впечатленія, позволяютъ предполагать о томъ, что творилось въ глубинѣ провинцій и въ тайникахъ благородныхъ замковъ. Епископъ Флешье повѣствуетъ о засѣданіяхъ чрезвычайного суда въ Оверни, известныхъ подъ именемъ „великихъ дней“. Циничныя и кровавыя поздѣвательства надъ человѣческою личностью оказались перемѣшанными тамъ съ такими ужасными злодѣяніями, что даже рангъ виновныхъ „дворянчиковъ“ не могъ спасти ихъ на этотъ разъ отъ руки правосудія. Но этотъ случай исключителенъ только въ томъ смыслѣ, что виновные понесли наказаніе, вообще же положеніе вещей въ этомъ отношеніи было таково, что заставило англій-

*) Грэвская площадь—мѣсто, на которомъ происходили казни важныхъ преступниковъ. Въ настоящее время площадь эта называется Place de l'Hôtel de Ville.

скаго юриста Блэкстона поставить на одну доску Францію и Турцію. Французская юстиція того времени поражаетъ изобиліемъ приговоровъ къ смертной казни съ разнообразiemъ предварительныхъ мученій, смотря по рангамъ осужденныхъ, клеймленіемъ преступниковъ, тайнымъ судопроизводствомъ и, наконецъ, знаменитымъ заключеніемъ въ Бастилію безъ суда. Если прибавить сюда полное отсутствие свободы печати и свободы совѣсти, религіозную нетерпимость, доходящую до жесточайшихъ преслѣдований за „отступничество отъ вѣры“ (несчастный юноша Лабарръ былъ казненъ и затѣмъ сожженъ въ 1766 году), то станетъ понятенъ отзывъ о Франції д'Аламбера, какъ о „красивой эхиднѣ“. **)

Все это было, все это совершалось, но незримо перемѣщался центръ тяжести, заключайющійся въ экономическомъ преобладаніи, въ нѣдра третьяго класса и потому все и болѣе замѣтными становились и перемѣны въ общественной психологіи. Близился часъ царства разбогатѣвшей буржуазіи. Желая стать на мѣсто своихъ предшественниковъ, буржуазія эта искренно вѣрила, что ея классовые интересы совпадаютъ съ интересами „народа“, а за идеологами, выражавшими безсознательно ея стремлія дѣло, конечно, не стало Не Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты вызвали своимъ твореніями французскую революцію, а, наоборотъ, въ твореніяхъ великихъ писателей сконцентрировался тотъ духъ, который уже носился въ атмосферѣ. Произведенія этихъ писателей были настольными книгами у поколѣнія, совершившаго революцію, это правда,

**) Всѣ приведенные цитаты заимствованы изъ книги Сагнот. *Revolution fran aise; p riode de cr ation.* Есть рус. переводъ.

но происходило это опять таки потому, что въ книгахъ находились отдѣлы на возникшіе жгучіе запросы времени. „Свѣтъ распространяется повсемѣстно, писалъ Вольтеръ въ 1764 году, и крушеніе произойдетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Выйдетъ славная перепалка. Молодые люди счастливы: они увидятъ многое“. Тоже говорилъ и Руссо за два года передъ тѣмъ: „мы приближаемся къ кризису и вѣку революцій“, — писалъ онъ въ 1787 году и совѣтывалъ дворянству, въ выдахъ предосторожности, учить своихъ дѣтей ремесламъ. Это понималъ и самъ Людовикъ XV, изреченіе котораго „aprѣs nous le deluge“ (послѣ насъ хоть потопъ) стало классическимъ.

Жестокости послѣдовавшей революціи были прямо пропорціональны степени испытаннаго французами гнета. Эту истину признаютъ и прусскій историкъ Зибель, крайне строго относящія къ дѣятелямъ французской революціи вообще и Лафайету въ частности. Бросивши взглядъ на картину положенія Франціи въ XVIII вѣкѣ, Зибель говоритъ: „ни классическая, ни христіанская, ни средневѣковая, ни реформаціонная цивилизаціи не возмущались ни ужасами войны, ни жестокостями уголовнаго процесса, ни другими безчеловѣчными дѣйствіями, рядомъ съ которыми весь столъ преувеличенный терроръ революцій и реакцій, заnim слѣдовавшихъ, оказывается ребячествомъ“. Рядомъ съ тѣмъ Зибель констатируетъ, что „жизнь подобного намъ значить что нибудь и для насъ самихъ только въ концѣ прошлаго столѣтія перешла изъ области мечтаній въ дѣйствительность“ (*).

*) Генрихъ Зибель.— Исторія французской революціи и ея времени, ч. I стр. 10.

Въ своихъ „Разсужденіяхъ о французской революціи“ madame Сталь говоритъ, что „не разсматривалъ общественная явленія съ точки зрењія мыслителя тотъ, кто не знаетъ, что сила реакціи равна силѣ акціи. Ужасы возмущеній служать мѣрою пороковъ старыхъ учрежденій и дѣлать отвѣтственнымъ за нравственное поведеніе народа во время возмущенія слѣдуетъ не то правительство, которое тогда только что возникаетъ, а то, которое существовало уже давно. Говорить, что французы развращены революціей. Откуда же взялись порочныя наклонности, которыя такъ сильно развились въ первые годы революціи, если онѣ не были подготовлены вѣками предразсудковъ и произвола?.. Нѣть периода, который можно было бы сравнить съ четырнадцатью мѣсяцами террора, но изъ этого именно слѣдуетъ, что въ теченіе вѣковъ не было народа болѣе несчастнаго, чѣмъ народъ французскій“ **).

Крайне разстроенные финансы составляли въ это время предметъ особенной заботы французского правительства. На покрытие все болѣе и болѣе возрастающихъ расходовъ требовались деньги, а ихъ то и не было въ казнѣ. Единственнымъ средствомъ поправить финансовые затрудненія являлось ограничение привилегій правящихъ классовъ и болѣе справедливое распределеніе налоговъ. Въ обществѣ повсемѣстно говорили, что такая задача можетъ быть решена лишь созывомъ Генеральныхъ Штатовъ (*éts généraux*), но правительство не решалось на эту мѣру. Проекты финансовыхъ реформъ Некера, составленные въ томъ же духѣ, были безусловно

**) Considerations etc.

отвергнуты, но дѣлать было нечего, и въ 1787 году правительство рѣшило созвать „нотаблей“ и дать этому собранію право совѣщательного голоса по тѣмъ вопросамъ, которые правительству будетъ благоугодно ему предложить. Собрание открыло свои засѣданія двадцать второго февраля. Оно состояло изъ ста сорока четырехъ членовъ, назначенныхъ королемъ и было раздѣлено на семь отдѣльныхъ „бюро“, каждое подъ предсѣдательствомъ кого либо изъ членовъ королевской фамиліи. Лафайетъ находился въ бюро графа д'Артуа и игралъ тамъ значительную роль. Когда, однажды, президентъ счетной палаты Николаи, дѣжалъ въ бюро докладъ о тяжеломъ положеніи государства, Лафайетъ его энергично поддерживалъ. „Расточаемые миллионы,— сказалъ онъ,— собираются посредствомъ налоговъ, а налоги могутъ быть оправдываемы лишь дѣйствительными потребностями государства. Всѣ эти миллионы, плодъ пота, слезъ и можетъ быть крови народа, не должны быть легкомысленно расточаемы“. За такія рѣчи Калонъ требовалъ заключенія Лафайета въ Бастилию, но гроза благополучно миновала. Въ другой разъ между графомъ д'Артуа и Лафайетомъ произошла надѣлавшая много шума сцена: говоря обѣ интересахъ народа, Лафайетъ сказалъ: „если деревенское населеніе не имѣть въ этомъ собраніи ни одного представителя, то надо, по крайней мѣрѣ, доказать, что у него есть защитники и... мы должны, поэтому, просить Его Величество о созваніи Национального Собранія...“

Эффектъ, произведенный словомъ „Национальное Собраніе“ былъ необыкновенный.

— Какъ, милостивый государь, — воскликнулъ

графъ д'Артуа,—вы требуете созыва Генеральныхъ Штатовъ?!

— Да, милостивый государь, и даже болѣе того.

— Вы хотите, что бы я сказалъ королю: господинъ Лафайетъ дѣлаетъ предложеніе созвать Генеральные Штаты.

— Да, милостивый государь.

Воцарилась полная тишина, но слова Лафайета „болѣе чѣмъ Генеральные Штаты“ т. е. Национальное Собраніе облетѣли весь Парижъ и еще болѣе увеличили его популярность. Зато придворные стали открыто ненавидѣть смѣльчака, а Марія Антуанета скоро стала не переносить самое его имя. Однако, уже побаивались его популярности и не рѣшались на крутыя мѣры. Вырывавшіяся нерѣдко у Лафайета *bons mots* долго повторялись и въ салонахъ и въ дальнихъ кварталахъ Парижа, приводя въ бѣшиство его враговъ. Такъ, однажды, въ высшихъ сферахъ дебатировался вопросъ о составленіи учебника по исторіи Франціи для дофина и много спорили о томъ, съ котораго года надо начинать эту исторію, полную будто бы славныхъ событий. „Самое лучшее, сказалъ, зѣвая, Лафайетъ, начать ее съ 1787 года“. Такъ шли мѣсяцы и не за горами уже былъ знаменательный 1789 годъ. Приближеніе его чувствовалось во многомъ и Лафайетъ былъ чрезвычайно бодро настроенъ. Однажды, развивая предъ женою свои радостные планы на будущее, Лафайетъ передалъ ей одинъ свой разговоръ съ Фридрихомъ Великимъ.

— Я спорилъ съ нимъ, что въ Америкѣ никогда не будетъ ни дворянства, ни королевской власти и горячо отстаивалъ свое мнѣніе.

— Сударь, сказалъ онъ мнѣ, устремляя на меня

свой острый взоръ, я зналъ одного молодого человѣка, который, посѣтивъ страны, гдѣ царили свобода и равенство, забилъ себѣ въ голову установить такой же порядокъ вещей въ своей странѣ. Знаете ли, что съ нимъ случилось.

— Нѣтъ, государь.

— А вотъ, что, сударь, продолжалъ, смѣясь, король: онъ былъ повѣщенъ.

Не правда ли какой очаровательный разсказъ? Онъ меня очень позабавилъ...

Госпожѣ Лафаетъ было не до смѣха...

XI.

Въ 1789 году давно желанные Генеральные Штаты были наконецъ, созваны. Въ этомъ знаменитомъ Собраніи, принявшемъ вскорѣ название Национального и Учредительного (Конститюанта) находился въ числѣ депутатовъ отъ Оверни и Лафайетъ. Извѣстно, какое значеніе имѣло ва этомъ Собраніи ораторское искусство и какое вліяніе пріобрѣлъ, благодаря этому, Мирабо. Лафайетъ же никогда не былъ ораторомъ и тѣмъ не менѣе, его популярность въ этотъ періодъ восходившей надъ Франціей зари новой жизни была такъ велика, какъ никогда ни раньше ни послѣ. Его роль въ Конститюантѣ была роллю человѣка дѣла, а не слова. Не раньше восьмого іюля испросилъ Лафайетъ у предсѣдателя Собранія въ первый разъ слово и произнесъ рѣчь въ защиту извѣстнаго требованія Мирабо объ удаленіи окружавшихъ Собраніе войскъ, а одиннадцатаго онъ уже представилъ первый проектъ Декларации Правъ. Между тѣмъ, четырнадцатаго іюля пала Бастилія, событие, рѣшившее окончательно тяжбу между ста-

рымъ и' новымъ режитомъ. Камилъ Демуленъ, „краткая жизнь которого быстро пролетѣла между его первымъ историческимъ дебютомъ и трагедіей эшафата“, явился въ саду Пале-Рояля однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ этого событія. Аббать Клодъ Фоше шелъ впереди съ крестомъ въ рукѣ на приступъ грознаго оплота стараго строя *). „Ваше Ве-

*) Камилъ Демуленъ, издатель сначала „Брабантскаго Курьера“, а потомъ „Стараго Кордельера“ родился въ 1762 году былъ членомъ Конвентна и сложилъ голову на гильотинѣ въ разгарѣ борьбы партій и страстей пятаго апрѣля 1794 года. Близкій другъ Дантона, онъ возбудилъ подозрѣніе, а затѣмъ ненависть Робеспіера и его сторонниковъ. „Руссоніанскій и серьезный фанатикъ Сен-Жюстъ, говоритъ Гейне, ненавидѣлъ веселаго, остроумнаго фанфарона Демуlena. Нравственный, неподкупный Робеспіеръ ненавидѣлъ грѣшнаго, карыстолюбиваго Дантона. Максимилианъ Робеспіеръ, былъ воплощеніе Руссо: онъ былъ глубоко религіозенъ, вѣрилъ въ Бога и бессмертіе, ненавидѣлъ волтерьянскія насмѣшки надъ религіей, оргіи атеистовъ и распущенность „умниковъ“ (esprits); онъ ненавидѣлъ, можетъ быть, всякаго кто былъ остроуменъ и любилъ смѣяться. (Гейне, т. 7, стр. 206).

О Клодѣ Фоше надо сказать иѣсколько подробнѣе: въ половинѣ XVIII вѣка иѣкто Вейсаутъ основалъ въ Германіи секту иллюминатовъ. Секта эта скоро охватила своими развѣтленіями всю Европу. (Извѣстно, что нашъ Н. И. Новиковъ обвинялся, между прочимъ, также въ сношеніяхъ съ иллюминатами). Иллюминаты учили, что христіанская церкви всѣхъ вѣковъ усвоили себѣ только вѣнчаную сторону ученія Христа, не понявъ его внутренняго содержанія и что смыслъ этого ученія открыть только для „просвѣтленныхъ (illuminés) истиннымъ свѣтомъ“. Захвативъ главенство въ массонскихъ ложахъ, иллюминаты учредили такъ называемыя „заднія ложи“. Главнымъ агентомъ иллюминатовъ въ Парижъ явился извѣстный Калостро, дѣйствовавшій тамъ съ большимъ успѣхомъ. Надѣлавшій столько шума въ свое время процессъ „ожерелья королевы“ заставилъ Калостро бѣжать изъ Парижа, послѣ чего иллюминатскія ложи превратились въ политические клубы и начали дѣйствовать независимо отъ иллюминатовъ оставшей Европы подъ именемъ „свободныхъ братьевъ“, „истинныхъ дѣтей природы“ и т. д. Здѣсь то и началась политическая дѣятельность Клода Фоше. „Въ его проповѣди смѣшивались, говорить Луи Бланъ, христіанско смиреніе съ философіей Руссо, увлечениемъ Кая Гракха съ смутнымъ предчувствіемъ совершенного соціализма“. На публичную арену Фоше выступилъ въ первый разъ

личество, Бастилія взята народомъ“, — доложилъ королю герцогъ де Ланкуръ. — „Но это открытый бунтъ“—сказалъ Людовикъ. „Нѣтъ, Ваше Величество, это не бунтъ, а революція“—отвѣтилъ Ланкуръ. Лафайетъ послалъ ключи отъ главной двери Бастиліи въ подарокъ Вашингтону.

Вслѣдъ за паденiemъ Бастиліи утромъ пятнадцатаго іюля король явился безъ конвоя въ сопровожденіи своихъ братьевъ, въ Собрание, назвалъ его въ первый разъ Национальнымъ, объявилъ объ удаленіи войска изъ Парижа и обѣщалъ свою поддержку Собранию при установленіи новаго режима. Радость въ Собрании была всеобщая. Всѣ были увѣрены, что смутныя времена миновали и наступаетъ одно спокойное и свѣтлое будущее. Тотчасъ же изъ среды Собрания была назначена особая депутація, во главѣ которой былъ поставленъ Лафайетъ, съ порученіемъ отправиться въ l'Hôtel de Ville и объявить парижанамъ о состоявшемся примиреніи Людовика съ Собраниемъ. Рѣчь Лафайета въ l'Hôtel de Ville, занесена въ протоколы того времени въ такихъ выраженіяхъ: „господинъ Лафайетъ поздравилъ созраніе избирателей и всѣхъ гражданъ Парижа съ свободою, которую они завоевали своимъ мужествомъ, а также съ миромъ и счастьемъ, которыми они обязаны своему благожелательному и выведенному изъ заблужденій монарху. Онъ рассказалъ, какъ опечаленное безплодностью посылокъ къ королю двухъ депутацій, Собрание не расходилось всю ночь и когда оно только что хотѣло возложить на третью депутацію тоже порученіе,—просить ко-

во время взятія Бастиліи предводительствуя народными массами съ крестомъ въ одной рукѣ и кинжаломъ въ другой. Клодъ Фоше умеръ на гильотинѣ въ 1793 году.

роля объ удаленії войскъ,—какъ явился церемони-
мейстеръ и доложилъ, что король намѣренъ явиться
лично въ Собраніе. Онъ довелъ до свѣдѣнія слу-
шателей также подлинную рѣчъ короля, сказанную
имъ въ Национальномъ Собраниѣ и передалъ ее для
внесенія въ протоколы собранія избирателей".
Слова Лафайета и чтеніе рѣчи Людовика были
безпрестанно прерываемы бурными аплодисментами
и криками: да здравствуетъ король! да здрав-
ствуетъ нація!

Въ это же время Лафайетъ узналъ, что утромъ
того же пятнадцатаго іюля онъ былъ единогласно
провозглашенъ начальникомъ парижской милиції.
Это случилось такъ: среди волненій и бурь, выз-
ванныхъ событиями предшествовавшаго дня, пред-
сѣдатель совѣта избирателей Моро де сенъ Мери
указалъ толпѣ на бюстъ Лафайета, подаренный
Парижу въ 1784 году штатомъ Виргиніей и по-
ставленный въ большой залѣ Hotel de Ville'я. Толпа
отвѣтила на это напоминаніе громкими одобреніями.
Вскорѣ послѣ того прибылъ Лафайетъ и, когда онъ
исполнилъ порученіе Собранія и произнесъ упомя-
нутую рѣчъ, то толпа снова восторженно потребо-
вала, чтобы онъ принялъ новое назначеніе. Тогда,
обнаживши шпагу, Лафайетъ тутъ же поклялся
быть защитникомъ довѣренного ему дѣла свободы.
Въ это же время толпа провозгласила Байи купече-
скимъ старшиною (*prévot des marchands*). Слышился
чей то голосъ: нѣтъ, не купеческимъ старшиною,
а Парижскимъ меромъ! Да! Да! Парижскимъ ме-
ромъ! — раздаются со всѣхъ сторонъ возгласы.
Взволнованный Байи обращается къ толпѣ и го-
воритъ: „я не достоинъ такой великой чести и не-
способенъ нести такое бремя“, но толпа настан-

ваетъ и Байи уступаетъ. На слѣдующій день Лафайетъ составилъ проектъ организаціи парижской милиції: каждый батальонъ долженъ былъ состоять изъ шести частей волонтеровъ и одной части старыхъ солдатъ. Отличительнымъ знакомъ милиціонеровъ должна была служить трехцвѣтная кокарда: къ голубому и красному,—цвѣтамъ города Парижа,—по настоянію Лафайета, былъ прибавленъ бѣлый,—цвѣтъ знаменъ королевской династіи. Такъ получилось французское національное трехцвѣтное знамя, существующее и по настоящій день. Представляя проектъ этого знамени въ l'Hôtel de Ville, Лафайетъ сказалъ: „это знамя обойдетъ весь міръ!“ Трудна была роль Лафайета въ новой должности: надо было одновременно защищать и новорожденную свободу отъ многочисленныхъ интригъ явныхъ и тайныхъ сторонниковъ отжившаго порядка вещей, и охлаждать все болѣе и болѣе разгоравшіяся страсти. Въ надеждѣ на свою популярность, онъ возложилъ на свои плечи бремя почти сверхчеловѣческое. Хотя Лафайетъ и былъ назначенъ начальникомъ милиції при единодушномъ одобреніи толпы, но онъ все таки потребовалъ правильнаго избранія, въ результатѣ чего оказался избраннымъ единогласно. Тогда, принявши фактическое командованіе милиціей, онъ занялся ея детальной организаціей и предложилъ дать ей название національной гвардіи. Предложеніе это было принято съ громкими знаками одобренія.

Между тѣмъ, въ первые же дни, послѣдовавшіе за паденіемъ Бастиліи, состояніе Парижа было крайне возбужденное: городское населеніе постоянно увеличивалось наплывомъ пришлага люда изъ окрестностей, благодаря чему ощущался спльный

недостатокъ въ продовольствіи; магистратура и всѣ другія власти потеряли всякое значеніе; агенты герцога Орлеанскаго *) и сознательные приверженцы старого режима съ одной стороны, элементы нафантазированные духовенствомъ, съ другой поддерживали непрерывное броженіе въ массахъ. Такимъ образомъ на долю национальной гвардіи выпало прежде всего поддержаніе хоть какого нибудь порядка. Волненіе усиливалось. Двадцать второго іюля въ отсутствіе Лафайета въ l'Hôtel Ie Ville былъ приведенъ Фулонъ, сказавшій, что „для счастія народа ему достаточно дать Ѵсть съна“. Ярость толпы противъ него была за это неописуема. Вдругъ появился Лафайетъ, и наступила совершенная тишина. Онъ быстро понялъ, что единственное средство для спасенія Фулона заключалось въ отдачѣ приказа обѣ отправленіи его въ тюрьму. „Вы хотите, — обратился Лафайетъ къ толпѣ,—наказать этого человѣка безъ суда. Это была бы великая несправедливость, покрывшая позоромъ и васъ и меня. Я не допущу до этого, но я также далекъ отъ мысли спасать его, если онъ виновенъ. Я призываю отвести его въ тюрьму и затѣмъ предать суду. Надо уважать законъ. Безъ этого уваженія я никогда не перешель бы на сторону революціи“. Эти слова произвели сильное впечатлѣніе, но новыя и новыя толпы, не слышавшія рѣчи Лафайета, пребывали въ ратушу и громко требовали наказанія виновнаго. Три раза принимался Лафайетъ говорить толпѣ которая ему всякий разъ аплодировала. Но, вдругъ, Фулону

*) „Герцогъ Орлеанскій пытался уже въ первыхъ числахъ іюля сблизится съ Лафайетомъ, но молодой генералъ, который хорошо сознавалъ свою силу и глубоко ненавидѣлъ герцога, отказалъ ему въ этомъ наотрѣзъ“. (Зибель. Ист. фр. Рев. стр. 54).

пришла въ голову несчастная мысль аплодировать тоже. Толпа бросилась на него, и Лафайетъ не имѣлъ физической возможности ничего сдѣлать для его спасенія: несчастного притащили на Грэвскую площадь и умертвили. Такая же участъ постигла въ тотъ же день и ненавидимаго парижанами зятя Фулона Бертье. Выведенный изъ себя этимъ двойнымъ преступленіемъ, Лафайетъ на слѣдующій же день подалъ въ отставку, обратившись къ Байи съ слѣдующимъ письмомъ: „Милостивый Государь! призванный довѣріемъ моихъ согражданъ занять постъ военного начальника столицы, я безпрестанно повторялъ, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ довѣріе это должно быть полнымъ и совершеннымъ. Я говорилъ въ лицо народу, что, будучи преданъ его интересамъ до послѣдняго вздоханія, я, однако, не способенъ покупать его благорасположеніе, потому какая его несправедливостямъ. Народъ не внялъ моимъ совѣтамъ, слѣдовательно, онъ отказываетъ мнѣ въ томъ довѣріи, которое обѣщалъ, а потому и я долженъ оставить постъ, на которомъ не могу быть болѣе полезнымъ моимъ согражданамъ“. Въ такихъ же выраженіяхъ Лафайетъ разослалъ письма и къ избирателямъ округовъ, предлагая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ заняться новыми выборами. Эти письма вызвали сильное волненіе: отовсюду являлись депутаты просить его остаться на своемъ посту, но Лафайетъ уступилъ лишь послѣ того, какъ ему было дано торжественное обѣщаніе, что необходимый порядокъ будутъ поддерживать сами граждане Лафайетъ, сдѣлавшійся съ этой минуты почти королемъ Парижа, даль, по собственной иниціативѣ, двадцать шестого іюля клятву стремиться всегда къ тому, что бы войско находилось въ полномъ

подчиненії у гражданскихъ властей *). Собрание постановило выдавать Лафайету содержаніе въ размѣрѣ ста двадцати тысячъ ливровъ, но онъ рѣшительно отказался отъ всячаго вознагражденія: „въ то время, писалъ онъ по этому поводу Собранию,— когда столько гражданъ страдаютъ, когда необходимы средства на покрытие самыхъ неотложныхъ расходовъ, я, не могу согласиться на бесполезное истощеніе казны. Моего собственнаго состоянія совершенно достаточно для покрытия всѣхъ встрѣчающихся мнѣ издержекъ, а что касается до представительства, то на это у меня все равно нѣть ни минуты времени“. Когда же Собрание настанивало, то онъ отвѣчалъ такъ: „отказываясь отъ содержанія, я дѣлаю это вовсе не изъ великодушія; я считалъ бы себя вправѣ не только принять, но даже потребовать вознагражденія отъ народа, которому я посвятилъ свое состояніе и свою кровь, если бы этого состоянія не было болѣе чѣмъ достаточно для покрытия текущихъ расходовъ. Оно было очень значительно. пережило уже двѣ революціи и если когда нибудь для счастья народа необходимо будетъ третья, то и остатокъ состоянія будетъ принадлежать ему же“. Насталъ день, когда встрѣтилась необходимость и въ этой „третьей революціи“ (июль 1830 г.), поведеніе Лафайета и въ ней осталось непрѣменно, но отъ его когда то громаднаго состоянія не осталось и слѣда...

Постоянныя заботы Лафайета о спокойствіи столицы, конечно, почти не позволяли ему принимать

*) „Во главѣ тридцати тысячъ человѣкъ національной гвардіи, въ то время действительной арміи въ цѣломъ государствѣ, Лафайетъ былъ полнымъ господиномъ Парижа и, вслѣдствіе этого чуть ли не первымъ лицемъ въ государствѣ“. (Зибелль стр. 69).

участія въ работахъ Национального Собранія. Онъ не имѣлъ даже времени, чтобы защищать составленный имъ проектъ Деклараніи Правъ. Въ августѣ Лафайета посѣтилъ личный другъ Людовика Монтморенъ, съ цѣлью предупредить его объ интригахъ герцога Орлеанскаго, стремившагося къ узурпациі престола. Монтморенъ предложилъ ему именемъ короля званіе коннетабля Франції, но Лафайетъ отвѣчалъ, что „эта честь не прибавитъ нищего къ его долгу защищать короля отъ посягательствъ герцога Орлеанскаго“. Этотъ фактъ въ ряду многихъ другихъ въ томъ же родѣ указываетъ, какъ далекъ былъ Лафайетъ отъ приписываемыхъ ему нѣкоторыми историками честолюбивыхъ замысловъ. Каковы бы ни были его политическая воззрѣнія и какъ бы кто не смотрѣлъ на нихъ, едва ли можно сомнѣваться въ благородствѣ и рыцарскомъ характерѣ „старшаго сына французской революціи“.

XII.

Въ описываемое горячешное время события смѣнялись съ головокружительною быстротою. Не наступила еще та эпоха, въ которую, по выражению Гегеля, „міръ былъ поставленъ на голову“, не организовались еще партіи съ ярко выраженными программами дѣйствій, не дифференцировались общественные группы, борьба которыхъ придала вскорѣ событиямъ во Франціі рѣзко очерченный характеръ, но всѣ симптомы скораго наступленія такой эпохи были уже на лице, и жизнь Парижа представляла собою цѣль проишествій, полныхъ самыхъ драматическихъ эффектовъ. Ближайшею причиной

волненій служилъ недостатокъ продовольствія. Негурожай хлѣба высоко поднялъ на него цѣны; провинціи сами стали дорожить своими запасами и это обстоятельство отражалось самымъ тяжелымъ образомъ на парижскомъ населеніи. Остановка многихъ отраслей промышленности лишила также рабочихъ куска хлѣба и толпы голодныхъ людей постоянно наполняли улицы Парижа. Правительство приняло мѣры для предотвращенія послѣдствій голодовки: оно закупало хлѣбъ за границей по дорогой цѣнѣ и пускало его въ продажу по три су за фунтъ т. е., продавало его съ убыткомъ для себя, учредило на Монмартрѣ общественные мастерскія, въ которыхъ нашли себѣ работу семнадцать тысячъ человѣкъ, но всего этого было мало, ибо каждый день въ столицу прибывали все новыя и новыя толпы бродячаго люда, оставшагося безъ работы, вслѣдствіе наступившаго кризиса. Пале-Рояль сдѣлался мѣстомъ обычныхъ многолюдныхъ сходокъ: тамъ ораторы произносили самыя зажигательныя рѣчи, въ которыхъ обвиняли во всѣхъ бѣдствіяхъ „совѣтниковъ короля“, стоящихъ между нимъ и народомъ и въ особенности всѣми ненавидимую Марию Антуанету, называвшуюся въ то время не иначе, какъ „австріячкой“; тамъ же дѣйствовали постоянно и наемные агенты герцога Орлеанскаго, цѣлью котораго было погубить, во что бы то ни стало, короля и самому взойти на престолъ Франціи. Прибавимъ къ этому необыкновенно размножившееся количества газетъ и летучихъ листковъ *), воспроизводившихъ на своихъ страницахъ тревожныя вѣсти изъ Версали, изъ провинцій, изъ загра-

*) Издававшаяся въ это время Лустало газета „Les revolutions de Paris“ имѣла двѣsti тысячъ подписчиковъ.

ницы, дѣйствія интригъ духовенства, гражданское устройство котораго было вскорѣ совершенно отвергнуто папской грамотой и наконецъ пронски всѣхъ сторонниковъ падшаго режима **), и мы поймемъ настроеніе парижскаго населенія въ это время. Чаще и чаще происходили мятежи въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ особеннымъ авторитетомъ пользовалось духовенство и гдѣ при старомъ режимѣ можно было едва насчитать по два по три человѣка, умѣвшихъ читать. Мятежи эти представляли собою неистощимыя темы для рѣчей пале-рояльскихъ ораторовъ, страсти разгорались все болѣе и болѣе и Парижъ жилъ, какъ на вулканѣ... „Разлучить короля съ его „злыми совѣтниками“, предложивши ему переселиться изъ Версала въ Парижъ, — вотъ забота, ставшая злобою дня въ столицѣ Франціи. Вскорѣ новое событие въ Версалѣ подлило масла въ огонь: первого сентября офицеры корпуса дворцовой гвардіи дали банкетъ въ честь Фландрскаго полка. Во время банкета вошла Марія Антуанета съ дофиномъ на рукахъ, оркестръ заигралъ и хоръ подхватилъ: „о, Ричардъ, о, мой король, всѣ тебя покидаютъ!“ Присутствовавшіе на банкетѣ украсили себя бѣлыми кокардами т. е. эмблемами старой Франціи, а трехцвѣтное знамя попирали ногами и всячески оскорбляли. На слѣдующій день королева сказала гвардейцамъ, что она „въ восторгѣ отъ ихъ праздника“. Слухъ обѣ этомъ банкетѣ, передаваясь изъ устъ въ уста, окончательно взволновалъ Парижъ. Пятаго октября громадная толпа народу, состоявшая преимущественно изъ женщинъ, двинулась въ Вер-

**) Въ декабрѣ 1789 года маркизъ Фавръ составилъ заговоръ, съ цѣлью похитить Людовика, убить Байи и Лафайета и возстановить старый режимъ. Фавръ былъ казненъ 18 января 1790 года.

саль. Депутація отъ женщинъ явилась къ королю и просила его о принятіи мѣръ къ удешевленію хлѣба и о переселеніи въ Парижъ. Вскорѣ прибылъ въ Версаль и Лафайетъ съ двадцатью тысячами гвардейцевъ. Онъ вошелъ безъ конвоя въ версальскій дворецъ. Въ 1' Oeil de Boeuf кто то замѣтилъ: „вотъ идетъ Кромвель!“ — „Сударь, отвѣчалъ Лафайетъ,—Кромвель не вошелъ бы одинъ“. Посовѣтовавши королю уступить необходимости, Лафайетъ около полуночи выѣхалъ изъ дворца, побывалъ у министра Монморена и затѣмъ легъ заснуть. Это обстоятельство ставилось въ особенную вину Лафайету. Говорили, что онъ не принялъ для безопасности дворца всѣхъ мѣръ, что онъ не долженъ былъ въ эту ночь спать и т. д. Ночью между народомъ и дворцовой гвардіей произошла схватка и утромъ шестого октября толпа овладѣла Версальскимъ дворцомъ. Дали знать обѣ этомъ Лафайету, который, прибывши немедленно во дворецъ, очистилъ его отъ нападавшихъ. Народъ выражаетъ желаніе видѣть короля. Людовикъ появляется на дворцовомъ балконѣ и его привѣтствуютъ громкими кликами. Лафайетъ убѣждаетъ Марію Антуанету показаться также на балконѣ. Зная общую къ себѣ ненависть, она не рѣшается это сдѣлать: Лафайетъ настаиваетъ на своемъ, появляется вмѣстѣ съ нею, опускается передъ нею на одно колѣно и цѣлууетъ ей руку. Падкая до эффектныхъ сценъ толпа парижанъ приходитъ въ восторгъ и долго не смолкаютъ крики: „да здравствуетъ Лафайетъ! Да здравствуетъ королева!“ Въ дѣлѣ вторженія толпы въ Версальскій дворецъ принималъ участіе и неперестававшій интриговать противъ Людовика герцогъ Орлеанскій. Въ его бумагахъ послѣ его смерти

нашли письмо отъ шестого октября къ одному банкиру, въ которомъ онъ проситъ отсрочить выдачу известной суммы, такъ какъ „l'argent n'est point gagné, le marmot vit encore“ (деньги не заработаны, простофиля еще живъ). Нѣкоторые очевидцы октябрьскихъ происшествій въ Версаліи увѣряютъ даже, что видѣли въ толпѣ самого герцога Орлеанскаго. Послѣ этого события королевское семейство перенесло свои засѣданія и Национальное Собрание. „Я обязана вамъ болѣе чѣмъ жизнью, сказала Лафайету тетка Людовика madame Аделаїда, я вамъ обязана жизнью короля, моего бѣднаго племянника“. Горячо благодарила его и принцесса Елизавета, но не таковы были чувства къ нему Маріи Антуанеты: „Лафайетъ, говорила она, уважаетъ источникъ всѣхъ нашихъ золъ — конституцію, и даже считаетъ ее единственнымъ предметомъ, заслуживающимъ во Франціи уваженія“. Этого Марія Антуанета не могла простить и глубоко ненавидѣла маркиза. „Лучше погибнуть, чѣмъ быть спасенной Лафайетомъ,“ — вотъ фраза, вырвавшаяся изъ ея устъ въ одну изъ критическихъ минутъ ея жизни.

XIII.

Въ Национальномъ Собраниі царилъ въ это время своимъ могучимъ ораторскимъ талантомъ Мирабо. Въ какихъ же отношеніяхъ находился знаменитый ораторъ къ „старшему сыну французской революції“? Сначала отношения эти носили вполнѣ дружелюбный характеръ и выражались съ особенностью полнотою девятнадцаго октября 1789 года, по случаю представленія Байи и Лафайета Собранию

въ годовщину плѣна Корнвалиса въ Йоркъ-Тоунѣ.
„Предлагаю Собранию, сказалъ въ тотъ день Ми-
рабо, вотировать этимъ двумъ гражданамъ благо-
дарность за всѣ понесенные ими труды и за ихъ
неутомимую заботливость объ общественномъ благѣ“.

Такія отношенія между Мирабо и Лафайетомъ продолжались, однако, недолго. Вскорѣ Лафайетъ потребовалъ, чтобы виновникъ многихъ смутъ въ Парижѣ герцогъ Орлеанскій оставилъ предѣлы Франціи и неудавшійся претендентъ на корону долженъ былъ уѣхать въ Лондонъ. Это сильно раздражило Мирабо. Онъ видѣлъ въ герцогѣ нѣкоторый противовѣсь всемогущему тогда Лафайету и опасался его всевозрастающаго вліянія. Онъ даже совѣтовалъ герцогу не слушаться требованій начальника національной гвардіи и когда, тѣмъ не менѣе, Лафайетъ поставилъ на свое мѣсто Мирабо сталъ открытымъ его врагомъ и часто повторялъ фразу: „меня причисляютъ къ партіи Лафайета, а я не желалъ бы этой чести и для своего лакея“. Въ одномъ изъ его писемъ къ графу Ламарку находятся между прочимъ такія строки: „слѣдовало бы удалить Лафайета отъ дѣлъ или сдѣлать его безвреднымъ, но и то и другое почти невозможно. Вся Франція у его ногъ. Само Национальное Собрание т. е. та единственная власть, которая могла бы противостоять ему, смотрѣть на него, какъ на своего покровителя и какъ на самую твердую опору Революціи“. Лафайетъ смотрѣлъ сквозь пальцы на выходки противъ него Мирабо. Признавая въ немъ несомнѣнныи государственный умъ и выдающійся ораторскій талантъ, Лафайетъ не любилъ Мирабо, какъ человѣка. Мотовство и вѣчная по-
гона за деньгами дѣлали его въ глазахъ Лафайета

даже подозрительнымъ. „Безнравственность Мирабо, писалъ онъ въ своихъ „мемуарахъ“, меня всегда шокировала“. Да и кромѣ того, Лафайетъ и Мирабо расходились въ убѣжденіяхъ. Политическій питомецъ американской почвы, Лафайетъ, хотя и былъ сторонникомъ монархіи, но непремѣнно такой, которая была бы обставлена, въ сущности, республиканскими учрежденіями. По основнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ самъ былъ республиканцемъ, но считалъ Францію недоросшой до такой формы правления. „Лафайета надо рассматривать какъ и истаго республиканца, говорить madame Сталь, и легко понять, поэтому, несогласіе въ иных минуты его дѣйствій съ его коренными убѣжденіями. Поддерживая монархію больше по разсудку, чѣмъ по симпатіямъ къ ней, онъ невольно оказывался ближе къ тѣмъ принципамъ, съ которыми принужденъ былъ вести борьбу, и въ дѣятельности его можно подмѣтить нѣкоторую слабость къ друзьямъ Республики, хотя разсудокъ и запрещалъ ему стать въ ряды защитниковъ этой системы“. Не таковъ былъ Мирабо: сторонникъ монархіи quand mѣme, онъ высказывалъ прямо свое обѣ этомъ предметѣ убѣжденія только тогда, когда это не вредило его популярности. Человѣкъ очень образованный и умный, онъ отлично понималъ складъ воззрѣній и характеръ Лафайета: то и другое кололо ему глаза, и онъ преслѣдовалъ маркиза своими облитыми ядомъ остротами. Рассказываютъ, что выведенныи изъ себя Лафайетъ, однажды, сказалъ Фрошо: „я не отступилъ передъ могуществомъ короля Англіи, передъ авторитетомъ короля Франціи, передъ яростью народа и ужъ, конечно, не отступлю передъ Мирабо“. Фразу эту Барду считаетъ несов-

мѣстной съ извѣстной скромностью Лафайета и потому недостовѣрной. Лафайета считали то Кромвелемъ, то Монкомъ, но въ поведеніи его не было рѣшительно ничего, что бы оправдывало такое мнѣніе. Онъ только и стремился къ тому, чтобы предотвратить самую возможность возникновенія военной диктатуры. Такъ, когда двадцать третьяго января 1790 года, по случаю представлениія имъ парижскому муниципалитету депутатовъ отъ національной гвардіи изъ Оверні, муниципалетъ этотъ задумалъ предложить объединеніе національныхъ гвардейцевъ всей Франціи, подъ командою одного вождя, подразумѣвая подъ нимъ, конечно, Лафайета, то онъ отвѣчалъ автору этого предложенія, Клоду Фоше, въ такихъ выраженіяхъ: „возвращите назадъ предложеніе, принятіе котораго поставило бы меня такъ wysoko. Не будемъ подавать примѣра для происковъ честолюбія. Что касается меня, то я выразилъ бы пожеланіе, чтобы никогда командованіе даже двумя отрядами національной гвардіи изъ разныхъ департаментовъ не было сосредоточиваемо въ однихъ рукахъ“.

Когда, два года спустя, было обнаружено содержаніе знаменитаго „желѣзного шкафа“ Людовика и обнародованы документы, бросившіе такую тѣнь на память Мирабо, тамъ не оказалось рѣшительно ничего, сколько нибудь компрометирующаго Лафайета, хотя онъ и вель съ королемъ конфиденціальную переписку: въ одномъ изъ своихъ писемъ къ королю, Лафайетъ убѣждалъ его принять и подписать всѣ выработанные Национальнымъ Собраниемъ конституціонные законы и пріурочить обнародованіе ихъ къ празднику федераціи 1790 года, значеніе котораго должно было, вслѣдствіе этого, сильно

увеличиться. О себѣ лично онъ писалъ, что лишь только конституціонныя работы будутъ закончены и Законодательное Собраніе смѣнить Конститюантъ, онъ сложитъ съ себя званіе начальника національной гвардіи и удалится въ частную жизнь. Его идеаломъ былъ постоянно Вашингтонъ. Когда Людовикъ двадцатого февраля принялъ, наконецъ, законы, которые залагали основы новаго гражданскаго строя, Лафайетъ писалъ ему: „Государь! Повергаю къ стопамъ Вашего Величества признательность искренняго сердца, которое умѣеть цѣнить доброту и отвѣтъть довѣріемъ на довѣріе. Будемъ вѣрить, Государь, что ваши благосклонныя намѣренія получать осуществленіе. Когда король и народъ будутъ составлять нераздѣльное цѣлое, какая сила въ состояніи противостоять имъ? Съ своей стороны клянусь Вашему Величеству въ вѣрности до послѣдней капли крови“.

Предложеніе Лафайета о несомнѣніи въ одномъ лицѣ правъ командованія двумя отрядами національной гвардіи двухъ разныхъ департаментовъ было принято и декретировано Национальнымъ Собраниемъ девятнадцатаго іюня 1790 года. Вечеромъ того же дня Лафайетъ энергически поддерживать предложеніе Ламбеля объ уничтоженіи сословныхъ различій и объ отменѣ „всѣхъ знаковъ сословнаго, чиновнаго и придворнаго отличія“. Съ этого дня онъ пересталъ называться маркизомъ.

Четырнадцатаго іюля на Марсовомъ полѣ было устроено празднованіе общефранцузской федерації. На этомъ празднествѣ Мирабо съ изумленiemъ удивлѣлъ, что Лафайетъ, предметъ восторженного обожанія массъ, „могъ все и не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки“. И дѣйствительно, всякая честолюбивая

мысль была чужда въ эту минуту человѣку, пріобрѣтшему такой нравственный авторитетъ. Его скорѣе можно упрекнуть въ легковѣріи, ибо онъ вѣрилъ, что на великомъ торжествѣ четырнадцатаго іюля весь французскій народъ проникся воззрѣніями Руссо, что нѣтъ никакой задней мысли у короля, нѣтъ ся и у служившаго мессу епископа-атеиста Талейрана... Впрочемъ, такой энтузіазмъ раздѣлялся тогда во Франції многими и многими...

Провозглашенный единодушно предсѣдателемъ събранія федератовъ, Лафайетъ обратился съ рѣчью и къ Конститюантѣ и къ королю. Первой онъ сказалъ: „да послужитъ торжество сегодняшняго великаго дня сигналомъ къ примиренію партій, къ забвенію распреи, къ миру и общественному спокойствію“, и затѣмъ, обращаясь къ королю, произнесъ: „французскіе національные гвардейцы клянутся Вашему Величеству въ повиновеніи, которое окончится только тамъ, гдѣ начинается повиновение закону“. Обратившись, наконецъ, къ избравшимъ его президентомъ федератовъ національнымъ гвардейцамъ, онъ сказалъ: „разстанемся съ сладкимъ чувствомъ, которое поселилъ сегодняшній день въ нашихъ сердцахъ и не забудемъ, что начатая великодушными порывами Революція, должна быть закончена въ духѣ справедливости и общественного блага“.

Этотъ день былъ зенитомъ славы и популярности Лафайета.

XIV.

Непосредственно за паденіемъ Бастиліи началась эмиграція французскаго дворянства за границу и

стали замѣтны происки главнѣйшихъ представителей его, графа д'Артуа, де Конде, де Конти, де Полиньяка и другихъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ державъ въ дѣла Франціи. Такой образъ дѣйствій французская знать не стыдилась называть „патріотическімъ“. Гнѣздомъ эмиграціи вскорѣ сдѣлался городъ Кобленцъ, откуда безпрестанно стали приходить въ Парижъ тревожныя вѣсти о замыслахъ эмигрантовъ и иностранцевъ. Все это, разумѣется, мало могло способствовать успокоенію умовъ. Отвращеніе къ старому режиму и ненависть къ желающимъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи иностранцамъ стали главнѣйшими чувствами парижанъ. „Австріячка“ сдѣлалась снова мишенью для нападеній во всѣхъ демократическихъ клубахъ и журналахъ, а на ряду съ тѣмъ идея Республики болѣе и болѣе начала проникать въ сознаніе парижанъ. Положеніе, которое занялъ при этихъ условіяхъ Лафайетъ ни въ какомъ случаѣ не могло служить не только къ упроченію его популярности, но, наоборотъ, грозило гибелью при всякомъ неосторожномъ шагѣ. Свято преданный новому гражданскому режиму Франціи, Лафайетъ постоянно требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ уваженія къ королевской фамиліи, какъ представительницѣ и носительницѣ законной власти. На этой почвѣ у него происходили безпрестанныя столкновенія съ членами размножившихся въ Парижѣ политическихъ клубовъ. Избавить Парижъ отъ владычества этихъ клубовъ и заставить всѣхъ уважать права королевской власти было задачею непосильною даже для Лафайета, тѣмъ болѣе, что, преслѣдуемый за это настойчиво членами клуба якобинцевъ, онъ встрѣчалъ по-

стоянное противодѣйствіе всѣмъ своимъ планамъ и со стороны роялистовъ съ Маріею Антуанетою во главѣ, неперестававшихъ смотрѣть на него, какъ на причину всѣхъ ихъ бѣдствій. Все это привело къ тому, что къ обычнымъ крикамъ: „да здравствуетъ Лафайетъ!“ скоро начали примѣшиваться и возгласы: „долой Лафайета!“ Однако, даже самые враги его говорятъ, что такая перемѣна обстоятельствъ никакъ не повліяла на его образъ дѣйствій, и мужественный начальникъ національной гвардіи остался тѣмъ же, чѣмъ былъ раньше. Только, однажды, разошедшись во взглядахъ съ Национальнымъ Собраниемъ по вопросу о свободѣ совѣсти, въ которомъ онъ придерживался мнѣнія о необходимости полнаго отдѣленія церкви отъ государства и протестуя противъ обязательности выработанной Собраниемъ формы присяги, Лафайетъ вторично подалъ отставку, но опять, какъ и въ первый разъ, упрощенный явившимися къ нему многочисленными депутаціями, взялъ свое прошеніе назадъ. Послѣ этого онъ явился въ Совѣтъ Парижской Коммуны и произнесъ рѣчъ, текстъ которой Коммуна постановила разослать во всѣ шестьдесятъ отрядовъ національной гвардіи. Въ рѣчи этой онъ призывалъ гражданъ къ повиновенію законамъ и уваженію къ властямъ, указывая, что, въ противномъ случаѣ, Парижъ, „колыбель Революціи“, сдѣлается очагомъ анархіи, которая снова приведетъ къ деспотизму или царству Террора. „Чтобы командовать національной гвардіей,— говорилъ Лафайетъ,— я долженъ быть убѣждѣнъ, что всѣ граждане уважаютъ новый режимъ, чemu доказательствомъ должно служить ихъ повиновеніе закону, единственному повелителю свободнаго на-

рода, и что свобода личности, неприкосновенность домашняго очага и свобода совѣсти, составляютъ принципы столь же священные для всѣхъ гражданъ безъ исключенія, какъ и для меня“. Получивши копію съ этой рѣчи, всѣ шестьдесятъ отрядовъ національной гвардіи, приняли рѣшеніе, что „всякій солдатъ-гражданинъ клянется своею честью повиноваться закону и что замѣченные въ неповиновеніи будутъ исключаемы изъ состава національной гвардіи“.

Вскорѣ, однако, новое событие взволновало Парижъ и востановило многихъ противъ Лафайета, давши въ руки его враговъ могучее оружіе для нападенія. То была сдѣланная двадцатаго іюня 1790 года Людовикомъ и всѣмъ каролевскимъ семействомъ попытка къ бѣгству. Отсутствіе короля въ Тюльри было замѣчено въ семь часовъ утра двадцать первого іюня королевскими слугами. Поднялось страшное волненіе. „Если бы король не былъ задержанъ, говоритъ Булье, Лафайетъ навѣрно бы былъ убитъ народомъ, который дѣлалъ его отвѣтственнымъ за это событие“. Это входило въ расчеты и самихъ бѣглецовъ: свидѣтельствомъ тому служить записка, посланная Маріею Антуанетою принцессѣ де Ламбаль и то удивленіе, которое обнаружила она послѣ своего задержанія, узнавши отъ одного изъ адъютантовъ Лафайета, что онъ не только живъ, но и продолжаетъ командовать національной гвардіей. Уведомленный о событии въ Тюльри депутатомъ д'Андре, Лафайетъ побѣжалъ во дворецъ. По дорогѣ къ немъ присоединились Байи и Богарне, очередной предсѣдатель въ этотъ день въ Конституантѣ. Оба они выражали опасеніе, что пока Собрание издастъ декретъ о задержаніи бѣглецовъ, они будутъ уже далеко отъ Парижа.

— Полагаете ли вы, что задержаніе короля и его семейства вызывается общественною необходимости и что это единственное теперь средство спасти отечество отъ междуусобной войны? — спросилъ Лафайетъ своихъ спутниковъ.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчали они.

— Въ такомъ случаѣ я беру всю отвѣтственность на себя и пишу приказъ о задержаніи.

И Лафайетъ написалъ воззваніе къ французскимъ гражданамъ, въ которомъ говорилъ, что „въ виду того, что враги отечества похитили короля и его семейство, предписывается всѣмъ национальнымъ гвардейцамъ и всѣмъ гражданамъ задержать бѣглецовъ“. Выйдя изъ Тюльри, Лафайетъ отправился одинъ въ l'Hôtel de Ville. Это было очень смѣло съ его стороны, ибо толпы разгнѣванного народа наполняли улицы и въ нѣсколькихъ мѣстахъ его осипали бранью и проклятіями. Никто не сомнѣвался, что Людовикъ бѣжалъ, чтобы соединиться съ эмигрантами и при помощи иностраннныхъ державъ начать войну противъ Франціи. Лафайетъ хладнокровно продолжалъ свой путь. Вдругъ, онъ увидѣлъ на Гревской площади командира шестого дивизіона дворцовой стражи герцога Омона въ рукахъ толпы, уже готовой его умертвить. Не колеблясь ни минуты и, несмотря на обращенные изъ толпы къ нему самому ругательства и угрозы, Лафайетъ бросается на помощь Омону и ему удается его спасти. Онъ прибѣгаetъ въ эту минуту даже къ остротамъ, на которыхъ такъ падки парижане при всякихъ обстоятельствахъ: „ну, чего вы жалуетесь,— обратился онъ къ толпѣ,—развѣ вы забыли, что всякий гражданинъ платить на содержаніе королевской фамиліи двадцать су; а теперь,

вѣдь, этѣ у каждого чистый барышъ". Къ тѣмъ же, кото^рые смотрѣли на дѣло серьезно, онъ обратился съ иными словами: „если вы называете это событие несчастьемъ, сказалъ онъ, то какъ назовете вы междуусобную войну, а потомъ и контръ-революцію, которая отнимаетъ у васъ свободу?" Нѣсколко успокоенная толпа разступилась, чтобы дать ему дорогу, и Лафайетъ, войдя сначала въ l'Hôtel de Ville, отправился затѣмъ въ Національное Собрание, которое было уже въ сборѣ и занималось вопросами о событии въ Тюльри. Одинъ изъ депутатовъ, нѣкто Ревбель, попробовалъ набросить тѣнь подозрѣнія на Лафайета, но подымается Барнавъ, который никогда не былъ въ числѣ друзей обвиняемаго, и произноситъ въ его защиту рѣчъ: „я останавливаю Ревбеля, сказалъ онъ: Лафайетъ съ самаго начала Революціи, и по взглядамъ и по образу дѣйствій, былъ примѣрнымъ гражданиномъ. Онъ заслужилъ довѣріе, которыемъ пользуется. Для націи важно, чтобы это довѣріе было за нимъ сохранено." Рѣчъ Барнава была покрыта аплодисментами. При извѣстіи объ опасностяхъ, которые угрожали Лафайету на улицахъ, Собрание послало особую депутацію для его охраны. Эта депутація застала его еще въ l'Hôtel de Ville'ѣ, но на предложеніе взять отрядъ для его охраны, Лафайетъ отвѣчалъ: „если хотите я назначу почетный эскортъ для депутаціи; что же касается менѣ, то чего же мнѣ бояться, вѣдь, улицы полны народа...," и онъ отправился въ Собрание одинъ въ формѣ генерала національной гвардіи, что, конечно, особенно кидалось въ глаза на улицахъ. При входѣ Лафайета въ залъ подымается депутатъ Камеръ и громко кричитъ: „здѣсь не

ЧИМЪ ВИ-

должно быть военной формы, мы не хотимъ щастье
дѣть здѣсь оружія". Друзья Лафайета защищаютъ
его и берутъ перевѣсъ надъ Комюсономъ и его наль-
къ Собранию съ нѣсколькими словами: „Націи по-
ному Собранию уже узвѣстно,—сказалъ онъ,— оивъ
пыткѣ, которую сдѣлали враги отечества, устрѣбъ
побѣгъ королю и его семейству. Подробности на,
этомъ дѣлѣ Собрание получить отъ г. Гувьонъ^а команда-
рия дворцовой стражи въ Тюльри. Съ сѣрѣ
же стороны, могу лишь прибавить, что оѣшо
этотъ, патріотическія взгляды котораго мнѣ хѣвен-
извѣстны, ни въ чёмъ неповиненъ, и отвѣтъ на
ность за событіе прошлой ночи должна ле обѣ-
меня одного.“ Послѣ Лафайета давалъ свое^оправ-
ясненія Гувьонъ, котораго Собрание вполнѣ^я Лада-
ло и затѣмъ, утвердивши текстъ воззванія^ю пе-
файета о задержаніи бѣглецовъ, постанови-
рейти къ очереднымъ дѣламъ.

Вечеромъ того же дня на бывшемъ въ якоби^и про-
клубѣ большомъ собраніи Жоржъ Дантонъ^и зѣчъ, но
изнесъ противъ Лафайета обвинительную рѣчи^и бы-
популярность начальника національной гвардии^и наш-
ла все еще такъ велика, что защитники его^{го} изъ-
лись въ самомъ клубѣ и въ качествѣ одно-

*) Знаменитый дѣятель французской революціи Жан^и ему по-
тоинъ родился въ 1759 и умеръ на гильотинѣ въ 1794 его слова,
настоящее время въ Парижѣ на бульварѣ St. Germi^и моментъ 10
ставленъ монументъ, на пьедесталѣ котораго выбитъ patrie, il nous
произнесенные передъ Собраниемъ въ историчесѣ de l'audace", а
августа 1792 года: „pour vaincre les ennemis de l'éducation c'est
faut de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace“ враговъ оте-
на другой сторонѣ его же слова: „apr s le pain“ ("Чтобы побѣдить"). „Послѣ хлѣба
le plus grand besoin du peuple.“ (величайшая потребность народа есть образованіе)

нихъ въ этотъ вечеръ говорилъ рѣчъ за Лафайета Александръ Ламеть **).

Двадцать четвертаго іюля король былъ узнанъ и задержанъ въ Вареннѣ, а декретомъ слѣдующаго дня дворцовая стража была замѣнена национальной гвардіей подъ личною отвѣтственностью за послѣдствія этого Лафайета. Какъ только Людовикъ прибылъ въ Тюльри, къ нему явился Лафайетъ и сказалъ: „Вашему Величеству извѣстна моя вамъ преданность, но вамъ должно быть также извѣстно, что, если дѣло короля и дѣло народа не будутъ составлять одного цѣлага, то я останусь на сторонѣ народа.

— Вы правы,—отвѣчалъ Людовикъ,—вы слѣдуете вашимъ принципамъ. Теперь я откровенно вамъ скажу вотъ что: до сихъ поръ меня окружали лишь люди вашего образа мыслей и за вихремъ ихъ мнѣній мнѣ не было возможности узнать мнѣніе Франціи; во время послѣдняго путешествія я убѣдился, что ваши мнѣнія тождественны съ мнѣніемъ всей страны.

— Не будетъ ли со стороны Вашего Величества какихъ нибудь мнѣній приказаний?

— Кажется, дѣло пошло на то, отвѣчалъ съ грустной улыбкой король, что мнѣ отъ васъ надо получать приказанія, а не отдавать вамъ ихъ.

Съ этого времени вопросъ о Республики стала болѣе и болѣе занимать умы. На одномъ изъ собраний у близкаго друга Лафайета, герцога Ларошфуко вопросъ этотъ былъ подвергнутъ серьезному обсужденію. Самъ Ларошфуко высказался за Республику, причемъ его горячо поддерживалъ

**) Три брата Ламета играли важную роль въ различныхъ событіяхъ Революціи.

Дюпонъ де Немуръ. Лафайетъ былъ противъ и высказывался за сохраненіе королевской власти. Это самое ему скоро пришлось сказать и въ Собраниі: родственникъ Лафайета Булье, успѣвшій скрыться за границу, спасаясь отъ суда по обвиненію въ „государственной измѣнѣ“ т. е. въ содѣйствіи къ побѣгу короля, прислать Собранию изъ Люксембурга письмо, въ которомъ выставлялъ Либайета главою республиканской партіи, желавшей низвергнуть королевскую власть во Франціи. Лафайетъ взошелъ на трибуну и сказалъ: „я получилъ копію съ письма г. Булье, въ которомъ онъ называетъ меня врагомъ установленной вами формы правленія. Я не буду возобновлять мою присягу, но заявляю, что я готовъ отдать всю свою кровь за сохраненіе этой формы правленія“. Вопросъ о Республике не разсматривался, но какъ быть? Передать ли корону герцогу Орлеанскому? Заставить ли Людовика отречься въ пользу его сына? Призвать ли кого нибудь изъ иностранныхъ принцевъ? Оставить ли все по старому? Всѣ эти вопросы страстно занимали Собрание. Барнавъ настоялъ на неразсматриваніи и вопроса объ отреченіи, также какъ и о Республике. Лафайетъ горячо его въ этомъ поддерживалъ. Но события шли своимъ чередомъ и Революція дѣлала свое дѣло, не спрашивая ни у кого указаній.

XV.

Иначе отозвались всѣ происшедшія события на улицахъ Парижа. Четырнадцатаго іюля, въ годовщину взятія Бастилии, Лаклосъ редактировалъ петицію, въ которой требовалось отрѣшенія Людо-

вика отъ престола. Эта петиція, подписанная словомъ „народъ“ была доставлена Собранию толпою въ четыре тысячи человѣкъ. По выслушаніи петиціи Собрание спокойно рѣшило перейти къ очереднымъ дѣламъ. Тогда, семнадцатаго іюля, еще большая толпа собралась съ тою же цѣлью на Марсовомъ Полѣ и составила петицію въ еще болѣе повелительныхъ выраженіяхъ. Эту петицію редактировалъ извѣстный Бриссо *). Во время составленія петиціи подъ „алтаремъ отечества“ **) спрятались двое солдатъ, не имѣвшихъ, какъ заявляли они, другой цѣли, кроме любопытства. Толпа приняла ихъ за шпіоновъ, они были умерещены, и надѣтыя на пики ихъ головы долго носили по улицамъ. На мѣсто происшествія прибылъ Лафайетъ съ отрядомъ национальныхъ гвардейцевъ, но толпа посторонила баррикады изъ поваленныхыхъ экипажей. Затѣмъ раздались выстрѣлы, направленные въ Лафайета. Извѣщенное объ этомъ Собрание потребовало Байи и приказало ему объявить городъ на военномъ положеніи. Красное знамя, сигналъ военного положенія, взвилось тотчасъ же на крыше l'Hôtel de Ville'я. Потомъ Байи прибылъ также на Марсово Полѣ и присоединился къ Лафайету. Лишь только толпа увидѣла ихъ вмѣстѣ, какъ послышались крики: „позоръ Байи! смерть Лафайету!“, и въ нихъ полетѣли комья грязи и цѣлый дождь камней. Раздались и выстрѣлы которыми былъ раненъ одинъ драгунъ. Байи пробовалъ уговорить толпу, но ему отвѣчали свистками. Тогда, обратившись къ Лафайету, онъ предложилъ ему приступить къ своимъ обязанностямъ.

*) Глава жирондистовъ, казненный въ 1793 году.

**) Сооруженіе, воздвигнутое во время праздника федератовъ.

Уговоры Лафайета также не привели ни къ чему. Остался безрезультатнымъ и залпъ холостыми зарядами. Только, испробовавши всѣ средства, Лафайетъ приказалъ, наконецъ, стрѣлять. Раздался залпъ, результатомъ которого оказалось двѣнадцать убитыхъ и одиннадцать раненыхъ. Толпа разсѣялась.

На слѣдующій день Байи явился въ Национальное Собраніе и доложилъ о происшествіяхъ семнадцатаго іюня. Собраніе почти единогласно постановило выразить Байи и национальнымъ гвардейцамъ благодарность. Но не такъ отнеслись къ этому клубы: ихъ газеты не иначе называли день семнадцатаго іюля, какъ „днемъ убийствъ на Марсовомъ Полѣ“. Феронъ писалъ: „нечего ссытаться вамъ, Байи и вамъ, измѣнникъ Лафайетъ, на законы военного времени! Нѣтъ, нѣтъ, ничто не смоетъ съ васъ испогладимаго пятна крови вашихъ братьевъ, которая запеклась на вашихъ мундирахъ. Она проникнетъ до вашихъ сердецъ. Это медленный ядъ, который отравитъ васъ!“ Дѣло дошло до того, что, однажды, ночью толпа напала въ отсутствіи Лафайета на его домъ съ намѣреніемъ убить его жену и поднести ея голову „генералу“. Толпа начала уже вламываться въ домъ, когда подспѣвшая кавалерія заставила ее разсѣяться.

Межу тѣмъ, только три мѣсяца оставалось до распущенія Конститюанты и замѣны ея Законодательнымъ Собраниемъ. Третьаго сентября выработанные конституціонные акты были торжественно посланы Людовику. „Все предвѣщаетъ, что окончаніе конституціи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ Революціи“, написано замѣтиль, ходившій въ числѣ депутатовъ къ Людовику, Турэ. Тринадцатаго сентября Людовикъ увѣдомилъ Собраніе о

своемъ принятіи конституціи въ такихъ выраженіяхъ: „желанія народа проявились теперь предомною съ несомнѣнною ясностью. Я принимаю конституцію при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. Забудемъ же все прошлое“..., и Людовикъ предложилъ Собранію объявить всеобщую амнистію по политическимъ дѣламъ. Это предложеніе было принято Собраніемъ единодушно, хотя у всѣхъ партій было на эти разлічныя соображенія: лѣвая была довольна прекращеніемъ начатаго слѣдствія о бунтѣ на Марсовомъ Полѣ; другія—свободѣ значительного количества лицъ, арестованныхъ по разнымъ поводамъ въ департаментахъ. На слѣдующій день король лично явился въ Собраніе и принялъ присягу на вѣрность конституціи, а восемьнадцатаго сентября было устроено торжественное празднованіе провозглашенія конституціи. Празднованіе это носило почти религіозный характеръ. Наконецъ, тридцатаго сентября король снова появился въ Собраніи для его закрытія. „Государь, сказалъ предсѣдатель Собранія Тарже, принимая конституцію, вы закончили Революцію“. Но какъ бы ироническими отвѣтомъ на эти слова была маленькая сценка, случившаяся въ тотъ же день: толпа вырвала лошадей изъ экипажа Робеспьера *), увѣн-

*) Максимилиянъ Робеспьеръ, одна изъ самыхъ центральныхъ личностей Революціи, родился въ Аррасѣ въ 1758 году и занимался въ своемъ родномъ городѣ юриспруденціей. Выдвинутый волнами Революціи на политическую арену, онъ сдѣлался особенно известнымъ въ эпоху Террора, въ качествѣ не столько члена Конвента, сколько дѣятеля Комитета Общественного Спасенія. Его власть въ это время была очень близка къ диктатурѣ. Онъ палъ 9 термидора (27 июля 1794 г.) вмѣстѣ съ своими ближайшими друзьями и единомышленниками Сенъ-Жюстомъ, Кутономъ и другими. Всѣ они сложили головы на гильотинѣ на слѣдующій же день послѣ паденія ихъ власти.

чала чело знаменитаго революціонера вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ и повезла его по улицамъ Парижа...

Однимъ изъ послѣднихъ постановленій Конституанты было запрещеніе всѣмъ своимъ членамъ быть избираемыми въ ближайшее Законодательное Собраніе. Считая, повидимому, Революцію тоже оконченной, Лафайетъ окончательно подалъ въ отставку. Въ своемъ прощальномъ письмѣ къ національной гвардіи онъ писалъ такія строки: „Свобода будетъ упрочена только въ такомъ случаѣ, если политическія убѣждения и въ особенности свобода печати не будутъ служить поводомъ для преслѣдованій, если религіозная нетерпимость, какимъ бы патріотическимъ плащемъ она не прикрывалась, не создастъ господствующаго или гонимаго культа, если жилище каждого гражданина будетъ неприкосновенно болѣе чѣмъ самая неприступная крѣпость, если, наконецъ, всѣ французы будутъ столь же солидарны въ сохраненіи гражданской свободы, какъ и въ религіозномъ почитаніи закона“. Принявши отставку Лафайета, парижскій муниципалитетъ вотировалъ выдать ему въ качествѣ награды мрамарную статую Вашингтона. Национальная гвардія, съ своей стороны, поднесла ему шпагу, выкованную изъ желѣзныхъ частей отъ Бастиліи. Этотъ подарокъ былъ переданъ Лафайету особой депутаціей уже въ то время, когда онъ находился въ своемъ родовомъ замкѣ въ Оверни. Принимая депутацію, Лафайетъ сказалъ ей: „я принимаю васъ въ домѣ, въ которомъ родился. Я выйду изъ него только для защиты или упроченія гражданской свободы, если она подвергнется опасности“.

Madame Лафайетъ оставила Парижъ съ радостью.

Путешествіе этой четы до Оверни было тріумфальнымъ: привѣтствія, знаки расположенія и почетные дары встрѣчали ихъ почти въ каждомъ городѣ, черезъ который они проѣзжали. Наконецъ, они прибыли въ Шаваньякъ, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединилась герцогиня д'Эйенъ и виконтесса де Ноай. Желанію Лафайета не выѣзжать изъ Шаваньяка безъ крайней необходимости не пришлось осуществиться. Часть парижанъ потребовала назначенія его меромъ Парижа. Клубы выставили на ту же должность своего кандидата Петіона. На сторону послѣдняго стала и Марія Антуанета. „Лафайетъ,—сказала она, будеть меромъ города только для того, чтобы потомъ сдѣлаться и „меромъ дворца“. Петіонъ якобинецъ, но это дурень, неспособный стать главою партіи. Это будеть ничтожнѣйшій меръ и возможно даже, что, узнавши объ участіи, которое мы принимаемъ въ его избраніи, онъ перейдетъ на сторону короля“. Въ чемъ—въ чемъ, а въ послѣднемъ предположеніи Маріи Антуанетѣ, пришлось горько ошибиться, ибо Петіонъ игралъ черезъ нѣсколко времени не послѣднюю роль при сооруженіи для нея эшафота... На выборахъ Петіонъ получилъ на три тысячи шаровъ больше чѣмъ Лафайетъ и сдѣлался черезъ это парижскимъ меромъ. Однако, это не избавило Лафайета отъ новаго выступленія на политическую арену. Интриги эмигрантовъ давно привлекали вниманіе парижанъ и возбуждали въ клубахъ сильное негодованіе. Необходимость приготовиться къ отраженію возможнаго нашествія на Францію подстрекаемыхъ эмигрантами иностранцевъ стало до того очевидно, что четырнадцатого декабря 1791 года военный министръ Нарбонъ отдалъ приказъ о сфор-

мированіи трехъ армій въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. „Отечество желало бы видѣть въ главѣ этихъ армій,—сказалъ Нарбонъ въ Законодательномъ Собрани,—Рошамбо, Люкнера и Лафайета“. Зала собранія огласилось при этихъ словахъ взрывомъ рукоплесканій. На назначеніе Лафайета Людовикъ сначала не соглашался. „Если Ваше Величество отклоните это назначеніе сегодня, — сказалъ Нарбонъ,—голосъ націи заставитъ васъ это сдѣлать завтра“. Король уступилъ и въ декабрѣ Лафайетъ выѣхалъ изъ Шаваньяка, чтобы принять должность.

Онъ увидѣлъ снова свой родной домъ только черезъ четырнадцать лѣтъ...

XVI.

Самою вліятельною группою въ Законодательномъ Собрани были жирондисты; изъ ихъ среди особенно выдѣлились въ это время Бриссо, Сійэстъ и Роланъ. Бриссо, редактировавшій уже раньше народную петицію объ отрѣшеніи Людовика отъ престола, явился въ Собрание однимъ изъ представителей республиканскихъ принциповъ. Аббатъ Жозефъ, Сійэстъ, извѣстный своимъ знаменитымъ политическими памфлетомъ „Qu'est ce que le tiers-état?“*)—былъ практикомъ, дѣльцомъ, группы жирондистовъ, состоявшей поголовно изъ умныхъ, честныхъ и образованныхъ людей, но мечтателей-оптимистовъ, беззавѣтно вѣрившихъ въ силу идей. Душою кружка былъ Роланъ или, вѣрище, его жена Марія Іанна Роланъ, за годъ только передъ тѣмъ пріѣхавшая въ Парижъ и съ увлечениемъ бросившаяся въ волны революціи. Эта, по выраженіе Мишле, „королева жиронды“ была воспитана на идеалахъ

*) Что такое третье сословіе?

древнихъ республикъ и мечтала о спартанской строгости нравовъ, римскихъ доблестяхъ и плутарховыхъ герояхъ. Революція представлялась ей не задачею только французского народа, а дѣломъ мировымъ и потому Революція эта должна была заключать, по мнѣнію Роланъ, въ нѣдрахъ своихъ тенденцію къ прозелтизму. Отсюда являлась логическимъ выводомъ необходимости войны со всѣми „европейскими тиранами“. Само собою разумѣется, что не изъ мечтаній „королевы жиронды“ вышли дѣйствительныя войны Франціи почти со всею Европою; ихъ подсказали болѣе реальнаяя причины, но въ рассматриваемый моментъ именно этого рода мысли бродили въ головахъ жирондистовъ.

Когда Лафайетъ появился снова въ Парижѣ, онъ не засталъ тамъ Нарбона, отправившагося осматривать границы, и потому уѣхалъ въ Мецъ. Оттуда онъ написалъ Вашингтону такое письмо: „когда я увидѣлъ, что наша свобода и наша конституція подвергаются серьезнѣй опасности со стороны иностранцевъ и что снова приходится сражаться за наше дѣло, я подчинился требованію моихъ согражданъ, прїѣхаль въ Парижъ и оттуда въ Мецъ. Наше регулярное войско далеко отъ совершенства, но волонтеры хороши. Офицеры и унтеръ-офицеры въ общемъ настроены патріотически, но мало дисциплинированы. Чувствуется недостатокъ въ штабныхъ офицерахъ. Я пытаюсь (и я единственный, который, опираясь на свою популярность, еще можетъ дѣлать это) установить строгую дисциплину, не взирая на крики якобинцевъ, и надѣюсь, что все пойдетъ хорошо“.

Въ Парижѣ думали занять Нидерланды и возмутить ихъ. Рошамбо предложилъ возложить это по-

рученіе на Лафайета, „который, разъ дѣло идетъ о какой нибудь революціи, сумѣеть выполнить его лучше, чѣмъ кто нибудь“. Въ якобинскомъ клубѣ продолжались, тѣмъ не менѣе, самыя страстныя нападки на Лафайета. Въ одномъ изъ бурныхъ засѣданій этого клуба подъ предсѣдательствомъ Дантона, Робеспьеръ, почти личный врагъ Бриссо, Гюаде и другихъ жирондистовъ, обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „я согласенъ забыть оскорбления, которыя вы нанесли мнѣ, но съ однімъ условіемъ: помогите мнѣ уничтожить партіи столь, вредныя для нашей страны и въ особенности партію Лафайета, этого эфемернаго героя двухъ полушарій, который, участвовалъ въ Революціи Америки, но теперь только и дѣлаетъ, что тормозитъ Революцію въ Европѣ. Развѣ вы не согласитесь со мною, Бриссо, что этотъ военный начальникъ былъ палачемъ и убійцей народа и что убійства на Мартсовомъ Полѣ отодвинули Революцію на двадцать лѣтъ назадъ? Менѣ ли опасенъ этотъ человѣкъ теперь, когда онъ находится во главѣ арміи? Попспѣшимъ же! пусть боятся заговорщики мечи закона! Извѣстія, которыя приходятъ изъ арміи, самаго мрачнаго свойства: Лафайетъ и тамъ уже сѣть съмена раздора между регулярною арміею и національною гвардіей“...

Это было уже похоже на желаніе отправить Лафайета на гильотину, но онъ не обращалъ вниманія на опасность и твердо стоялъ на своемъ. Лишь только Австріи была объявлена война, Лафайетъ обратился къ войску съ прокламаціей, которая касалась столько же войска, сколько и всѣхъ гражданъ. „Вынесши убѣжденіе изъ опыта всей моей, посвященной дѣлу свободы, жизни, писалъ онъ, что

свобода прочна только среди такихъ гражданъ, которые умѣютъ свято чтить законъ и защищать его сплами дисциплинированныхъ армій, я служу народу, но не хочу ему льстить; въ моей постоянной борьбѣ съ своеволіемъ и анархіей, я заслужилъ почетную ненависть всѣхъ честолюбцевъ и мятежныхъ партій. И вотъ, я снова объявляю, что не въ гибельномъ снисхожденіи, но въ созданіи непоколебимой дисциплины вижу я исполненіе своихъ обязанностей передъ отечествомъ. Солдаты конституції,—не думайте, что она перестанетъ надзирать за вами потому только, что вы сражаетесь за нее! Безъ сомнѣнія Законодательное Собраніе и король сплотятся въ настоящій рѣшительный моментъ еще болѣе, чтобы утвердить царство закона. Личность и собственность станутъ неприкосновенны, гражданская и религіозная свобода не будутъ профанированы. Всѣ партіи мятежа будутъ разсѣяны и господство будетъ принадлежать только конституції, которая побѣдить и тѣхъ, кто дѣйствуетъ противъ нея открытою силою и тѣхъ измѣнниковъ, которые, предаваясь своимъ гнуснымъ страстямъ, повидимому, поклялись дискредитировать ее внутри и внѣ страны. Да, мы достигнемъ этого цѣною нашихъ трудовъ и нашей крови, засвидѣтельствуемъ это и передъ гражданами, избранными народа, клявшимися хранить свято конституцію и передъ наслѣдственнымъ представителемъ ея, королемъ гражданиномъ, тронъ котораго незыблемо упрочила эта конституція. Мы, военные, которымъ вручена защита свободы и Декларації Правъ, двинемся впередъ на врага“.

Эта прокламація, конечно, еще болѣе вооружила противъ Лафайета и жирондистовъ и якобинцевъ. Жирондисты представляли собою не болѣе какъ

группу, вліяніе же якобинцевъ ежедневно росло. „Якобинцы теперь настолько могущественны, что никто не рѣшается открыто нападать на нихъ“, сказалъ, однажды, Лафайетъ. Само Законодательное Собраніе съ каждымъ днемъ подчинялось все болѣе и болѣе вліянію этого знаменитаго клуба. При такихъ условіяхъ Лафайетъ рѣшился еще на одно смѣлое дѣло: ему казалось, что необходимо дать только примѣръ, чтобы ободрить нерѣшительное большинство Собранія и сгруппировать подъ знаменемъ борьбы противъ узурпациіи клубами государственной власти всѣхъ гражданъ, оставшихся вѣнными конституціі. И вотъ, шестнадцатаго іюня 1792 года онъ обратился къ Собранію съ слѣдующимъ официальнымъ письмомъ:

„Настаивая, господа, на томъ, что Собраніе должно стоять на стражѣ закона, коимъ осуществляется идея правъ человѣка, я считаю своею обязанностью указать вамъ на тѣ козни, которыяпущены въ ходъ, чтобы сбить васъ съ прямого пути, т. е. съ той дороги, слѣдовать по которой вы дали присягу.

„Ничто не помѣшаетъ мнѣ воспользоваться моимъ правомъ свободнаго человѣка и исполнить мою обязанность, какъ гражданина.

„Вы находитесь въ трудныхъ обстоятельствахъ. Франціи угрожаютъ и виѣшніе и внутренніе враги. Въ то время, когда иностранные дворы грозятъ намъ уничтоженiemъ нашего народнаго суверенитета и считаютъ насть врагами Франціи, враги внутренніе, въ опьяненіи гордости и честолюбія, пускаютъ въ ходъ химерическая надежды, ради которыхъ не стѣсняются рѣшительно ничѣмъ...

„Можете ли вы не согласиться со мною, что

причиною всѣхъ беспорядковъ является нѣкая партія..., но я не хочу неопределенныхъ выражений и прямо называю ее по имени: это партія якобинцевъ. Ее обвиняю я во всеуслышаніе. Организованная какъ государство въ государствѣ и управляемая нѣсколькими честолюбцами, которымъ она слѣпо повинуется, эта партія составила какую то секту, отличную отъ всего французского народа, и повсемѣстно узурпировала власть. На собраніяхъ этой секты преданность закону называется „аристократизмомъ“, а собственныя ихъ преступленія „патріотизмомъ“. У нихъ убійцы Дезиля встрѣчены съ триумфомъ и преступленія Журдана нашли своихъ панегристовъ. У нихъ разсказы объ убійствахъ въ Мецѣ, опозорившихъ этотъ городъ, привѣтствуются самыми адскими кликами восторга. Неужели должны они избѣжать за все это упрековъ только потому, что они названы въ манифестѣ непріятельской армі? *) Или имя ихъ стало священно оттого, что его произнесъ Леопольдъ? Неужели мы, принужденные сражаться съ иностранцами, мѣшающими въ наши дѣла, не обязаны освободить наше отечество отъ внутренней тираніи? Еще разъ, — указываю вамъ на эту секту!

„Необходимо, чтобы граждане, сомкнувшись вокругъ конституціи, были уверены, что гарантируемые ею права охраняются съ почтеніемъ и что конституція есть гроза всѣхъ враговъ явныхъ и

*) Въ манифестѣ герцога Брауншвейгскаго было сказано, что король прусский и императоръ австрійскій идутъ на Францію, съ цѣлью возстановить внутри ея порядокъ и подавить безнадежное партій, особенно якобинской. Манифестъ требовалъ покорности Людовику, подъ угрозою превратить въ развалины Парижъ и депенировать его жителей. „Aux grands maux les grands remèdes“, (клиномъ надо вышибать) сказалъ при составленіи манифеста графъ д'Артуа.

тайныхъ. Сдѣлайте же такъ, чтобы уголовная юстиція пошла своимъ полнымъ ходомъ, чтобы гражданское равенство и религіозная свобода утвердились на истинныхъ основаніяхъ, чтобы королевская власть была неприкосновенна, потому что неприкосновенность эта гарантирована ей конституціей, чтобы король былъ почитаемъ, потому что онъ поставленъ на этотъ постъ большинствомъ народа, наконецъ, чтобы царство клубовъ было уничтожено и замѣнено царствомъ закона и вместо узурпаторовъ установлены твердыя и независимыя конституціонныя власти“.

Надо вспомнить положеніе, въ которомъ находилась тогда Франція и принять во вниманіе всемогущество якобинцевъ, чтобы оцѣнить все мужество автора этого письма, весь его классической характеръ. Вѣдь это былъ уже канунъ грозного девяносто третьяго года съ его царствомъ Террора и не имѣвшимъ себѣ подобія въ исторіи Комитетомъ Общественного Спасенія! Письмо Лафайета, не смотря на гиѣвъ якобинцевъ, произвело сильное впечатлѣніе на Законодательное Собраніе. Умѣренная партія потребовала, чтобы оно было напечатано и разослано во всѣ департаменты. Жирондисты старались затормозить это дѣло, подъ предлогомъ необходимости удостовѣриться въ подлинности письма, но Гюаде пошелъ дальше и произнесъ имя Кромвеля. Письмо было передано для удостовѣренія въ его подлинности въ особую комиссию. Необходимо замѣтить, что въ это время манифестъ герцога Брауншвейгскаго только еще болѣе разжегъ страсти, а поведеніе короля и въ особенности Маріи Антуанеты, способно было вывести изъ себя и не такихъ воспріимчивыхъ людей, какъ парижане.

Около этого времени былъ изданъ законъ о мятежныхъ священникахъ, который Людовикъ не только не соглашался утвердить, но и писалъ иностраннымъ дворамъ, что „принятіе имъ конституціи не защитило его отъ притязаній партій и что онъ видѣть свое спасеніе только въ скоромъ открытии европейскаго Конгресса“. Когда появился манифестъ герцога Брауншвейгскаго, то въ придворныхъ кругахъ его читали съ восторгомъ, а съ усть Маріи Антуанеты не сходили слова: „надо подождать пока въ Парижъ не вступятъ пруссаки“. Все это привело къ тому, что двадцатаго іюля при п'єнії саїга толпа произвела нападеніе на Тюльри и потребовала отъ Людовика утвержденія нѣкоторыхъ декретовъ, которымъ онъ отказывалъ въ своемъ согласіи. Якобинцы торжествовали. Извѣстіе о такомъ какъ бы отвѣтѣ на свое письмо Лафайетъ получилъ въ лагерѣ подъ Бовэ. Тогда, отправивши своего адъютанта Бюро де Пюзи къ Люкнеру съ извѣщеніемъ о своихъ планахъ относительно австрійцевъ, Лафайетъ вмѣстѣ съ тѣмъ уведомлялъ его о своемъ намѣреніи сдѣлать еще одну попытку обузданія якобинцевъ, по смѣлости превосходящую всѣ прежнія. Онъ рѣшилъѣхать въ Парижъ самъ и поручилъ де Пюзи сообщить и обѣ этомъ Люкнеру. Люкнеръ не одобрилъ этого намѣренія, сказавши, что „санкюлоты навѣрно отрубятъ Лафайету голову“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выставилъ и никакихъ препятствій къ его поѣздкѣ, могущихъ встрѣтиться съ чисто военной точки зрѣнія. Отправляясь въ Парижъ вдвоемъ только съ своимъ адъютантомъ Кальбомъ, Лафайетъ сказалъ: „я вступлю съ мятежниками въ борьбу на жизнь и смерть и надѣюсь скоро ее окончить“. Проѣзжая черезъ Суассонъ,

онъ былъ торжественно встрѣченъ депутаціей отъ города, которая просила его оставить свое намѣреніе и представляла ему всѣ послѣдствія его шага. Лафайетъ остался непреклоненъ и двадцать восьмого іюня прибылъ въ Парижъ и остановился у своего друга Рошоффуко, раздѣлявшаго всегда тѣ же принципы и ни минуты не задумавшагося оказать ему весьма опасное при такихъ обстоятельствахъ гостепріимство.

XVII.

Въ тотъ же день Лафайетъ явился въ Законодательное Собраніе, попросилъ у предсѣдателя слово и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Прежде всего я долженъ сказать вамъ, господа, что мѣры, принятые мною по соглашенію съ маршаломъ Люкнеромъ, предотвращаютъ всякую возможность дурныхъ послѣдствій моего отсутствія въ Дѣйствующей Арміи.

„А теперь перехожу прямо къ тѣмъ причинамъ, которыхъ привели меня сюда: мнѣ сказали, что мое письмо отъ шестнадцатаго іюня было заподозрѣно въ подлинности; мнѣ поставили въ вину то обстоятельство, что я написалъ его изъ военнаго лагеря.

„Но есть причина еще болѣе важная для моего пребыванія здѣсь: нападеніе на Тюльри двадцатаго іюня наполнило негодованіемъ сердца всѣхъ добрыхъ гражданъ и произвело особенно сильное впечатлѣніе на армію. Я постарался остановить составленіе адресовъ, которыхъ армія хотѣла послать вамъ и, вотъ, я явился одинъ выразителемъ ея чувствъ.

„Господа, я говорю вамъ, какъ гражданинъ и,

върьте мнѣ, что мнѣніе мое въ этомъ случаѣ раздѣляютъ всѣ французы, любящіе отечество, его свободу, его спокойствіе и данные имъ законы. Настало время гарантировать конституцію отъ попытокъ ее ниспревергнуть, утвердить свободу Собрания, свободу короля, его независимость и его достоинство; настало время разрушить вмѣстѣ съ тѣмъ и надежды дурныхъ гражданъ, которые ждутъ только появленія иностранныхъ войскъ для того, чтобы "установить такъ называемое „общественное спокойствіе“, т. е. такой порядокъ, который представляется въ глазахъ всѣхъ свободныхъ людей самимъ позорнымъ и нестерпимымъ рабствомъ".

Затѣмъ Лафайетъ умолялъ Собраніе начать преслѣдованіе противъ мятежниковъ двадцатаго іюня и требовалъ уничтоженія якобинского клуба, который „взялъ верхъ надъ народнымъ суверенитетомъ и тиранитъ гражданъ“. Дебаты на засѣданіяхъ этого клуба, продолжалъ Лафайетъ, „не оставляютъ никакого сомнѣнія въ свирѣпости его вождей“, и въ заключеніе просилъ принять мѣры для надлежащаго почитанія конституціи, „въ то время, когда храбрые французы проливаютъ свою кровь для защиты отечества отъ враговъ“.

Бывшіе на этомъ засѣданіи жирондисты подняли брошенную перчатку. Первымъ отвѣчалъ Лафайету Гюаде, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Жиронды. „Развѣ непріятельская армія уже разбита?—прони-
чески спрашивалъ онъ. Нѣтъ, все осталось по старому и, однако, мы видимъ генерала одной изъ нашихъ армій въ Парижѣ!.. Какія же неотложныя дѣла привели его сюда? Наши внутренніе раздоры? Но я заявляю, что господинъ Лафайетъ самъ нарушає защищаемую имъ конституцію, если онъ

позволяетъ себѣ являться въ Законодательное Собрание отъ имени всѣхъ честныхъ людей Франціи, отъ которыхъ онъ не получилъ никакихъ полномочій". Затѣмъ ораторъ требовалъ послать запросъ военному министру, дабы узнать, вызывалъ ли онъ Лафайета въ Парижъ по какому нибудь важному дѣлу или давалъ ли онъ ему отпускъ и закончилъ предложеніемъ послать въ Дѣйствующую Армію декретъ, запрещающій генераламъ появляться въ Законодательное Собрание съ петиціями. Защиту Лафайета принялъ на себя депутатъ Рамондъ.—

„Здѣсь ставятъ вопросъ, кто уполномочилъ Лафайета являться сюда выразителемъ желаній всѣхъ честныхъ людей королевства, — сказалъ онъ. Я спрошу въ свою очередь, кто возложилъ порученіе двадцатаго іюня на толпу явиться къ королю отъ имени цѣлой націи, отъ имени цѣлаго народа, повелителя своихъ судебъ? Отсюда видно, что существуютъ двѣ точки зрењія, съ которыхъ можно смотрѣть на одни и тѣ же вещи, и вотъ почему да будетъ позволено Законодательному Собранию, наслѣднику Собрания Учредительнаго, на которое столько разъ клеветали даже съ этой трибуны, принять предложенія, исходящія отъ старшаго сына французской Революціи". И Рамондъ требовалъ, чтобы петиція Лафайета была отослана въ особый „чрезвычайный комитетъ“, но чтобы дебаты по существу ея были начаты немедленно. Эти противоположныя заявленія двухъ ораторовъ вызвали бурныя сцены и засѣданіе было закрыто, послѣ чего Лафайетъ отправился къ королю. Во время этого визита принцеса Елизавета настаивала на необходимости забыть все старое и отдаваться подъ покровительство единственнаго человѣка, который

могъ еще спасти королевское семейство, но неожиданно поднялась Марія Антуанета и заявила, что „лучше погибнуть, чѣмъ быть спасеннымъ ЛаФайетомъ и конституціоналистами“, и,—странныя вещь,—ослѣпленная ненавистью къ ЛаФайету она собственноручно разрушила планъ, направленный къ спасенію королевской династіи. ЛаФайетъ, рискуя не только своею популярностью, но и жизнью, предложилъ королю устроить на слѣдующій день смотръ національной гвардіи, на которомъ будетъ находиться въ королевской свитѣ и онъ, и затѣмъ, по отъѣздѣ короля, онъ, ЛаФайетъ, обратится къ національной гвардіи съ рѣчью о необходимости защиты конституціи противъ якобинцевъ. Объ этомъ планѣ Марія Антуанета увѣдомила въ ту же ночь парижского мера якобинца Петіона, и тотъ постарался, чтобы смотръ не состоялся.

При такихъ обстоятельствахъ ЛаФайету нечего не оставалось большие дѣлать, какъ вернуться въ армію, что онъ и исполнилъ тридцатаго іюня, но, желая выполнить до конца свои гражданскія обязанности, онъ послалъ передъ отѣѣздомъ еще одно письмо въ Законодательное Собраніе. „Возвращаясь на тотъ постъ, на которомъ храбрые солдаты рѣшились умереть за конституцію и только за конституцію, писалъ онъ, я горько сожалѣю, что не могу сообщить арміи ничего хорошаго о судьбѣ моей петиціи. Общій вопль всѣхъ добрыхъ гражданъ доносится ежедневно до слуха всѣхъ представителей народа; вопль этотъ указываетъ на существованіе, рядомъ съ народными избранниками, рядомъ съ королемъ, шайки, пытающейся низвергнуть всѣ законныя власти, возбуждающей къ междуусобной войнѣ, дискредитирующей дѣло свободы и

отталкивающей отъ него многихъ защитниковъ. Шайка эта, оскорбляющая націю, безнаказанно совершающая преступленія, возбуждастъ справедливыя опасенія всѣхъ французовъ, поселяетъ всеобщую тревогу, заставляетъ опасаться гибели нашей свободы, нашихъ законовъ, нашей чести. Господа, именно таково теперь положеніе вещей, и на это не перестанутъ указывать вамъ всѣ свободные и великолѣпные люди. Я исповѣдую правило, что всякая незаконная власть есть по существу своему насилие, и сопротивленіе такой власти обязательно для гражданъ. Поэтому, я никогда не измѣню ни моимъ принципамъ, ни моимъ чувствамъ, ни способу ихъ выраженія“.

Мысль объ упроченіи конституціи сильно занимала Лафайета въ это время, но, думая объ освобожденіи страны отъ якобинцевъ, онъ и тутъ оставался столь же безупречнымъ, столь же чуждымъ честолюбія, какъ всегда. Сохранился любопытный отвѣтъ Лафайета на письмо, оставшагося въ Парижѣ его адъютанта Лакомба. Въ письмѣ этомъ Лакомбъ извѣщалъ его о положеніи дѣлъ и предлагалъ какой то планъ дѣйствій. „Предлагаемыя вами дѣйствія относительно короля,—писалъ ему въ отвѣтъ Лафайетъ, мнѣ очень нравятся, но заявляю вамъ, что защиту дѣла свободы я не ввѣрю единолично ни ему ни никому другому. Въ случаѣ нарушенія имъ суверенитета народа, я буду бороться съ нимъ, какъ боролся въ 1789 году. Если же онъ будетъ уважать народное представительство, если онъ, дѣйствительно, хочетъ упрочить въ странѣ конституцію, оставляя за собою лишь предоставленную ему закономъ власть, тогда мы можемъ говорить съ нимъ, да и то я сдѣлаю

это неиначе, какъ съ Деклараціей Правъ въ рукахъ“.

Жирондисты и якобинцы продолжали дѣйствовать за одно противъ Лафайета. „Этотъ человѣкъ сбросилъ маску, говорилъ о Лафайетѣ въ якобинскомъ клубѣ Бриссо; онъ мѣтить высоко, но эта дерзость его погубитъ, да, что я говорю, она его уже погубила“. „Соединимся и нападемъ на Лафайета общими силами“, говорилъ Робеспьеръ, и онъ вмѣстѣ съ Дантономъ составилъ петицію, къ которой они требовали примѣрнаго наказанія генерала, оставившаго вѣренную ему армію. Толпа бросилась къ дому Лафайета и сожгла посаженное тамъ дерево свободы. Въ самое Законодательное Собраніе постоянно врывались толпы народа и требовали обвинительного рѣшенія по дѣлу Лафайета. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что жирондисты стали обвинять Лафайета, а съ нимъ и маршала Люкнера, въ намѣреніи идти на Парижъ во главѣ двухъ армій. На посланный по этому поводу запросъ Лафайетъ приспалъ такой отвѣтъ изъ лагеря при Лонгви: „меня спрашиваютъ, предлагалъ ли я г. маршалу Люкнеру идти во главѣ нашихъ армій на Парижъ? Отвѣчаю двумя словами:— это неправда“. Обвиненіе было отвергнуто большинствомъ 406 голосовъ противъ 224. Гнѣвъ якобинцевъ дошелъ до высшей степени. Защитниковъ Лафайета въ Собраниі освистывали, оскорбляли, всячески преслѣдовали. Въ это именно время, болѣе чѣмъ когда нибудь, обнаружился замѣчательный характеръ Лафайета. Сдѣлай онъ попытку къ установленію своей диктатуры и она, безъ сомнѣнія, увѣнчалась бы успѣхомъ. Но преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, рискуя постоянно жизнью, онъ не

предпринялъ рѣшительно ничего въ этомъ направлениі. И ужъ, конечно, не отъ недостатка смѣлости зависѣлъ его образъ дѣйствій. Нѣтъ, вѣрность принципамъ 1789 года не покидала его никогда, не покинула и въ эти тяжелыя для него минуты. Генрихъ Зибель, обвиняющій, неизвѣстно почему, Лафайета въ самомъ „необузданномъ честолюбії“ сходится въ этомъ отношеніи съ нена-видимыми имъ якобинцами, также видѣвшими въ Лафайетѣ претендента на роль Кромвеля. Однако, какъ мало было въ характерѣ Лафайета кромвелевскаго видно изъ словъ самого Зибеля, въ которыхъ прусскій историкъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою, обрисовываетъ личность „честолюбца“ чертами, ничего общаго съ честолюбіемъ не имѣющими: „Лафайетъ,—говоритъ Зибель,—не переступилъ предѣловъ формальной законности, хотя ему и предстояло столкновеніе на жизнь и смерть съ людьми, которые совершили незаконно присвоили себѣ власть. Его озабочивалъ не выборъ полковъ, съ которыми можно было напасть на санкюотовъ, а вопросъ предѣлъ какою гражданскою властью долженъ онъ будемъ постѣ побѣды избавить покорность. Ибо, вѣдь, его намѣреніемъ было защищать конституцію, а конституція предписывала вооруженной силѣ полную подчиненность законодательной власти“. *)

Неужели же это называется честолюбіемъ? Нѣтъ, строки Зибеля говорятъ сами за себя, и было бы любопытно знать, какъ объяснилъ бы самъ почтенный историкъ свой удивительный на этотъ предметъ взглядъ. Не такъ поступаютъ честолюбцы и

*) Зибель. Исторія французской революціи, ч. 2, стр. 32.

не по лафайетовски разсуждалъ появившійся вскорѣ на исторической сценѣ Наполеонъ Бонапартъ. Мы не можемъ, поэтому, не вѣрить слѣдующимъ словамъ самого Лафайета: „всю свою жизнь писалъ онъ послѣ десятаго августа, я стоялъ за гражданскую свободу и потому не могъ воспользоваться находящимися въ моемъ распоряженіи средствами, чтобы путемъ междусобной войны достигнуть военной диктатуры“. **)

Послѣ десятаго августа якобинцы добились своего: Лафайетъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначили генерала Дюмурье, „талантливаго авантюриста, въ очень еще молодыхъ годахъ искавшаго дѣятельности и отличія на поляхъ битвъ, потомъ игравшаго роль въ тайной дипломатіи Людовика XV, и затѣмъ явившагося во фригійскомъ колпакѣ въ якобинскій клубъ и цѣловавшагося тамъ съ Робеспьеромъ“. ***) Тогда Лафайетъ рѣшился скрыться за границу. Онъ посвятилъ послѣдніе часы своего пребыванія во Франціи на совѣты офицерамъ относительно австрійцевъ и четырнадцатого сентября оставилъ отечество. Законодательное Собраніе объявило его измѣнникомъ, но онъ годами долгаго заключенія въ австрійскихъ казематахъ доказалъ, какъ мало было приложимо къ нему это название. Настоящія испытанія для Лафайета только начинались.

**) Десятаго августа Тюльри было взято народомъ и въ этотъ день королевская власть фактически перестала существовать. Тогда же было постановлено созвать третью по счету Собраніе съ чрезвычайными полномочіями. Это и былъ знаменитый Национальный Конвентъ.

***) Н. Карбевъ. Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, стр. 568.

XVIII.

Лафайетъ съ своими друзьями перешелъ границу,—но куда направиться? Англія представлялась имъ единственнымъ надежнымъ убѣжищемъ и бѣглецы остановились на ней. Не успѣли они, однако, пройти и десяти верстъ, какъ натолкнулись на австрійскіе аванпосты. Бюро де Пюзи, который вмѣстѣ съ Латуръ-Мобуромъ раздѣлилъ вскорѣ продолжительное заключеніе Лафайета, вступилъ въ переговоры съ начальникомъ аванпостовъ д'Арнокуромъ и просилъ пропуска въ Голландію. Д'Арнокуръ увѣдомилъ о задержаніи Лафайета и его друзей генерала Муателя, стоявшаго съ отрядомъ въ Намюрѣ, причемъ не имѣлъ, повидимому, ничего противъ выдачи задержаннымъ пропуска на свободное путешествіе въ Голландію. Но лишь только генералъ Муатель получилъ это извѣстіе, какъ радостно воскликнулъ: „Лафайетъ! Лафайетъ! Надо увѣдомить немедленно о случившемся герцога Бурбона!“ Въ пропускѣ, конечно, было отказано и вмѣстѣ съ тѣмъ отдано приказаніе доставить Лафайета и другихъ задержанныхъ офицеровъ подъ надлежащимъ конвоемъ въ Намюръ. Когда обѣ этомъ объявили Лафайету и его друзьямъ, то они, прежде чѣмъ отправиться въ Намюръ, написали протестъ противъ своего ареста. Въ этомъ протестѣ они заявляли вмѣстѣ съ тѣмъ о своей полной несолидарности съ эмигрантами, бѣжавшими изъ Франціи, по причинѣ недовольства ими учрежденіемъ конституціи и осмѣливающимися присоединяться къ иностранцамъ, объявившимъ войну ихъ отечеству. Арестованные говорили въ протестѣ

кромѣ того, что они не могутъ быть рассматриваемы, какъ военно-плѣнныи, ибо они по собственной волѣ покинули Францію и занимаемые ими во французской армїи посты, и что, тѣмъ еще менѣе, похожи они на тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые находятся въ рядахъ иностранныхъ армій, такъ какъ ихъ убѣжденія діаметрально противоположны убѣжденіямъ послѣднихъ и что, такимъ образомъ, они представляютъ собою лишь иностранцевъ, требующихъ свободнаго пропуска во имя международнаго права. На протестъ этотъ, подписанный Лафайетомъ, Бюро де Пюзи и Латуръ-Мобуромъ, австрійцы не обратили никакого вниманія, и арестованные были отправлены въ Намюръ. Нижеслѣдующее письмо Лафайета къ женѣ очень характерно для сужденія о человѣкѣ, объявленнаго въ это время въ своемъ отечествѣ измѣнникомъ:

„Каковы бы ни были превратности судьбы, дорогая моя, писалъ Лафайетъ, но вы знаете, что я не изъ тѣхъ, которые легко уступаютъ, и, зная это, вы, конечно, поймете тѣ душевныи терзанія, которыя я испытывалъ, покидая отечество, то отечество, которому я посвятилъ всѣ мои сплы, которое было бы свободно и достойно свободы, если бы частные интересы отдѣльныхъ лицъ не смущали общественнаго мнѣнія, не дезорганизовали средствъ сопротивленія извиѣ и законнаго порядка внутри страны. И, вотъ, я, опальный въ моемъ отечествѣ, принужденъ вступить на чужую территорію, бѣжать изъ Франціи, которую мнѣ было бы такъ сладко защищать отъ враговъ!

„Мы встрѣтились съ австрійскимъ отрядомъ, который насъ арестовалъ и имѣеть намѣреніе пре-

проводить въ Намюръ. Но я не хочу вѣрить, чтобы насъ продержали долго, ибо мы не болѣе какъ иностранцы, заявившіе о своей полной несолидарности съ эмигрантами и своемъ намѣреніи уйти въ какую либо нейтральную страну, Голландію или Англію. Вы знаете, что приверженность къ моимъ воззрѣніямъ составляетъ преступленіе, за которое поплатились головами марсельские патріоты и многія лица, умерщвленныя въ Парижѣ по приказанію господь Петіона, Дантона и Сантерра *). Якобинцы дали клятву погубить меня. Но, если бы я действовалъ изъ честолюбія, а не такъ, какъ повелѣваетъ мнѣ совѣсть, то мое положеніе было бы очень отлично отъ того, въ которомъ я нахожусь теперь. Но не будетъ никогда ничего общаго между мною и преступленіемъ, и я до послѣдней капли крови буду вѣренъ конституціи, которой присягалъ.

„Вы знаете, что по чувствамъ я самъ республиканецъ и, конечно, заявилъ бы себя имъ, если бы разсудокъ не заставлялъ меня придать своимъ воззрѣніямъ нѣсколько роялистической оттенокъ и, если бы присяга въ вѣрности волѣ націи не обязывала меня быть защитникомъ конституціонныхъ правъ короля. И чѣмъ менѣе осмѣливались сопротивляться мятежникамъ, тѣмъ громче слышанъ былъ мой голосъ и я, естественно, сдѣлался мишенью для всѣхъ нападеній.

*) Якобинецъ Сантэръ, по профессіи пивоваръ, командовалъ национальной гвардіей въ Парижѣ въ 1792 году. Онъ былъ начальникомъ военного эккорта, сопровождавшаго на эшафотъ колесницу Людовика 21 января 1793 года и затѣмъ предводительствовалъ „адскими колонами“, посланными для усмирѣнія вандейского мятежа. Умеръ въ 1809 году.

„Простой математической расчетъ о бесполезности дальнѣйшой борьбы противъ преступлений и нежеланіе стать лишнимъ объектомъ для нихъ заставили меня уйти изъ отечества, въ которомъ иначе я долженъ былъ бы бесполезно сложить голову.

„Я не знаю, какъ скоро я буду свободенъ, но затѣмъ я отправлюсь въ Англію и очень желаю, чтобы туда же прибыло и все мое семейство. Мнѣ известно, что семейства эмигрантовъ подлежать задержанію во Францію, но, вѣдь, это эмигрантовъ, вооружающихся противъ отечества; что же касается меня, то... великий Боже!.. какое чудовище осмѣлится подумать, что я могу быть въ ихъ рядахъ!!...

„Я виноватъ предъ вами и нашими дѣтьми въ томъ, что васъ раззорилъ, но увѣренъ, что между вами нѣтъ никого, кто пожелалъ бы сохранить наше имущество цѣною поведенія противоположнаго моему. Пріѣзжайте въ Англію, а оттуда мы поѣдемъ въ Америку, гдѣ мы найдемъ свободу, которой нѣтъ болѣе во Франціи и гдѣ мои заботы о васъ постараются заставить васъ забыть всѣ испытанія и потери. Прощайте же, дорогая моя“.

Плѣнники были отправлены сначала въ Намюръ, а оттуда въ Нивель. Здѣсь австрійскіе военачальники приказали конфисковать всѣ сокровища, которыхъ, по ихъ предположенію, Лафайетъ захватилъ съ собою изъ Франціи. Выслушавъ такое оскорбительное приказаніе, Лафайетъ холодно отвѣтилъ посланнымъ съ этой цѣлью къ нему офицерамъ, что, „безъ сомнѣнія, ихъ королевскія высочества судятъ по себѣ“. На самомъ дѣлѣ, при арестованыхъ нашли лишь сумму, едва хватившую имъ на двухмѣсячное содержаніе. Затѣмъ плѣнниковъ раз-

дѣлили на три группы: къ первой были отнесены тѣ, которые не служили въ національной гвардіи. Ихъ освободили, но приказали немедленно уѣзжать. Ко второй офицеры штаба Лафайета. Ихъ заключили въ тюрьму, изъ которой они были, впрочемъ, черезъ два мѣсяца освобождены. Къ третьей причислили Лафайета, Бюро де Пюзи, Латуръ—Мобура и Ламета. Ихъ приказали отвести въ Люксембургъ. Прошаясь съ своимъ бывшимъ адьютантомъ Ромефомъ, Лафайетъ успѣлъ передать ему письмо, которое просилъ опубликовать въ случаѣ его смерти. Письмо это гласило:

„Я очень хорошо зналъ, что, очутись я въ рукахъ самодержавныхъ правительствъ, онѣ отмстятъ мнѣ за все зло, которое я имъ причинилъ. Но защищая до послѣдней возможности противъ мятежниковъ свободу и конституцію моего отечества, я отдался, наконецъ, своей судьбѣ въ увѣренности, что лучше погибнуть отъ руки тирановъ, чѣмъ отъ руки моихъ заблуждающихся согражданъ. Слѣдовало особенно избѣгать вліянія дурного примѣра общественной неблагодарности, который повредилъ бы народному дѣлу въ глазахъ лицъ, незнающихъ, что наслажденія, испытываемыя искренними служителями этого дѣла, выше всякихъ испытаній, посылаемыхъ судьбою“.

Черезъ недѣлю четверо плѣнниковъ были переведены въ Везенъ, и здѣсь состоялось засѣданіе при участіи уполномоченного отъ принцевъ—эмигрантовъ барона Бретеля для рѣшенія ихъ участіи. Совѣтъ постановилъ, что свобода Лафайета не совмѣстна съ спокойствіемъ европейскихъ государствъ. Въ Везенѣ плѣнниковъ продержали три мѣсяца въ безусловно одиночномъ заключеніи каж-

даго. Лафайетъ сильно заболѣлъ. Узнавши объ этомъ отъ тюремщика, Латуръ Мобуръ упрашивалъ властей позволить ему присутствовать, какъ онъ полагалъ, при послѣднихъ минутахъ Лафайета, но и въ этомъ ему было отказано. Черезъ нѣсколько времени комендантъ крѣпости и одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ явились къ Лафайету и предлагали ему, именемъ короля Пруссіи, значительное облеченіе его положенія, подъ условіемъ дать показанія о силахъ и положеніи Франції. „Прусскій король большой нахаль“, отвѣтилъ на это Лафайетъ, пожавши плечами. Черезъ три мѣсяца Лафайета, Бюро де Пюзи и Латуръ Небура перевезли въ Магдебургъ, гдѣ они и пробыла до января 1794 года. Ламеть былъ выпущенъ на свободу.

Во время бѣгства Лафайета изъ Франціи его жена находилась въ Шаваньякѣ. Десятаго сентября въ ея замкѣ былъ произведенъ тщательный обыскъ. Производившій этотъ обыскъ комиссаръ Оланье, бывшій мировымъ судьбою въ Пюи, представилъ затѣмъ Адріенѣ предписанія Комитета Всеобщей Безопасности и министра внутреннихъ дѣлъ Ролана, которыми онъ обязывался доставить ее и ея дѣтей въ Парижъ. Семидесятитрехлѣтняя madame de Шаваньякъ послѣдовала за Адріеной. Въ Пюи карета, въ которой отправлялось въ Парижъ семейство Лафайета, была забросана камнями. По прибытии въ Парижъ Адріена протестовала противъ своего ареста и просила позволенія отправить ее въ Шаваньякъ на честное слово, что она никуда оттуда не выѣдетъ. Просьба Адріены была направлена къ Ролану; вмѣстѣ съ тѣмъ арестованная написала и такое письмо Бриссо:

„Monsieur! Я считаю васъ фанатикомъ свободы.«

Такое лестное мнѣніе я сохранила обѣ очень немногихъ людяхъ. Не останавливаясь на вопросѣ, ослѣпляетъ ли людей политической фанатизмъ также какъ фанатизмъ религіозный, я не хочу, однако, допустить и мысли, чтобы ревностный другъ освобожденія негровъ могъ быть въ сообществѣ съ тиранами. Если бы даже цѣли вашей партіи и ослѣпляли васъ, то средства, къ которымъ она прибѣгаетъ, должны отвратить васъ отъ нея. Я убѣждена, что вы уважаете Лафайета, я готова даже сказать больше, ибо нельзя не уважать мужественного и вѣрного друга свободы. Вѣдь, вы его преслѣдуете за различіе его мнѣній съ вашими по одному и тому же вопросу, какими средствами утверждать свободу во Франціи и за то, что онъ не боялся поддерживать свое мнѣніе съ мужествомъ и непоколебимою вѣрностью конституції. Вы знали, что онъ не измѣнить присягѣ, которую далъ въ вѣрности конституції и что, слѣдовательно, онъ не можетъ не быть противникомъ вашей партіи и вашей новой революції. Я знаю все это и потому обращаюсь только къ вамъ, гнущаясь обращаться къ другимъ. Если я ошибаюсь и въ васъ, увѣдомьте меня обѣ этомъ и я вамъ больше не буду надоѣдать“.

Рассказавши затѣмъ о своемъ арестѣ, Адріена продолжаетъ:

„Я не знаю, каковъ будетъ отвѣтъ г. Ролана. Легко видѣть, что, если этотъ отвѣтъ будетъ подсказанъ ему голосомъ справедливости, то мнѣ будетъ возвращена полная свобода и мнѣ позволятьѣхать къ мужу, который зоветъ меня въ Англію, куда пріѣдетъ и онъ, какъ только освободятъ его изъ заключенія и откуда мы вмѣстѣ уѣдемъ въ

Америку. Если же я непремѣнно нужна въ качествѣ заложницы, то неужели г. Роланъ не позволитъ даже пзбрать мнѣ своею тюрьмою замокъ Шаваньякъ на даваемое мною честное слово и подъ наблюденіемъ мѣстныхъ муниципальныхъ властей. Если вы пожелаете мнѣ въ этомъ помочь, вы сдѣлаете доброе дѣло, облегчивши судьбу лица, несправедливо преслѣдуемаго и которое,—вы очень хорошо это знаете,—имѣемъ столько же возможностей, сколько и желанія вредить свободѣ“.

Ноай—Лафайетъ.

Просьба Адріены была уважена и ей позволили жить въ Шаваньякѣ безъ права выѣзда. Начальство округа хотѣло назначить по шесть человѣкъ стражи для ежедневнаго дежурства около замка, но Адріена заявила протестъ противъ этого въ такихъ выраженіяхъ: „объявляю, что беру свое честное слово о невыѣздѣ изъ замка назадъ, если меня будутъ такъ явно караулить: либо мое честное слово, либо охрана штыковъ“. Стража была отмѣнена, но муниципалитетъ города Ора (Aurat) долженъ былъ посылать каждыя двѣ недѣли въ Парижъ извѣщенія о пребываніи Адріены въ Шаваньякѣ. Вскорѣ madame La Fayette послано еще одно письмо Бриссо:

„Послѣ того, что вы для меня сдѣлали, писала она ему, послѣ того, какъ вы сами заявили себя въ послѣднее время смѣлымъ противникомъ мятежниковъ, я не допускаю, чтобы вы не могли или не хотѣли добиться отъ Комитета полной отмѣны постановленія о моемъ арестѣ. Постановленіе это состоялось въ то время, когда еще опасались, чтобы примѣръ Лафайета не увлекъ другихъ гражданъ“.

остаться вѣрными конституції. Не хочу вѣритъ, чтобы вы не могли убѣдить г. Ролана исхлопотать возвращеніе мнѣ полной свободы. Невозможно, чтобы пребываніе моего мужа въ заключеніи у враговъ за дѣло свободы давало мнѣ меньше правъ на получение документа для путешествія, чѣмъ женамъ художниковъ, разъ извѣстно, что ихъ мужья путешествуютъ, въ цѣляхъ усовершенствованія въ своемъ искусствѣ. Предоставьте же нашимъ врагамъ насыщать ихъ ненависть къ искреннему другу свободы и не присоединяйтесь къ нимъ, преслѣдуя людей, близкихъ сердцу Лафайета“.

Адріена всячески хлопотала, чтобы облегчить положеніе своего мужа или, покрайней мѣрѣ, имѣть о немъ свѣдѣнія. Она писала обѣ этомъ, между прочимъ, и герцогу Брауншвейгскому, но не получила никакаго отвѣта. Затѣмъ, по совѣту посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ Морриса, она обратилась съ письмомъ къ прусскому королю. „Государь,—писала она ему,—не имѣя болѣе пяти мѣсяцевъ никакихъ извѣстій о Лафайетѣ, я не могу выступать защитницей его дѣла. Но мнѣ кажется, что его враги и я говоримъ одновременно и краснорѣчиво въ его пользу: они своими преступленіями, я—свою скорбью. Они доказываютъ лишь его добродѣтель и то, на сколько онъ былъ страшенъ для злыхъ, я—на сколько онъ достоинъ любви“. Прочтя, однажды, въ газетахъ статью извѣстнаго поэта Клопштока, въ которой онъ произносилъ съ уваженіемъ имя Лафайета, Адріена писала и ему. Наконецъ, она обратилась къ сестрѣ прусского короля, принцессѣ Оранской, отъ которой и получила успокоительный отвѣтъ. Въ маѣ 1793 года измѣна назначеннаго на мѣсто

Лафайета генерала Демурье вызвала новая репрессия. Въ замкѣ Шаваньякѣ снова былъ произведенъ обыскъ, но ничего компрометирующего Адріену найдено не было. Явившійся въ Ора народный представитель Лакостъ выражалъ мнѣніе, что слѣдовало бы, тѣмъ не менѣе, заключить гражданку Лафайетъ въ тюрьму. Услышавши это, Адріена поспѣшила увидѣться съ Лакостомъ.

— „Я узнала, сказала она ему, что по случаю измѣны Дюмурье на очередь поставленъ вопросъ о заключеніи въ тюрьму всѣхъ бывшихъ знатныхъ дворянъ. Должна вамъ объявить, что, если при всякихъ обстоятельствахъ, я готова была съ восторгомъ служить порукою для Лафайета, то именно, поэтому, нежелаю быть ни въ какомъ случаѣ тѣмъ же для его враговъ. Къ тому же, моя жизнь или смерть совершенно безразличны для г. Демурье и вамъ было бы лучше оставить меня въ моемъ убѣжищѣ.“

— Гражданка,—отвѣтилъ Лакостъ,—эти чувства достойны васъ.

— Мнѣ безразлично, сударь, возразила Адріена, достойны ли онѣ меня или нѣтъ; мнѣ важно, чтобы онѣ были достойны Лафайета“.

Лакостъ приказалъ оставить „гражданку Лафайетъ“ въ прежнемъ положеніи.

Большое утѣшеніе доставило ей въ это время полученное при посредствѣ посольства Соединенныхъ Штатовъ письмо отъ мужа изъ Магдебурга. „И такъ, всѣ тѣ, кого я люблю находятся въ Шаваньякѣ, дорогая моя, писалъ Лафайетъ, и притомъ въ положеніи, на которое я едва осмѣливался надѣяться. Съ другой стороны, я былъ вполнѣ увѣренъ, что желаніе доставить мнѣ свободу не заставитъ васъ сдѣлать ни одного шага, не вырвать ни

одного выражениія, которое не было бы достойно васъ. Вы связаны съ человѣкомъ, судьба котораго полна треволненій и испытаній, но я знаю, что вы найдете нѣкоторую отраду въ мысли, что ваша любовь и вашеуваженіе занимаютъ первое мѣсто во всѣхъ воспоминаніяхъ моей жизни, что онъ составляютъ утѣшеніе въ моемъ одиночномъ заключеніи и надежду на большее чѣмъ когда либо счастье, если мнѣ суждено увидѣть мое семейство. Здоровье мое находится въ удовлетворительномъ состояніи. Даже грудь не болитъ, несмотря на неблагопріятный режимъ. Ежедневно меня выводятъ на одинъ часъ изъ моей клѣтки на прогулку. У меня есть книги... Прощайте, дорогая моя, не хочу вѣрить, чтобы моя звѣзда погасла навсегда. Обнимаю отъ всей души васъ, Анастасью, Жоржа, Виргинію и доброго г. Фрестель" *).

Денежныя дѣла Лафайета были въ это время также въ очень стѣсненномъ положеніи и прежняя миллионерша нуждалась въ самомъ необходимомъ. Жены многихъ эмигрантовъ, съ цѣлью сохранить свои имѣнія для себя и дѣтей, хлопотали о разводѣ съ мужьями и переставали называться ихъ именами, но Адріена ни разу не измѣнила себѣ и въ этомъ отношеніи, и на всѣхъ официальныхъ бумагахъ подписывалась не иначе, какъ „жена Лафайета“. Это крайне не нравилось якобинцамъ и вскорѣ появился приказъ продать имѣнія ея мужа. Адріена протестовала противъ этого, заявляя о „несправедливости примѣненія закона объ эмигрантахъ къ тому, кто находится въ данное время въ плѣну у непріятелей Франціи“. Наконецъ, Комитетомъ Об-

*) Старый наставникъ Лафайета, жившій въ ихъ семействѣ.

щественнаго Сиасенія отдалъ приказъ объ арестѣ Адріены. Въ то же время были арестованы ея мать,—герцогиня д'Эйенъ, сестра — виконтеса де Ноай и бабушка,—вдова старого маршала Франції, но содержались онѣ до самого эшафота въ отдѣльной тюрьмѣ, и Адріенѣ не пришлось ихъ больше увидать. Въ маѣ Адріена была отправлена въ Парижъ и заключена въ тюрьму La Force. Ей пришлось бы совершить этотъ путь этапнымъ порядкомъ, если бы Фрестель не досталъ немного денегъ отъ прислуги, отдавшей своей бывшей госпожѣ золотыя вещи, дабы продажею ихъ выручить необходимую сумму. Старшой дочери Адріены Анастасіѣ не позволили сопровождать мать, но Фрестель поѣхалъ вмѣстѣ съ нею въ Парижъ. Когда Адріену заключили въ тюрьму, то ея бывшая горничная Боше сумѣла проникнуть къ ней и приносить матери извѣстія о ея дѣтяхъ. Этихъ дѣтей, равно какъ и старую тетку Лафайета, содержали и кормили въ это время окрестные съ замкомъ Шаваньякъ крестьяне. Черезъ двѣ недѣли Адріена была переведена въ Plessis, нѣкогда аристократическій коллежъ, въ которомъ воспитывался ея мужъ, теперь превращенный во временное помѣщеніе для тюрьмы. Настала страшная эпоха Террора. Изъ Plessis ежедневно посыпалось на эшафотъ не менѣе пятнадцати человѣкъ. Мысль о томъ, что и она скоро послѣдуетъ туда же, не оставляла Адріену ни на минуту, но ея религіозность, пуританская строгость къ себѣ и геройскій характеръ поддерживали ея душевныя силы и въ эти мрачные дни ея жизни. Она написала тогда же свое прощальное съ міромъ письмо: „Прощаю отъ всей души моимъ врагамъ, если они у меня есть,—писала она въ немъ,—прощаю пре-

следующихъ меня, прощаю даже преслѣдующихъ тѣхъ, кого я люблю и молю Бога простить ихъ также полно, какъ я ихъ прощаю. Будь же милосердъ ко мнѣ, Господи! Я всегда была вѣрна моему отечеству, не принимала никакого участія въ проискахъ и козняхъ противъ него, и мои самые искренніе помыслы были направлены къ его счастью. Правила вѣрности отечеству во мнѣ непоколебимы, и никакое преслѣдованіе, откуда бы оно не исходило, не въ силахъ заставить меня отъ нихъ отречься. Самый близкій моему сердцу человѣкъ даль мнѣ примѣръ такой вѣрности. Предаю моихъ дѣтей и мой духъ въ руки твои, Господи! Будь же милосердъ ко мнѣ!

Тerrorъ разгорался все больше и больше. Чѣмъ отчаяннѣе становилось положеніе Франціи, благодаря натиску вѣнчанихъ непріятелей и внутреннимъ смутамъ, тѣмъ безпощаднѣе становился принявший почти диктаторскую власть Комитетъ Общественного Спасенія. „Людовикъ долженъ умереть, потому что отечество должно жить“, сказалъ Робеспьеръ во время процесса короля, и двадцать первое января 1793 года т. е. день, когда королевская голова упала подъ топоромъ, послужилъ лишь прелюдіей грозныхъ событій наступающей эпохи. Новое общество рождалось на свѣтѣ божій среди страшныхъ страданій и самыхъ судорожныхъ потрясеній. Настало, наконецъ, время, въ которое, по выражению Луи Блана, „смерть потеряла свой ужасъ, Франція превратилась въ военный лагерь, граждане въ солдатъ, а для внутреннихъ враговъ стали на стражѣ суды съ каменными сердцами и непрестанно поднятый ножъ палача“ *).

*) Луи Бланъ. Исторія Великой Французской Революціи. т. 1. Предисловіе.

Эксъ королева Марія Антуанета, сестра Людовика принцессы Елизаветы, глава жирондистовъ Бриссо и „бриссотинцы“ Верньё, Жансоне и другіе, „королева Жиронды“ Марія Жанна Роланъ**), первый парижскій мэръ Байи, герцогъ Филиппъ Орлеанскій или, какъ его называли, „гражданинъ Филиппъ Эгалитэ (Равенство)“, графиня Дюбарри, министръ Людовикъ и защитникъ его предъ Конвентомъ Мальзербъ, поэтъ Андрэ Шенье, знаменитый химикъ Лавуазье, генералы Кюстинъ и Богарне, маршалъ Люкнеръ, иллюминатъ Клодъ Фоше, „всемірный гражданинъ и ораторъ рода человѣческаго“ Анахоресисъ Клотсь, издатель циническаго, но жадно читавшагося революціоннаго листка „Père Duchesne“ Эберъ, бывшій епископъ парижскій Гобель ***), жаркій сторонникъ „культа Разума“ Шометъ, герой Бастиліи Камилль Демуленъ, „министръ Революціи“ Жоржъ Дантонъ и сотни другихъ вчерашнихъ знаменитостей сегодня появлялись на ступенькахъ эшафота ****). „Быва-

**) „О, свобода, сколько преступлений совершаются во имя твоє“, воскликнула Роланъ, ложась подъ топоръ.

***) Въ это время во Франціи, какъ извѣстно, была сдѣлана попытка отмѣнить христіанскую религию и замѣнить ее „культомъ Разума“. Парижскій епископъ Гобель принесъ однимъ изъ первыхъ отречение отъ „средневѣковыхъ суевѣрій“. Въ одной изъ стариннѣйшихъ церквей Парижа Notre Dame de Paris (заложена въ 1163 году) изображеніе Пресвятой Дѣви было замѣнено статуей Свободы, иконы святыхъ бюстами Вольтера и Руссо, а религіозныя пѣснопѣнія патріотическими гимнами. Богиню Разума изображала танцовщица Майяръ въ бѣломъ платьѣ, синемъ плащѣ и красномъ якобинскомъ колпакѣ. Тогда же былъ созданъ особый республиканскій календарь и мѣсяцы получили новыя названія: осеніе: вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ; зимніе—нивозъ, плювіозъ, вантозъ; весеніе—жерминалъ, флореаль, преріаль и лѣтніе—месцидоръ, термидоръ и фрютидоръ. Недѣля была замѣнена декадой (въ 10 дней),—воскресенье—десятымъ днемъ (декады).

****) Казни происходили на площади, которая называлась Place de la Revolution. На ней было казнено 2800 человѣкъ. Площадь

ють случаи, когда на статую Свободы необходимо набросить покрывало“, сказалъ, однажды, Геро де Сешель, не избѣжавшій и самъ въ скоромъ времени гильотины. Въ это именно время были казнены сестра Адріены Луиза, ихъ мать и бабушка, ио объ этомъ страшномъ для нея ударѣ Адріена узнала только по выходѣ изъ тюрьмы. „Я потащу за собою Робесппера“ воскликнулъ на эшафотѣ Дантонъ, и слова его оказались пророческими: десятаго термидора (28 іюня) упали головы Максимиляна и Жозефа Робесппировъ, Сенъ-Жюста и Кутона; на другой день послѣдовали въ могилу семьдесятъ членовъ Парижской Коммуны, а на третій еще тридцать. Это событие сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ исторіи французской Революціи. Новый Комитетъ Общественной Безопасности, составленный изъ „термидорианцевъ“, освободилъ изъ тюремъ многихъ лицъ, ожидавшихъ со дня на день смерти. Въ числѣ послѣднихъ находилась и герцогиня Дюра, двоюродная сестра Адріены. Но, когда провѣрявшіе списки заключенныхъ, уполномоченные отъ Комитета Бурдонъ де Лоазъ и Лежандръ, дошли до Адріены, то заявили, что пизмѣна Лафайета слишкомъ очевидна для того, чтобы они могли взять на свою отвѣтственность освобожденіе его жены и что, поэтому, вопросъ этотъ долженъ решить самъ Комитетъ. Смѣнившій Морриса, новый посланникъ Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Монроѣ исхлопоталъ себѣ свиданіе съ Адріеной,

эта переименована теперь въ Place de la Concorde. На томъ мѣстѣ, где во времія Революціи стояла гильотина, нынѣ возвышается обелискъ въ 23 метра вышины, иѣкогда украшавшій предмѣстье Стоворатныхъ Оивъ (при Сезострисѣ въ XIV в. до Р. Х.). Обелискъ этотъ, состоящій изъ цѣльнаго розового сіенскаго гранита, подаренъ Магометомъ Али „королю-гражданину“ Луи Филиппу.

но всѣ его старанія освободить ее изъ тюрьмы долгое время оставались напрасными. Наконецъ второго плювіоза (22 января 1795 г.) постановлѣніе обѣ освобожденій Адріены было подписано. По выходѣ изъ тюрьмы, Адріена отправилась прежде всего поблагодарить Монроэ за его хлопоты и попросить его содѣйствія къ полученію ею заграничнаго паспорта. Двѣ задачи занимали ее въ это время: во первыхъ отправиться къ мужу и во вторыхъ отослать своего сына, Жоржа, въ Америку къ Вашингтону. Адріена была убѣждена, что Лафайетъ вполнѣ одобрить принятное ею рѣшеніе относительно сына. При помощи Монроэ, паспортъ для Жоржа, подъ именемъ Мотье, и для пожелавшаго сопровождать его въ Америку Фрестеля, подъ именемъ Русселя, были выданы, и молодой Лафайетъ-сынъ тронулся въ путь. Прощаюсь съ отѣзжющими, Адріена вручила Фрестелю такое письмо Вашингтону:

„Monsieur! Посылаю вамъ моего сына... Податель же этого письма нашъ другъ и утѣшитель во все время нашихъ несчастій. Его великодушныемъ заботамъ обязаны наши дѣти сохраненіемъ жизни ихъ матери... Я очень желаю, чтобы мой сынъ вель въ Америкѣ самую простую жизнь и чтобы онъ наверсталъ время, которое потерялъ во время трехлѣтняго перерыва, и пополнилъ свое образованіе. Желала бы я также, чтобы онъ былъ удаленъ отъ всего того, что можетъ замутить его душу и чтобы только упорнымъ трудомъ онъ сдѣлался способнымъ исполнять обязанности гражданина Соединенныхъ Штатовъ. Такія обязанности будутъ всегда тождественны и съ обязанностями истиннаго гражданина Франціи... Приношу вамъ свидѣтельство моего искреннягоуваженія, почтенія и преданности“.

Послѣ долгихъ трудовъ удалось, наконецъ, Адріенъ получить паспортъ и для себя и своихъ дочерей. Не медля ни минуты, онъ отправились на американскомъ кораблѣ въ Дюнкирхенъ, а оттуда въ Альтону, гдѣ жила сестра Адріены де Монтегю и ея тетка де Тессе. „Несчастья, перенесенная сестрою,—писала въ своихъ мемуарахъ де Монтегю, повлияли на нее очень сильно, но въ чертахъ ея скорбного лица было разлито столько спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимости, что всякий проникался къ ней невольнымъ уваженiemъ“. Недолго оставалось уже Адріенъ и до ея главной цѣли, — свиданія съ Лафайетомъ.

XIX.

Магдебургская тюрьма, въ которую былъ переведенъ Лафайетъ, напомнила собою застѣнки въ рыцарскихъ замкахъ Среднихъ Вѣковъ. Камера узника представляла собою каменную клѣтку въ пять съ половиною шаговъ длины и три шага ширины. Сырыя стѣны были сплошь покрыты плѣсенью. Свѣтъ проходилъ черезъ единственное маленькое съ желѣзными рѣшетками окошечко, отчего въ камерѣ было постоянно сыро и темно. Лафайетъ страдалъ лихорадками, разстройствомъ нервовъ и безсонницей. Цѣлые дни проводилъ онъ въ своемъ одиночномъ заключеніи. Имѣть книги позволялось въ самомъ ограниченномъ количествѣ, а письменные принадлежности были вовсе запрещены. Лафайету тѣмъ не менѣе, удалось вести съ своими друзьями при помощи подкупленныхъ тюремщиковъ, тайную переписку, для чего онъ употреблялъ тонкія палочки вмѣсто перьевъ и разведенную въ ук-

сусѣ сажу вмѣсто чернилъ. Вѣсти, которыя доходили до Лафайета въ тюрьму, были одна мрачнѣе другой, но въ особенности сильное впечатлѣніе произвела на него казнь Людовика. Ему удалось отправить изъ тюрьмы въ Гамбургъ, редактору журналу „Минерва“ Архенгольцу *) письмо, въ которомъ онъ излагалъ свои политическія воззрѣнія. Напомнивъ о враждѣ къ нему якобинцевъ и о своей борьбѣ съ „узурпаторами власти“, Лафайетъ писалъ: „что касается моихъ отношеній къ королю, то я всегда пользовался его уваженіемъ и довѣріемъ и, ненавидимый придворными, старался внушить ему образъ дѣйствій, согласный съ требованіями Революціи; въ этомъ я видѣлъ гарантію для его жизни и безопасности. Когда, послѣ бѣгства короля, Конститюанта рѣшила снова предложить Людовику королевскую власть, я присоединилъ свой голосъ къ почти единодушному рѣшенію въ этомъ смыслѣ Собранія и всѣми силами протестовалъ противъ всякаго насилия надъ королемъ. Я предлагалъ, наконецъ, хотя и совершенно безплодно, чтобы, съ согласія Собранія и національной гвардіи, король отправился въ Компьень и тамъ, будучи въ полной безопасности, заявилъ бы твердо о своемъ желаніи слѣдовать конституціи и упрочить миръ. Когда я видѣлъ въ послѣдній разъ короля, онъ говорилъ мнѣ въ присутствіи королевы и всего королевскаго семейства, что все ихъ спасеніе заключается въ конституціи и ей одной онъ будетъ слѣдовать. Онъ жаловался на два неконституціонные декреты и на поведеніе якобинцевъ въ

*) Архенгольцъ—авторъ „Исторіи Семилѣтней Войны въ Германіи съ 1756 по 1763 г.“ Книга эта переведена и на русскій языкъ въ 1841 году.

армії и желалъ, чтобы непріятель былъ разбитъ. Ни о какой корреспонденції его съ непріятелемъ я не знаю и все, что я узналъ изъ его ужаснаго процесса, доказываетъ лишь, что никогда еще естественное право, народное мнѣніе и общественное благо не подвергались такому насилию, какъ въ этомъ дѣлѣ **). Но какъ бы то ни было, а у меня есть великое утѣшеніе въ сознаніи исполненаго долга, а наслажденіе отъ сознанія искренняго служенія дѣлу человѣческаго рода выше всѣхъ страданій отъ несправедливостей враговъ и даже неблагодарности народа“. Лафайетъ вель также тайную переписку съ княгиней д’Эненъ (d’Hénin), своей старой знакомой, укрывшейся во время Террора въ Англію. Получивши извѣстіе о казни въ Парижѣ Ларошофуко, Лафайетъ писалъ княгинѣ д’Эненъ: „тѣнь моего друга Ларошофуко находится безпрестанно со мною... Ахъ, вотъ преступленіе, которое жестоко поразило мое сердце“, и въ первый разъ въ его письмахъ начинаютъ звучать ноты разочарованія. „Народное дѣло, писалъ онъ вскорѣ послѣ того, для меня не менѣе священно, чѣмъ прежде; я готовъ за него позволить выпустить по каплямъ

*) Новѣйшія историческія изысканія доказываютъ, что Лафайетъ не зналъ истинныхъ намѣреній Людовика и что король, очевидно, не довѣрялъ начальнику национальной гвардіи: „20 апреля,—читаемъ мы у г. Карѣева,—Людовикъ XVI явился въ законодательное Собрание и взволнованнымъ голосомъ предложилъ ему бѣглить войну королю венгерскому и богемскому (т. е. Францу II, тогда еще не коронованному императорской короной)“. Предложеніе было принято. „Людовикъ XVI, между тѣмъ, составилъ протестъ противъ собственного своего предложенія и послалъ разнаго рода соѣдѣнія и указанія иностраннымъ дворамъ, а также эмигрантамъ, которыхъ просилъ, впрочемъ, воздерживаться отъ участія въ войнѣ“. (Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, „восемнадцатый вѣкъ и французская революція“. Стр. 568).

всю мою кровь, но очарование исчезло“. Въ другомъ письмѣ онъ выражаетъ ту же мысль: „несправедливость народа не уменьшила моей преданности его дѣлу, но она разрушила восторженное чувство, испытываемое при улыбкѣ томъ“. Извѣстія о своей женѣ и дѣтяхъ Лафайетъ получалъ при посредствѣ американского правительства. Вашингтонъ дѣлалъ черезъ американскихъ посланниковъ нѣсколько попытокъ освободить Лафайета, но всѣ онѣ были тщетны. Американцамъ удалось только оказать денежнную помощь узнику и его семейству. Въ письмѣ къ мистеру Пинкнею, американскому посланнику въ Англіи, Лафайетъ благодаритъ его за положенные имъ для него въ банкъ двѣ тысячи флориновъ и восторженно отзыается о Карлѣ Фоксѣ и его друзьяхъ, поддерживавшихъ въ парламентѣ мысль о невмѣшательствѣ Англіи во внутреннія дѣла Франціи. Извѣстіе объ арестѣ жены и о ея поведеніи въ тюрьмѣ Лафайетъ получилъ также черезъ американцевъ. „Я зналъ очень хорошо величие ея души, писалъ онъ поэтому поводу княгинѣ д'Эненъ, и потому ея ангельское поведеніе не было для меня неожиданностью,—но какъ должно увеличить уваженіе и расположение къ ней всѣхъ тѣхъ, кто еще въ состояніи цѣнить такія качества!“ Въ это же время Лафайетъ узналъ, что его намѣрены перевести въ другую крѣпость, куда нибудь поближе къ Польшѣ, и это было для него новымъ страшнымъ огорченіемъ. Переписка съ д'Эненъ должна будетъ прекратиться, а съ нею и извѣстія о судьбѣ жены, находившейся между жизнью и смертью. „Прощай же, моя дорогая жена, мои дѣти, моя тетка и вы, мой безцѣнный другъ, писалъ онъ въ прощальномъ письмѣ къ д'Эненъ, другъ, котораго

я буду любить до гробовой доски“. Скоро пришло другое извѣстie: Лафайетъ, Бюро де Пюзи и Латурь-Мобурь должны были быть переданы Пруссіей въ распоряженіе австрійскаго императора, что и дѣйствительно случилось двадцать второго апреля 1794 года. Плѣнники были отправлены въ Тропау, а оттуда въ крѣпость Ольмюцъ. Разлученные съ перваго же дня пребыванія въ Ольмюцѣ между собою и подвергшіеся утонченному мишенію австрійскаго правительства, плѣнники страдали здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Магдебургѣ. Условія содержанія политическихъ заключенныхъ въ австрійскихъ тюрьмахъ были таковы, что дали полную возможность Карлу Фоксу напасть на нихъ въ англійскомъ парламентѣ, а Сильвіо Пеллико заклеймить ихъ впослѣдствіи въ его „*le mie prigioni* *)“. Съ самаго вступленія Лафайета въ ольмюцкую тюрьму и до выхода изъ нея, т. е. до сентября 1797 года ему не позволено было официально писать никому ни одной строчки. Тайная переписка была также крайне рѣдка и опасна. Въ октябрѣ 1794 года гановерскій докторъ Больманъ при содѣйствіи укрывшихся въ Англіи друзей Лафайета, отправился въ Ольмюцъ и ему удалось завязать сношенія съ заключеннымъ. Вскорѣ Больманъ задумалъ устроить ему побѣгъ, планъ котораго былъ основанъ на возможности освобожденія Лафайета во время прогулки, которую иногда позволяли ему дѣлать въ каретѣ въ окрестностяхъ тюрьмы. Узнавши о задуманномъ планѣ, Лафайетъ писалъ Больману на поляхъ книги: „крайне тронутъ, мой великодушный другъ, вашими заботами, и не могу

*) „*Мои темницы*“. ЕсТЬ и русскій переводъ.

выразить вамъ всей полноты моей благодарности. Вѣсть о вашемъ прибытии вдохнула въ меня новыя надежды; вашъ пріѣздъ и полученные мною отъ васъ извѣстія о моей женѣ и нѣкоторыхъ друзьяхъ наполнили мое сердце самою живою радостью. Моя жена и мои дѣти здоровы; это для меня очень много, но еще недостаточно. Находится ли мое семейство теперь въ Шаваньякѣ и останется ли оно тамъ до тѣхъ поръ пока я вырвусь изъ когтей „коалиціонеровъ“? Въ Шаваньякѣ же у меня есть тетка, о которой вы, можетъ быть, слышали,— гдѣ она и что съ нею? На свободѣ ли мать и жена моего несчастнаго друга Ларошофуко? Хотя меня лишили, по странной заботливости нѣкоторыхъ лицъ, многихъ средствъ къ самоубійству, но я все-же недумаю воспользоваться тѣми, которыя еще остались въ моемъ распоряженіи и столько же забочусь о собственной „конституції“, какъ и о конституції національной. Мои силы еще хороши, и, добудь я паспортъ, я легко присоединился бы къ моимъ друзьямъ, но грудь у меня сильно болитъ, и я смотрю на свои прогулки въ два дня разъ, какъ на лучшее лекарство... Я гуляю въ сюртукѣ и круглой шляпѣ въ сопровожденіи офицера и тюремщика въ формѣ капрала. Послѣ завтра, въ воскресенье, будетъ моя прогулка“. Далѣе было приписано лимоннымъ сокомъ: „у меня нѣть времени, мой другъ, входить въ детали (дѣло шло о тюремномъ докторѣ, черезъ котораго Лафайетъ сносился съ Больманомъ). Я это сдѣлаю, если тюремный докторъ согласится принести мнѣ другую книгу. Скажу только, что приняты всякия предосторожности противъ возможности обыкновенного побѣга и что для успѣха дѣла намъ придется при-

думать что нибудь совершенно непредвидѣнное тюремщиками. Мои друзья Латуръ Мобуръ и Бюро де Пюзи также въ этомъ убѣждены. Поэтому то я и просилъ дать мнѣ прогулку, а они для себя ее не требуютъ. Это даетъ нѣкоторые шансы. Чѣмъ болѣе предпріятіе будетъ казаться безразсуднымъ, тѣмъ скорѣе оно удастся“.

Въ дѣлѣ освобожденія Лафайета принялъ неожиданное участіе новый помощникъ. По своимъ дѣламъ пріѣхалъ въ Вѣну, окончивши курсъ медицины въ Лондонѣ, сынъ американского маира Гугера, съ которымъ Лафайетъ познакомился еще въ Нордъ-Айландѣ. Въ одномъ кафе, которое посѣщалъ молодой американецъ, онъ встрѣтился съ докторомъ Больманомъ. Это было въ октябрѣ 1794 года. Оба врача много разговаривали о Соединенныхъ Штатахъ и обѣ услугахъ, оказанныхъ американскому дѣлу Лафайетомъ. Послѣ этого Больманъ довѣрилъ Гугеру, что онъ познакомился въ Англіи съ друзьями Лафайета Лелли-Толлендалемъ, мужемъ и женою Чѣчъ изъ Нью-Йорка, американскимъ посланникомъ майоромъ Пинкнеемъ и другими, и что они дали ему порученіе узнать, гдѣ находится Лафайетъ и употребить всѣ мѣры для его освобожденія. Съ этою цѣлью, Больманъ объѣхалъ нѣсколько австрійскихъ крѣпостей и теперь онъ узналъ, что Лафайетъ находится въ Ольмюцѣ. Ему удалось уже завязать съ заключеннымъ сношенія черезъ тюремнаго доктора, сообщить ему извѣстія о его семье и предложить ему планъ побѣга изъ тюрьмы. На предложеніе Больмана принять участіе въ этомъ дѣлѣ, Гугеръ съ радостью согласился. Послѣ этого Больманъ условился съ Лафайетомъ встрѣтиться съ нимъ во время его

прогулки въ экипажъ. Во время встречи Лафайетъ долженъ былъ приложить ко лбу носовой платокъ, подавши тѣмъ условный знакъ для нападенія. Въ назначенный день Больманъ и Гугеръ отправили карету въ находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ольмюца деревню Хоффъ, а сами поѣхали къ крѣпости верхомъ на лошадяхъ. Завидя выѣзжающій изъ крѣпости экипажъ, всадники дали шпоры лошадямъ и быстро помчались впередъ. Условный знакъ былъ данъ, и вслѣдъ затѣмъ Лафайетъ схватился за рукоятку шпаги стражника и пытался вытащить ее изъ ноженъ. Между ними началась борьба. Стражникъ схватилъ Лафайета за горло, но подскочившіе всадники помогли узнику выскочить изъ экипажа. Больманъ старался зажать ротъ стражнику, который громко звалъ на помощь и жестоко искасалъ ему руку. Въ то же время Гугеръ передалъ Лафайету свою лошадь и два карманныхъ пистолета, сказавши ему по англійски: „go to Hoff“ т. е. поѣзжайте въ Хоффъ. Деревня Хоффъ была непрѣдѣльна Лафайету и онъ принялъ это название за англійскую частицу „off“, думая, что ему сказали „go off“ т. е. „ѣзжайте“ и онъ поскакалъ по прямому направлению. Гугеръ вскочилъ на крупъ лошади Больмана и оба они хотѣли послѣдовать за Лафайетомъ, но лошадь заартачилась, начала бить и сбросила обоихъ всадниковъ. Видя, что имъ вдвоемъ все равно не уйти, Гугеръ убѣдилъ Больмана скакать за Лафайетомъ и остался одинъ. Вскорѣ его окружили солдаты, арестовали и отвели въ крѣпость. Между тѣмъ, Лафайетъ, не зная куда емуѣхать, блуждалъ безъ дороги, и скоро окончательно заблудился. Проскакавши верстъ тридцать, онъ подѣхалъ къ Штернбергу. Его ло-

шадь изнемогала отъ усталости. Встрѣтивши одного крестьянина, Лафайетъ спросилъ его, гдѣ бы ему взять другую лошадь и достать проводника для поѣздки за границу. Крестьянинъ обѣщалъ помочь, но, вмѣсто того увѣдомилъ объ этомъ полицію и Лафайетъ былъ снова арестованъ. Скоро одинъ мальчикъ удостовѣрилъ его личность и плѣнникъ былъ на слѣдующій же день снова отправленъ въ Ольмюцъ. Между тѣмъ, докторъ Больманъ, прибывши въ Хофъ, прождалъ тамъ Лафайета до ночи и, недождавшись его, перебрался въ Силезію, пробуждалъ тамъ нѣсколько времени, былъ арестованъ переданъ австрійскому правительству и тоже заключенъ въ Ольмюцъ. Австрійское правительство подумало сначала, что Больманъ и Гугеръ дѣйствовали не по собственной іниціативѣ, а какъ агенты обширнаго заговора. Желая вырвать отъ нихъ по этому поводу показанія, оно грозило имъ даже пытками, но черезъ четыре мѣсяца само убѣдилось, что никакого заговора не существовало и дѣло шло о простой попыткѣ освободить Лафаюта. Послѣ восьми мѣсяцевъ предварительного заключенія Больманъ и Гугеръ были преданы суду, который и приговорилъ ихъ къ каторжнымъ работамъ на одинъ мѣсяцъ. По отбытіи этого наказанія, оба врача были выпроважены за границу. Такъ окончилась единственная попытка освободить Лафайета насилиственнымъ путемъ, приведшая къ еще большему ухудшенію его положенія: его лишили совершенно прогулокъ и книгъ. О письмахъ же нечего было и думать.

Между тѣмъ Адріена Лафайетъ, пробывши нѣкоторое время въ Альтанѣ, рѣшиласьѣхать въ Австрію. Такъ какъ всѣмъ французамъ запрецентъ

былъ въ это время туда вѣзда, то она достала себѣ черезъ американское посольство паспортъ на имя гражданки Мотье изъ Гардфорда въ Конектикутѣ т. е. въ штатѣ, въ которомъ Лафайетъ и его семейство были дѣйствительно натурализованы. Прибывши въ Вѣну, Адріена явилась къ старшему камергеру императорскаго двора князю Розенбергу и умоляла его испросить ей разрѣшеніе раздѣлить участъ мужа. Розенбергъ былъ тронутъ и обѣщалъ выхлопотать ей аудіенцію у императора. Вскорѣ аудіенція эта была дана, и Адріена явилась къ императору въ сопровожденіи своихъ обѣихъ дочерей. На просьбу позволить ей раздѣлить заключеніе мужа, императоръ отвѣчалъ: „это я вамъ разрѣшаю. Но что касается свободы Лафайета, то она невозможна. Мои руки связаны“. Затѣмъ императоръ позволилъ Адріенѣ обращаться въ случаѣ надобности непосредственно къ нему и уверялъ ее, что режимъ въ Ольмюцѣ превосходный. „Вы будете довольны, прибавилъ онъ, и комендантомъ. Заключенные въ крѣпости известны ему, правда, только подъ нумерами, но онъ, конечно, хорошо знаетъ имя вашего мужа“. Однако, несмотря на такой пріемъ, Адріенѣ пришлось провести въ Вѣнѣ еще восемь дней, прежде чѣмъ ей удалось уѣхать въ Ольмюцъ. Въ это время она представлялась австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ Тугуту и убѣдилась, какъ глубоко ненавидѣлъ онъ французскую Революцію вообще и Лафайета въ частности. Надежды на скорое освобожденіе мужа стало у Адріены послѣ этого визита еще меньше. Передъ самимъ ея отѣздомъ въ Ольмюцъ, Адріену пригласилъ къ себѣ военный министръ Феррари. „Считаю себя обязаннымъ про-

сить васъ поразмыслить о принимаемомъ вами рѣшеніи, сказамъ онъ ей. Я долженъ васъ предупредить, что вамъ будетъ очень плохо, ибо режимъ крѣпости крайне неудобенъ для васъ и вашихъ дочерей". Адріена не захотѣла его слушать дальше и вскорѣ отправилась въ Ольмюцъ. Перваго октября 1795 года семейство Лафайета въѣхало въ крѣпость. Дочь Адріены, впослѣдствіи, госпожа де Ластери, разсказываетъ, что, когда ея мать увидѣла издали зубчатыя башни Ольмюца, то была страшно взволнована и отъ слезъ долгое время не могла сказать ни слова. Наконецъ, онъ прибыли. Лафайетъ не былъ предувѣдомленъ о прїѣздѣ жены и дочерей. Три года тюремнаго заключенія, одиночество, беспокойство и всякаго рода лишенія глубоко потрясли его организмъ. Въ первыя минуты свиданія съ женою узникъ не былъ даже въ состояніи задавать ей никакихъ вопросовъ. Только вечеромъ, когда его дочери были заперты въ соѣднюю камеру, Лафайетъ узналъ отъ Адріены, что она потеряла на гильотинѣ мать, сестру и бабушку...

Феррари сказалъ правду. Адріена была подвергнута очень суровому режиму. Въ одномъ изъ писемъ къ де Тессе она такъ описываетъ первое время своего пребыванія въ крѣпости: „не успѣли мы повидаться съ Лафайетомъ, какъ уже вмѣшились тюремщики и потребовали наши кошельки; осмотрѣ нашихъ вещей обнаружилъ, что при насъ находятся три серебряныя вилки, которыя и были тотчасъ же у насъ отобраны. Я написала объ этомъ коменданту. Онъ не отвѣтилъ. Я потребовала разрѣшенія написать императору, какъ это онъ мнѣ позволилъ, — не разрѣшили и этого. Тутъ я, по

крайней мѣрѣ, узнала, что мое прошеніе коменданту отослано въ Вѣну. Въ этомъ прошеніи я просила разрѣшить мнѣ: 1) ходить по воскресеньямъ вмѣстѣ съ дочерьми къ обѣдни; 2) имѣть для дочерей женскую прислугу и 3) имѣть мужскую для Лафайета. На все это я получила отказъ. Получивши черезъ шесть недѣль письма отъ моего отца и отъ васъ и позволеніе на нихъ отвѣтить, я воспользовалась случаемъ распоряжаться чернилами и перомъ и написала прошеніе Феррарі о томъ же съ прибавленіемъ, впрочемъ, еще просьбы разрѣшить мнѣ свиданія съ Латуръ-Мобуромъ и Бюро де Пюзи". На это прошеніе, какъ и на предыдущее послѣдовалъ полный отказъ. Тогда Адріена написала еще министру такое письмо:

„Соглашаясь съ радостью раздѣлить всѣ строгости заключенія Лафайета, я знаю, господинъ графъ, что на данное мнѣ позволеніе я должна смотрѣть, какъ на милость. Рѣшеніе мое нисколько не измѣнилось и я повторяю вамъ отъ себя и отъ дочерей, что всѣ мы чувствуемъ себя гораздо болѣе счастливыми даже здѣсь, въ этой тюрьмѣ, въ обществѣ Лафайета, чѣмъ гдѣ бы то ни было безъ него. Но позволяю себѣ напомнить вамъ, господинъ графъ, что въ данной мнѣ аудіенціи его императорское величество сказалъ мнѣ, что я найду условія, въ которыхъ находится Лафайетъ, вполнѣ хорошими и что я останусь вполнѣ довольна здѣшнимъ комендантомъ...“ Послѣ этого письма Адріенѣ разрѣшено было обратиться къ императору. Въ виду плохого состоянія своего здоровья Адріена обратилась тогда къ нему съ просьбою разрѣшить ей сѣѣздить на восемь дней въ Вѣну посовѣтваться съ врачами. Черезъ два мѣсяца къ ней

явился комендантъ крѣпости и объявилъ ей на словахъ, что ей позволено выѣхать изъ Ольмюца, но подъ условіемъ туда болѣе не возвращаться. Въ отвѣтъ на это Адріена написала такія строки:

„Я считаю своимъ долгомъ предъ моимъ семействомъ позаботиться о своемъ здоровьѣ, но цѣна, которую просятъ за такія заботы совершенно недоступна для меня. Я не могу забыть, что, когда мы находились на краю могилы, я, благодаря тираніи Робеспьера, а Лафайетъ, благодаря своимъ физическимъ и нравственнымъ страданіямъ въ тюрьмѣ, намъ не позволено было обмѣняться ни одной строчкой, дабы дать другъ другу вѣсть о томъ, что мы еще живы. Вспоминая это, я не соглашусь подвергнуться ужасу новой разлуки. Каково бы ни было состояніе моего здоровья и каковы бы ни были неудобства пребыванія здѣсь моихъ дочерей, мы, всѣ трое, будемъ продолжать съ радостью пользоваться разрѣшеніемъ, которое далъ намъ его величество, раздѣлить условія заключенія Лафайета до малѣйшихъ подробностей“.

Мать и дочери остались въ тюрьмѣ съ Лафайетомъ и добровольный плѣнъ ихъ продолжался двадцать три мѣсяца. Адріена, на сколько было возможно, занималась и въ тюрьмѣ воспитаніемъ своихъ дочерей. Въ это же время она написала на поляхъ толстаго тома сочиненія Бюффона жизнеописаніе своей матери, герцогини д'Эйенъ. Такъ шло время для узниковъ, почти безъ всякихъ надеждъ на будущее. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ либераловъ старались завязать сношенія съ семействомъ Лафайетовъ, но послѣ попытки Больмана это было очень трудно. Только ректору ольмюцкаго университета удалось начать съ Адріеною тайную

переписку и сообщать ей нѣкоторыя политическія новости. Возможностью этой Адріена воспользовалась прежде всего для того, чтобы написать письмо Больману, въ которомъ она горячо благодарила гановерскаго врача за его расположение къ Лайфайету. Но вскорѣ и эта переписка прекратилась, и заключенные оказались отрѣзанными отъ всякоаго сообщенія съ виѣшнимъ міромъ.

XX.

Событія французской Революціи произвели сильное впечатлѣніе на интеллигентныхъ людей всей Европы. Поэтъ Клопштокъ привѣтствовалъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ взошедшее во Франції „новое солнце“. Знаменитый Гете, не сочувствовавшій, какъ известно, Революціи, тѣмъ не менѣе, послѣ отраженія французами прусской атаки при Вальми, съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и самимъ прусскимъ королемъ во главѣ, сказалъ окружающимъ его на военномъ бивуакѣ: „на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день началась новая эра во всемирной исторіи, и вы всѣ можете потомъ говорить, что присутствовали при ея рожденіи“ *). Въ англійскомъ парламентѣ происходили бурныя пренія по вопросу о вмѣшательствѣ Англіи во французскія дѣла. Въ преніяхъ этихъ, известія о которыхъ разносились по всей Европѣ, ясно высказывались мнѣнія лучшихъ людей Англіи о событияхъ, происходившихъ „по ту сторону Ламанша“. Несмотря на всѣ старанія эмигрантовъ отождествить дѣятельность французскихъ террористовъ съ принципами

*) Карбевъ, т. III. стр. 575.

1789 года, общественное мнѣніе Англіи не смышивало ихъ; и Деклараций Правъ попрежнему вызывала тамъ энтузіазмъ. Это иначе и быть не могло, ибо Англія уже и тогда далеко ушла впередъ по пути совершенно новыхъ соціально-экономическихъ отношеній. Вотъ почему тамъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь интересовались и личною судбою самого автора Деклараций Правъ, томящагося въ прусскихъ и австрійскихъ казематахъ. Въ Англіи въ это время жилъ товарищъ Лафайета по Учредительному Собранию Лелли-Толендалъ, умѣренный конституціоналистъ, скрывшійся за границу отъ преслѣдований Комитета Общественного Спасенія. Онъ то и возвысилъ громко свой голосъ въ защиту Лафайета, обратившись къ прусскому королю съ такимъ открытымъ письмомъ:

„Государь! Васъ увѣряютъ, что заключеніе Лафайета и всѣ страданія, которыя онъ переносить, узаконяются заключеніемъ и казнью Людовика XVI. Дѣлая такой выводъ, очевидно, желаютъ обмануть короля. Лафайетъ погибъ именно потому, что хотѣль спасти Людовика. Онъ могъ занять первое мѣсто въ Республике, но онъ отвергъ его...

„Все это математическиѣ вѣрно. „Онъ нашъ, сказала принцесса Елизавета госпожѣ де Тоннеръ въ іюнѣ 1792 года, необходимо забыть все старое“. „Надо ему отвѣтить, писалъ король въ началѣ іюля, что я безконечно тронутъ его преданностью мнѣ, заставляющею его рѣшаться на все“. Письмо, заключающее эти строки, въ моихъ рукахъ; посылаю Вашему Величеству съ него копію, также какъ и копію съ письма Лафайета Людовику, мною переданного королю.

„Я не пристрастенъ. Было время, когда я на

цѣлые два года прерваль отношенія съ тѣмъ, за котораго вступаюшь теперь. Въ то время и я обвинялъ его въ дѣятельности противъ короля, но Ваше Величество, можетъ быть, будете удивлены, если я скажу Вамъ, что представление о Лафайетѣ, какъ о причинѣ или одной изъ причинъ Революціи, лишено всякаго основанія: онъ игралъ въ ней великую роль, но не онъ былъ ея творцомъ или, выражаясь еще правильнѣе, онъ не былъ причастенъ ни къ одному злому дѣлу революціи, но дѣлалъ много добра.

Слѣдующіе два факта никто въ мірѣ не посмѣетъ отрицать. Послѣ возвращенія короля въ Парижъ **), главные вожди Конституанты собрались на совѣщаніе, на которомъ былъ поставленъ вопросъ о судѣ надъ королемъ и учрежденіи Республики. Споры были сильны, и противорѣчіе нѣкоторыхъ членовъ лишь еще болѣе поджигало другихъ принять жестокія мѣры. И дѣло было близко къ тому. Бывшій на этомъ собраніи Лафайетъ произнесъ одну только фразу: „если вы убьете короля, то, предупреждаю васъ, что національная гвардія и я провозгласимъ на другой же день королемъ наследнаго принца“. Послѣ этой фразы не было больше рѣчи ни о процессѣ короля, ни о Республики. Второй фактъ: семнадцатаго іюля 1791 года, т. е. въ то время, когда поведеніе Лафайета по отношенію къ королю въ Тюльри казалось столь черствымъ и преступнымъ, онъ сражался за него на Марсовомъ полѣ. Вотъ два факта, которые нельзя игнорировать не нарушая справедливости...

„Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ

**) Послѣ бѣгства и ареста Людовика.

я находился въ безпрестанной перепискѣ съ ЛаФайетомъ, и Людовикъ это зналъ. Его прокламація къ арміи, его знаменитое письмо Законодательному Собранию, его неожиданный пріѣздъ въ Парижъ въ страшные дни послѣ двадцатаго іюня,—все это было съ моего вѣдома. На слѣдующій день послѣ его прибытія въ Парижъ мы провели вмѣстѣ часть ночи. Мы совѣщались о томъ, какъ объявить войну якобинцамъ въ самомъ Парижѣ и хотѣли обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ сторонникамъ королевской власти и истинной свободы, этихъ двухъ нераздѣльныхъ вещей, ко всѣмъ встревоженнымъ собственникамъ, ко всѣмъ многочисленнымъ угнетеннымъ, водрузить на площади монархическое знамя съ надписью на немъ: „ни якобинцевъ, ни Кобленца!“, произнести рѣчъ, увлечь гражданъ слѣдовать за нами на якобинцевъ и арестовать ихъ вождей. ЛаФайетъ желалъ этого всѣми силами души. Онъ тогда же сказалъ королю: „надо уничтожить якобинцевъ физически и нравственно“.

„Его робкіе друзья, находившіеся правителями департамента и членами Законодательного Корпуса, не соглашались на это. Тогда онъ клялся имъ, что по возвращеніи въ дѣйствующую армію онъ попытается при помощи ея освободить короля. Двое друзей Людовика, изъ которыхъ одинъ имѣлъ тогда же особую аудіенцію у королевы, а другой пользовался до конца довѣріемъ принцессы Елизаветы, были свидѣтелями нашей бесѣды. Они видѣли, какъ обнимая при прощаніи ЛаФайета, я сказалъ ему: „я еще могу быть вашимъ другомъ“, и всѣ мы были вполнѣ удовлетворены чувствами, которыя питалъ ЛаФайетъ.

„Возвратившись въ армію, онъ хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе. Остальное извѣстно...

„Государь! Оканчивая это письмо, я чувствую невольное колебаніе: я спрашиваю себя, какъ примите его Ваше Величество и смѣю ли я его вамъ посыпать. Но одна мысль подкрѣпляетъ меня. Я вступаюсь за судьбу несчастнаго, я служу органомъ выраженій чувствъ жены, которая требуетъ своего мужа, дѣтей, требующихъ своего отца. Я защищаю того, поведеніе котораго я обрисовалъ. Я говорю то, что мнѣ хорошо извѣстно, что я считаю справедливымъ и въ спасительность чего вѣрю. Вѣдь, я говорю племяннику великаго Фридриха. Равный своему дядѣ въ военныхъ доблестяхъ, да будетъ онъ равенъ ему и въ мудрости и въ великолѣдущи. Мое письмо окончено“.

Это письмо не достигло цѣли. Чѣмъ болѣе становилась ясною роль Лафайета во время Революціи, т. е. чѣмъ болѣе подчеркивалась его готовность на борьбу не только съ якобинцами, но и съ „Кобленцомъ“, тѣмъ болѣе считалъ его опаснымъ человѣкомъ и почти личнымъ врагомъ король Пруссіи.

Въ это же время произошли и тѣ дебаты въ английскомъ парламентѣ, о которыхъ было упомянуто выше. Первымъ, заговорившимъ въ парламентѣ о несправедливомъ заключеніи Лафайета, былъ одинъ изъ его противниковъ на американскихъ поляхъ битвъ, другъ лорда Корнвализса, генералъ Фитцъ-Патрикъ. Онъ требовалъ, чтобы парламентъ высказалъ свое мнѣніе о незаконности задержанія Лафайета вскорѣ послѣ его ареста, но тогда всѣ находились подъ впечатлѣніемъ начавшихся грозныхъ событий во Франціи, и онъ почти не нашелъ

себѣ поддержки. Къ этому же вопросу вернулся Фитцъ-Патрикъ и въ 1796 году.

„Французская Революція, сказаль онъ, настолько великое событие, что всякое обстоятельство, такъ или иначе съ нею связанное, не можетъ не имѣть вліянія на интересы и политику другихъ народовъ“, и затѣмъ, напомнивъ о своемъ прежнемъ требованіи вмѣшательства Англіи въ дѣло Лафайета, онъ продолжалъ: „мнѣ скажутъ, пожалуй, что теперь обстоятельства измѣнились въ самой Франціи, что въ ней ослабѣлъ политической смыслъ. Если бы даже это было и правда, хотя я далекъ отъ подобного мнѣнія, если бы потерялъ черезъ это значеніе мой первый мотивъ, то все же остается второй, такъ какъ истекшее время принесло лишь новые муки знаменитымъ плѣнникамъ.

„Никогда не давали удовлетворительного отвѣта,— никогда его и не дадутъ,— на вопросъ, сотни разъ задаваемый друзьями заключенныхъ: по какому праву заключили вы въ ваши тюрьмы людей, которые, по рожденію, не принадлежать къ вашимъ подданнымъ, которые не могутъ быть рассматриваемы, какъ военноплѣнныи и которые не совершили на вашей территории никакого преступленія, предусмотрѣнного вашими законами!

„Странно устроено сердце у тѣхъ, которые могутъ такъ чувствительно оплакивать несправедливыя страданія несчастной королевы Франціи и спокойно взирать на не менѣе, конечно, несправедливыя мученія несчастной супруги Лафайета, женщины-героини, образца всѣхъ добродѣтелей своего пола. Вырванная по волѣ Провидѣнія изъ когтей безжалостнаго Робеспьера, эта столь же несчастная, сколько и удивительная женщина, у которой почти

на глазахъ погибли подъ топоромъ бабушка, сестра, мать,— самые близкіе ей люди,— женщина, сама, можно сказать, пребывавшая цѣлый годъ у подножія эшафота въ ежедневномъ ожиданіи топора на свою злосчастную голову, эта женщина, неожиданно освобожденная паденiemъ своего преслѣдователя, тотчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы полетѣла на помошь къ своему мужу.

„Лично она готова была на всякое обращеніе съ нею въ австрійскихъ казематахъ,— она всего ожидала отъ режима жестокости. Но что должна была почувствовать она, когда ей наотрѣзъ отказали взять для себя и для ея дочерей женскую прислугу, когда она узнала, что даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, въ случаяхъ болѣзни, никому не дозволенъ входъ въ казематы ея дочерей,— двухъ молодыхъ и невинныхъ созданій,—кромѣ грубыхъ тюремщиковъ да пьяныхъ солдатъ?!

„Съ глубокою печалью, которую раздѣлять, я убѣжденъ въ томъ, всѣ здѣсь присутствующіе, я довожу до свѣдѣнія Палаты, что госпожа Лафайетъ продолжаетъ до настоящей минуты томиться въ томъ же положеніи, что состояніе ея здоровья внушаетъ серьезныя опасенія и что, если свобода не будетъ быстро возвращена несчастному семейству, то казематы стануть и могилою столькихъ добродѣтельныхъ людей.

„Я никогда не предположу, чтобы заявленіе, сдѣланное въ средѣ людей, управляющихъ свободной страной, противъ угнетенія могло произвести обратный эффектъ.

„Далекій отъ такого предположенія, я не думаю, чтобы мое заявленіе причинило вредъ дѣлу Лафайета, ибо, каковы бы ни были мои взгляды на

его принципы и его политическое поведение, я знаю одно, что онъ не захочетъ никогда купить свою свободу цѣною позорного отреченія отъ своихъ возврѣній.

„Я дѣлаю прелложеніе Палатѣ представить королю адресъ, въ которомъ выразить, что, по мнѣнію Палаты, заключеніе въ тюрьму генерала Лафайета, равно какъ и господъ Латуръ-Мобура и Бюро де Пюзи, есть дѣло несправедливое и компрометирующее, какъ его императорское величество, такъ и его союзниковъ“. На эту рѣчъ возражалъ знаменитый Вильямъ Питтъ. Онъ началъ съ напоминанія, что государственные люди не должны руководствоваться въ своихъ поступкахъ чувствами, какъ бы благородными ни были эти чувства сами по себѣ. „Критерій такихъ людей,—холодный разсудокъ и государственная польза. Съ этой точки зрѣнія, продолжалъ Питтъ, я прошу позволенія торжественно заявить, что не вижу рѣшительно никакого основанія для вмѣшательства англійского короля въ дѣло о заключеніи Лафайета или въ вопросѣ обѣ обращеніи съ нимъ и его семьей“.

Рѣчъ Питта вызвала, въ свою очередь, энергическая возраженія со стороны Фокса и известнагоabolюціониста Вильберфорса *).

Фоксъ обратилъ главнымъ образомъ внимание на слова австрійскаго императора, сказанныя имъ госпожѣ Лафайетѣ: „*мои руки связаны*“. Тщетно было бы стараться уяснить себѣ смыслъ этихъ

*) За страстную дѣятельность въ пользу освобожденія негровъ французское Национальное Собраніе дало Вильберфорсу право французского гражданства. Такое же право было дано Вашингтону, Кларксону, Шиллеру, Песталодци, Пристлею, Бентаму и Анахарсизу Клотсу. Это обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало Клотсу сложить голову на гильотинѣ.

словъ, говорилъ Фоксъ. Руки связаны,—но чѣмъ? Закономъ? Частными мнѣніями? Нѣтъ. Но чѣмъ же тогда? „Можно ли указать на участіе Лафайета хотя въ одномъ,—повторю!—хотя въ одномъ изъ преступлений, опозорившихъ французскую революцію? Можно не соглашаться съ его воззрѣніями, но нельзя не признавать чистоты его намѣреній“.

Вильберфорсъ настаивалъ на принятіи Палатой предложенія Фитцъ-Патрика и на поднесеніе королю адреса о необходимости вмѣшательства Англіи въ дѣло Лафайета.

Тори Уиндгэмъ (Wyndham) протестовалъ противъ вмѣшательства, заключивши свою рѣчь такими словами: „кто начинаетъ революцію, тотъ всегда будетъ достоинъ въ моихъ глазахъ тягчайшаго наказанія; мнѣ доставляетъ наслажденіе видѣть, какъ такие люди испиваются до дна ту чашу, которую они готовили для другихъ“.

Не смотря на новую блестящую рѣчь Фокса въ защиту предложенія Фитцъ-Патрика, большинство Палаты высказалось противъ вмѣшательства Англіи въ дѣло Лафайета.

Тѣмъ не менѣе, извѣстія о дебатахъ въ англійскомъ парламентѣ произвели сильное впечатлѣніе на всемъ европейскомъ континентѣ. Впечатлѣніе это усилилось вскорѣ еще болѣе дѣятельностью въ пользу Лафайета одного, укрывшагося въ Англіи француза, по имени Макле. Новый защитникъ ольмюцкаго узника былъ человѣкъ выдающагося образованія, прекрасный классикъ и знатокъ всѣхъ новыхъ европейскихъ языковъ. Во время Революціи Макле поступилъ на службу офицеромъ и въ эпоху Террора находился въ Страсбургѣ. Здѣсь онъ получилъ отъ одного изъ своихъ друзей извѣстіе

о грозившей ему опасности за „модерантизмъ“ (друзья Макле называли его „самымъ крайнимъ изъ умѣренныхъ“), и, спасая голову, скрылся въ Англію. Макле не только не былъ знакомъ съ Лафайетомъ, но даже никогда его не видѣлъ; тѣмъ не менѣе, вполнѣ раздѣляя убѣжденія и глубоко уважая личность маркиза, онъ предпринялъ цѣлый литературный походъ въ его защиту. Принявши псевдонимъ Элитера, Макле напечаталъ сначала въ англійской „Morning Chronicle“, а затѣмъ въ голландскихъ и гамбургскихъ газетахъ, описание жестокостей, которымъ подвергались въ тюрьмѣ Лафайетъ и его друзья. Раздраженное австрійское правительство послало въ Лондонъ множество шпіоновъ, съ цѣлью открыть личность таинственного писателя, скрывающагося подъ псевдонимомъ Элитера, но всѣ старанія сыщиковъ оказались тщетными. Послѣ этого глава вѣнскаго кабинета Тугутъ счелъ нужнымъ выступить въ газетахъ съ опроверженiemъ „клеветы“, взводимой на австрійское правительство Элитеромъ. Тѣмъ временемъ Макле удалось завязать сношенія съ Лафайетомъ и его друзьями и достать ихъ собственноручныя описанія крѣпостныхъ порядковъ. Однимъ изъ такихъ описаній, принадлежавшихъ перу Латуръ Мобура и воспользовался Макле для напечатанія отвѣта Тугуту, а въ его лицѣ и всему вѣнскому кабинету. Для большаго эффекта онъ озаглавилъ свою новую статью въ „Morning Chronicle“—„письмами одного австрійского офицера къ его брату“. Въ письмахъ этихъ описывались всѣ ужасы застѣнка. Возражать было трудно и австрійское правительство замолчало. Такъ прошелъ 1796 годъ.

XXI.

Толпившіся въ Вѣнѣ французскіе эмигранты только и мечтали, что о возстановленіи во Франції монархіи, а съ нею и всѣхъ ниспровергнутыхъ Революціей феодальныхъ учрежденій. Послѣднее обстоятельство подрывало въ корень всѣ ихъ замыслы, ибо въ самой Франціи, если и было много сторонниковъ умѣренно конституціонной монархіи, то самая мысль о полномъ возвращеніи къ „старому режиму“ была ненавистна даже въ средѣ такихъ лицъ. Безъ возстановленія же соціального феодализма сама по себѣ идея роялизма теряла въ глазахъ эмигрантовъ всякий смыслъ и они надѣялись, поэтому, на осуществленіе своихъ плановъ исключительно помошью иностранныхъ войскъ. Отсюда явилась ихъ совершенно одинаковая ненависть и къ республиканцамъ и къ партизанамъ конституціонной монархіи. „Лафайета надо повѣсить“, серьезно говорилъ въ вѣнскомъ солонѣ господи д'Оденаръ эмигрантъ Лавопильеръ, и, когда находившійся тутъ же известный американецъ Моррисъ попробовалъ возражать „бѣлому якобинцу“, то услышалъ отъ Лавопильера такія мысли и задушевныя пожеланія, что, возвратившись домой, тогда же занесъ въ свой дневникъ слѣдующія характерные строки:

„Слушая смѣшныя претензіи этихъ господъ и въ особенности тонъ, которымъ онѣ высказываются, я почти забываю про всѣ преступленія французской революціи“.

Моррисъ прибылъ въ Вѣну осенью 1796 года. Зная его симпатіи къ Лафайету, многія лица об-

ращались къ нему съ письмами и просьбами сдѣлать все возможное для освобожденія заключенныхъ. Въ числѣ такихъ писемъ онъ получилъ и письмо госпожи Сталь, написанное сю изъ Коппе двадцать первого ноября 1796 года.

„Monsieur,—писала она ему,—я не имѣю никакого права обращаться къ вамъ. Я васъ очень уважаю, но кто же васъ не уважаетъ? Я преклоняюсь предъ вашими талантами, но и въ этомъ отношеніи я, конечно, не одна. Успокаиваю себя тѣмъ, что просьба, съ которой я къ вамъ обращаюсь, будетъ лишь слабымъ повтореніемъ желаній вашего собственного сердца. Имѣете ли вы въ виду политическія соображенія или нѣтъ, путешествуя въ настоящее время по Германії и Австрії, это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, но вы безъ сомнѣнія, имѣете вліяніе на ходъ политическихъ событий, ибо не могутъ же государственные люди странъ, по которымъ вы путешествуете, быть настолько неразумными, чтобы не совѣщаться о дѣлахъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Откройте же двери темницы Лафайета! Вы уже спасли жизнь его женѣ, спасите же и все семейство! Заплатите долгъ вашей страны! Какую большую службу можно сослужить своей родинѣ, какъ не уплатить за нее долгъ благодарности! Едва ли возможно больше бѣдствій, чѣмъ сколько ихъ посыпалось на голову Лафайета! Никогда еще несправедливость столь очевидная не совершилась такъ явно на глазахъ всей Европы.

„Я сокрушаюсь, какъ никто, о судьбѣ Лафайета. Я не на столько самоувѣренна, чтобы думать, что мои просьбы могутъ такъ или иначе повлиять на вашъ образъ дѣйствій въ дѣлѣ Лафайета, но вы

не можете воспрепятствовать мнѣ глубоко уважать васъ и быть на столько благодарной вамъ, какъ будто исключительно по моей просьбѣ сдѣлали вы дѣло, исполненія котораго ждутъ отъ васъ человѣчность, ваша собственная слава и оба полушарія земли“.

Моррисъ отвѣталъ на это письмо госпожи Сталь, но выражалъ мало надеждъ на осуществленіе ихъ обоюднаго желанія. Тогда Сталь написала ему еще письмо, помѣченное вторымъ декабря 1796 года:

„Monsieur! Пребываніе ваше въ городѣ, изъ котораго вы мнѣ пишете, внушаетъ мнѣ надежду на все хорошее. Невозможно, чтобы ваши хлопоты не увѣнчались успѣхомъ! Судьба хранить для васъ это славное дѣло. Вещь возможная, что протестъ британскаго парламента былъ безтактенъ, но возможно ли возлагать за это отвѣтственность на несчастную, о которой шла рѣчь? Вѣдь, императоръ принялъ госпожу Лафайетъ очень любезно. Говорятъ, что онъ гуманенъ и справедливъ. Если это такъ, то можетъ ли онъ допустить, чтобы жену содержали также строго, какъ и мужа? Жену и дѣтей!

„Чего же ждутъ министры? Не того ли, чтобы враги Лафайета потребовали его казни? Мнѣ кажется, что, если вы поговорите только одинъ часъ съ тѣми, отъ которыхъ зависитъ судьба Лафайета, то все будетъ решено *).

„Мысль о возможности положить конецъ бѣдствіямъ Лафайета и что этимъ мы будемъ обязаны вашимъ условіямъ, мысль эта возбуждаетъ во мнѣ

*) Вотъ до чего доходила иногда наивность знаменитой писательницы!

такое волнение, что я не могу не выразить его, хотя и сознаю все неудобство обращаться къ вамъ съ этимъ вторымъ письмомъ. Примите его одновременно и какъ выражение моего къ вамъ уваженія и какъ доказательство моего состраданія къ Лафайету“.

Въ это же время Моррисъ получилъ письмо отъ сестры Адріены, госпожи де Монтегю изъ Плоэна (въ Голстинії). Въ письмѣ этомъ Монтегю писала:

„Моя сестра была на волосъ отъ смерти, когда вы вырвали ее изъ парижской тюрьмы. Ея любовь къ мужу и чувство долга заставили ее вмѣстѣ съ дочерьми переступить затѣмъ порогъ Ольмюцкой крѣпости, въ которой недостатокъ воздуха подтачиваетъ ея жизнь. Ея мужъ, страдающій сильно грудью и лихорадкой, также окончить, вѣроятно, скоро свои дни и нѣжно любимыя ими дѣти увидѣть смерть тѣхъ, кого онѣ явились утѣшать.

„Госпожа Лафайетъ просила позволенія провести нѣсколько дней въ Вѣнѣ, дабы посовѣтываться съ врачами. Въ этомъ ей не только отказали, но и заявили, что, если она выйдетъ хотя на минуту изъ крѣпости, она больше туда не возвратится. Ей оставалось или покинуть мужа или подвергнуться всѣмъ строгостямъ заключенія. Она не колебалась въ выборѣ...

„Я взяла на себя смѣлость написать письмо императору, въ которомъ обращала его вниманіе на неизвѣстныя ему жестокости тюремщиковъ. Мое письмо осталось безъ отвѣта. Тотъ, кого Европа считаетъ въ числѣ своихъ гражданъ, кѣмъ такъ гордится Сѣверная Америка, — не долженъ ли воззвысить свой голосъ въ защиту гражданина Соеди-

ненныхъ Штатовъ? Да, безъ сомнѣнія, и вотъ по чему я прошу вашей защиты для Лафайета передъ императоромъ и австрійскимъ правительствомъ“.

Моррисъ началъ дѣйствовать и помимо этихъ писемъ, но письмо госпожи де Монтагю ему пригодилось. Вскорѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Тугутомъ, во время которого далъ ему цѣнныя политическія указанія. Воспользовавшись затѣмъ благопріятной минутой, Моррисъ показалъ ему письмо госпожи де Монтагю и просилъ его освободить Лафайета. Тугутъ замѣтилъ, что, по всей вѣроятности, это можно будетъ сдѣлать послѣ заключенія мира съ Франціей, но Моррисъ этимъ не удовольствовался и въ числѣ другихъ доводовъ представлялъ Тугуту, что освобожденіе Лафайета произведетъ самое хорошее впечатлѣніе въ Англіи. Тугутъ замѣтилъ на это, что, если Англія потребуетъ настойчиво освобожденія Лафайета, то австрійское правительство будетъ очень радо отъ него отдѣлаться такимъ способомъ. Но на это разсчитывать было еще трудно.

Общественное мнѣніе въ самой Франціи склонялось, между тѣмъ, уже въ пользу Лафайета. Со времени паденія Робеспьера „модерантизмъ“, а слѣдовательно, въ частности и „лафайетизмъ“ перестали составлять преступленіе, за которое можно было поплатиться головами. Естественное переутомленіе повлекло за собою вялость, апатію, индифферентизмъ къ общественнымъ дѣламъ, черты, отличавшія режимъ Директоріи. Только виѣшнія войны продолжали занимать вниманіе изнемогшаго въ колоссальной борьбѣ общества. „Общий характеръ исторіи Франціи при Директоріи, говоритъ г. Карьевъ, можетъ быть опредѣленъ словами: „эпоха виѣшнихъ побѣдъ и внутренняго безсилія“. При такихъ усло-

віяхъ представлениe объ „измѣнѣ“ Лафайета утратило свою ъдкость, а воспоминанія объ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу свободы въ Америкѣ и Европѣ и объ его послѣдующей судьбѣ въ казематахъ Пруссіи и Австріи окружало его личность свѣтлымъ ореоломъ. Во время прелиминарныхъ переговоровъ о мирѣ въ Любекѣ *) уже намекалось на Лафайета упоминаніемъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Что пунктъ этотъ имѣлъ въ виду и Лафайета видно изъ того, что, вслѣдъ за подписаніемъ прелиминарныхъ условій мира, къ Бонапарту, побѣдоносному полководцу итальянской арміи и будущему императору Франціи, прибылъ генералъ Кларкъ и передалъ ему письмо отъ президента Директоріи Карно, которое гласило:

„Вслѣдствіе поступающихъ новыхъ ходатайствъ о судьбѣ ольмюцкихъ плѣнниковъ, Директорія напоминаетъ вамъ, гражданинъ-генералъ, о своемъ ранѣе заявленномъ желаніи видѣть заключенныхъ освобожденными насколько возможно раньшe. Директорія не сомнѣвается, что вы раздѣляете тѣ же чувства, которыя возбуждаютъ въ ней несчастія узниковъ“.

По прочтеніи этого письма Бонапартъ и Кларкъ представили австрійскому правительству черезъ министра де Галло ноту, въ которой было сказано:

„Нижеподписавшіеся уже имѣли честь заявить г. маркизу де Галло въ Любекѣ, что Республика принимаетъ большое участіе въ судьбѣ ольмюцкихъ плѣнниковъ; они надѣются, что г. де Галло доложитъ Его Императорскому Величеству о желаніи Республики, чтобы названные плѣнники были вы-

*) Въ Штиріи, гдѣ были подписаны предварительныя условія Кампіо-Формійскаго договора.

пущены на свободу съ правомъ уѣхать въ Америку или какую нибудь другую страну, но безъ права возвратиться во Францію“.

По этому поводу императору сдѣлалъ докладъ Тугутъ. „Я согласенъ освободить ихъ, сказалъ императоръ, но, находя несовмѣстнымъ исповѣдуемые Лафайетомъ принципы съ спокойствiemъ моего государства, полагаю необходимымъ потребовать отъ нихъ письменное обязательство въ томъ, что нога ихъ никогда не будетъ въ Австріи безъ специального на то разрѣшенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ выразилъ желаніе провѣрить, на сколько были справедливы слухи, распускаемые заграницей о жестокомъ обращеніи съ Лафайетомъ, его женою и его друзьями.

Оба эти порученія были возложены на генерала маркиза де Шателе, который и отправился немедленно въ Ольмюцъ. Спрошенный объ обращеніи съ нимъ, Лафайетъ сначала уклонился отъ всякаго отвѣта, но потомъ сказалъ, что находить „варварствомъ распоряженіе лишить его всякихъ извѣстій о женѣ и дѣтяхъ въ то время, когда онѣ жили подъ топоромъ якобинцевъ, равно какъ и свое полное одиночество, ибо съ находящимися въ тридцати саженяхъ отъ него Латуръ Мобуромъ и Бюро де Пюзи онѣ не видѣлся ни одного раза въ течение трехъ лѣтъ своего пребыванія въ Ольмюцѣ“.

Госпожа Лафайетъ заявила Шателе, что не могла добиться, чтобы для ея дочерей дали двѣ отдѣльныя кровати, несмотря на то, что одна изъ дочерей заболѣла заразительной болѣзнью, что было жестоко лишать ее всякихъ извѣстій о сынѣ, что она жаловалась на эти притѣсненія въ Вѣну, но никакого отвѣта не получила.

Въ этомъ же родѣ отвѣчали Латуръ Мобуръ и Бюро дѣ Пюзи.

Затѣмъ Шателе снова зашелъ въ камеру Лафайета и заявилъ ему, что императоръ требуетъ немедленнаго отѣзда его, тотчасъ же по освобожденіи, въ Америку. „Императоръ приказалъ арестовать меня на нейтральной почвѣ, вопреки всякимъ правамъ, отвѣчалъ съ жаромъ Лафайетъ, и теперь я вовсе не намѣренъ отдавать ему отчетъ ни въ своемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, ни въ своихъ планахъ. Я не приму на себя никакого обязательства, которое могло бы дать императору какія бы то ни было права надъ мою личностью“. Тогда императорскій посланный прямо сказалъ Лафайету, что въ Европѣ составился на него взглядъ какъ на главу новаго ученія и потому, имѣя въ виду несомнѣмость исповѣдуемыхъ имъ принциповъ со спокойствіемъ австрійской монархіи, Его Величество руководствуется государственными соображеніями, запрещая ему переступать границу Австріи безъ особаго на то разрешенія. Лафайетъ отвѣтилъ съ проніей, что императоръ дѣлаетъ ему много чести, вступая съ нимъ въ договоръ, какъ равный съ равнымъ и считая его, простого смертнаго, столь страшнымъ для своей обширной монархіи. Затѣмъ, онъ сказалъ, что не имѣеть и самъ никакого желанія видѣть ни австрійскій дворъ, ни австрійскую территорію не только безъ позволенія, но если бы даже получилъ специальное приглашеніе, но что у него есть такія же обязанности по отношенію къ французскому народу, какъ у Шателе по отношенію къ своему государю. Шателе замѣтилъ на это, что онъ не уполномоченъ пускаться съ Лафайетомъ въ подобныя разсужденія и

что онъ вечеромъ пошлетъ курьера въ Вѣну съ донесенiemъ, что его переговоры съ Лафайетомъ не привели ни къ чему. Лафайетъ спросилъ холдно, въ которомъ часу отправится курьеръ, и когда Шателе отвѣтилъ, что въ семь, онъ потребовалъ, чтобы ему разрѣшили свиданіе съ Латуръ Мобуромъ и Бюро де Пюзи, дабы они могли совмѣстно рѣшить, какъ имъ поступить въ данномъ случаѣ. Требуемое свиданіе было разрѣшено, и въ первый разъ послѣ вступленія въ ольмюцкую тюрьму друзья обнялись. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ изліяніямъ радости свиданія, всѣ трое пришли къ немедленному соглашенію относительно отвѣта императору. Отвѣтъ этотъ, редактированный Лафайетомъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Намъ кажется, что возложенное на маркизаде Шателе порученіе можетъ быть сведено къ тремъ пунктамъ:

1) Его Императорское Величество желаетъ знать, какъ меня содержали. Я не намѣренъ приносить ему по этому поводу никакихъ жалобъ. Нѣкоторые подробности объ этомъ находятся въ письмахъ моей жены, и если Его Императорскому Величеству недостаточно для сужденія объ этомъ перечитать присланную сюда обь насть изъ Вѣны инструкцію, то тогда я могу дать маркизу де Шателе желаемыя справки.

2) Его Императорское Величество желаетъ, чтобы немедленно по освобожденіи я уѣхалъ въ Америку. Это было и мое собственное давнишнее желаніе, которое я не разъ высказывалъ, но такъ какъ въ данный моментъ мой утвердительный отвѣтъ призналъ бы за императоромъ право распоряженія моей личностью, то считаю неудобнымъ удовлетворить этому требованію.

3) Его Императорское Величество дѣлаетъ мнѣ

честь указаніемъ на несовмѣстимость исповѣдуемыхъ мною принциповъ съ спокойствиемъ австрійской монархіи и не желаетъ, поэтому, чтобы я когда либо прїезжалъ въ Австрію безъ спеціального на то разрѣшенія. Существуютъ обязанности, отъ которыхъ нельзя уклоняться. Такія обязанности лежать на мнѣ по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ и въ особенности по отношенію къ Франціи и, потому я не могу брать на себя никакихъ обязательствъ, которыя бы противорѣчили правамъ моего очечества на мою личность. За этими исключеніями я могу увѣрить генерала маркиза де Шателе въ своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи не вступать на территорію, принадлежащую Его Величеству королю Богеміи и Венгрии“.

Тонъ этого заявленія и манера изложенія не понравились императору и онъ отказалъ выдать приказъ объ освобожденіи плѣнниковъ. Съ этого момента дѣятельную роль въ освобожденіи Лафайета принялъ его старый пріятель, служившій у него адьютантомъ во французской арміи Людовикъ Ромефъ. Онъ служилъ въ описываемое время въ штабѣ генерала Кларка, который, зная разположеніе его къ Лафайету, далъ ему дипломатическое порученіе въ Вѣну по вопросу о судьбѣ ольмюцкихъ плѣнниковъ. На посланную Кларкомъ и Бонапартомъ ноту австрійское правительство тогда еще ничего не отвѣчало. Въ это же время Тугутъ, бесѣдя съ секретаремъ Кларка Перре, остановился на мысли передать Лафайета американскому консулу Джону Паричу съ тѣмъ, чтобы послѣдній отправилъ его въ Америку или Голландію. За эту мысль и ухватился Ромефъ. По прибытии въ Вѣну, онъ увидѣлся съ де Галло и съ его и Тугута вѣдома

написалъ Лафайету письмо, въ которомъ, увѣдомляя его о полученномъ имъ порученіи употреблять всякия мѣры для его освобожденія и обѣ участій, которое признаютъ въ его судьбѣ генералы Кларкъ и Бонапарте, продолжалъ письмо такъ: „по прибытии сюда я узналъ отъ г. де Галло о предложеніяхъ, которыя вамъ дѣлало австрійское правительство и о вашемъ отвѣтѣ на это предложеніе. Я преклоняюсь предъ вашимъ желѣзнымъ характеромъ, но, признаюсь, что, узнавъ о впечатлѣніи, которое произвелъ вашъ отвѣтъ на императора, я опасаюсь, чтобы это обстоятельство не послужило задержкой для ожидаемаго нами съ такимъ нетерпѣніемъ свиданія съ вами... Я упорно добивался черезъ посредство г. де Галло возможности обнять трехъ мучениковъ прекраснаго дѣла, которому и я такъ преданъ, но въ этой милости мнѣ было рѣшительно отказано... Мнѣ показалось очень рѣзкой та форма, въ которой вы отклонили потребованное отъ васъ обязательство, но, не останавливаясь на подробностяхъ произведенаго имъ впечатлѣнія, сообщу лишь вамъ о результатахъ моего свиданія съ Тугутомъ: императоръ отказывается теперь отъ своего распоряженія касательно васъ: иѣть болѣе и рѣчи о какомъ-либо письменномъ или словесномъ обязательствѣ съ вашей стороны. Предлагаемыя теперь условія сводятся къ слѣдующему: австрійское правительство желаетъ, чтобы американскій консулъ въ Гамбургѣ, у которого вы остановитесь, взялъ съ васъ слово, что вы покинете этотъ городъ въ теченіе шестнадцати дней... Въ виду того, что въ этомъ предложеніи не заключается ничего, что могло бы стѣснить вашу независимость, я думаю, что вы не отвергнете ихъ и позволите, чтобы я самъ пред-

ложиль ихъ г. Паричу... Г. Тугутъ самъ разрѣшилъ мнѣ написать вамъ обѣ этомъ и увѣрилъ меня, что мое письмо будетъ непремѣнно вамъ передано. Если бы каждая потерянная минута меньше тяготила мое сердце, я ожидалъ бы вашего прїѣзда въ Рatisбонѣ, гдѣ я буду проѣздомъ въ Гамбургъ и гдѣ встрѣчусь съ госпожами де Мобуръ и де Пюзи и ихъ дочерями. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы имъ, какъ и мнѣ, позволили встрѣтиться съ вами у воротъ вашей крѣпости, но на это нѣтъ никакой надежды и мы будемъ имѣть счастье встрѣтиться съ вами только въ Гамбургѣ. Пьянью отъ радости, что минута эта уже недалека!“

Однако, прошло еще около мѣсяца, а распоряженія обѣ освобожденіи Лафайета все еще не было. Тогда Ромефъ написалъ Тугуту изъ Гамбурга такое письмо: „Я не могу приписать ничему другому задержки въ освобожденіи ольмюцкихъ плѣнниковъ, кроме препятствія, о которомъ ваше превосходительство любезно мнѣ сообщали... Въ случаѣ, если ваше превосходительство не надѣетесь больше уладить это дѣло, прошу васъ о выдачѣ мнѣ паспорта, дабы я могъ, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Италію къ моему генералу“.

Ромефъ не зналъ еще тогда, что во время его отсутствія изъ Вѣны, Австрія получила извѣщеніе о нежеланіи Россіи принимать дальнѣйшее участіе въ коалиції и что такимъ образомъ, положеніе „короля Венгрии и Богеміи“ дѣжалось весьма затруднительнымъ. Поэтому, австрійскій императоръ, желая выйти хоть сколько нибудь съ честью изъ создавшагося „инцидента съ Лафайетомъ“, ухватился съ радостью за предложеніе Тугута и приказалъ своему послу въ Гамбургѣ барону Буоло-Шаунштей-

ну поторопить это дѣло. Посолъ увѣдомилъ импера-
тора, что Паричъ обязуется отправить плѣнни-
ковъ изъ Гамбурга въ теченіе десяти дней и передать Ромефу необходимую для путешествія денежную сумму. Не дождавшись отвѣта, Ромефъ отправился въ Дрезденъ и ожидалъ тамъ заключенныхъ.

Наконецъ, восемнадцатого сентября 1797 года, черезъ пять лѣтъ и одинъ мѣсяцъ, послѣ ареста Лафайета, Латуръ Мобура и Бюро де Пюзи и черезъ двадцать три мѣсяца послѣ заключенія госпо-
жи Лафайетъ и ея дочерей, открылись для нихъ всѣхъ двери тюрьмы. Во все время пока освобож-
даемые находились на австрійской террито-
ріи, они были подъ неослабимъ наблюденіемъ маюра д'Анерхамера, который не позволилъ имъ свиданія съ выѣхавшимъ къ нимъ на встрѣчу Ромефомъ.

Это свиданіе могло состояться только въ Дрезденѣ. За то путь изъ Дрездена до Гамбурга походилъ на тріумфальное шествіе и напомнилъ Лафайету годы его первой молодости. Освобожденные, едва переношившіе въ первые дни вліяніе свѣжаго воздуха, видимо, оживали съ каждымъ днемъ. Только здо-
ровье госпожи Лафайетъ было крайне слабо. „Утом-
леніе отъ путешествія, говоритъ госпожа де Ластери
въ жизнеописаніи своей матери, было слишкомъ не по силамъ для ея здоровья, и она дѣлала надъ собою большія усилия, чтобы отвѣтить на привѣтствія, которыхъ она была предметомъ“. Четвертаго октября путешественники прибыли, наконецъ, въ Гамбургъ, гдѣ приемъ, оказанный Лафайету и его друзьямъ напоминалъ, по словамъ очевидцевъ, тріумфъ побѣ-
дителя или освободителя. Освобожденіе Лафайета было официально мотивировано австрійскимъ пра-
вительствомъ выраженнымъ желаніемъ этого Соеди-

ненныхъ Штатовъ, но, въ сущности, причиною этого были побѣды французскихъ войскъ и все больше и больше склонявшееся въ пользу Лафайета общественное мнѣніе во Франціи. Освобожденные понимали это и наслѣдующій же день послѣ прибытія въ Гамбургъ послали французскому министру иностраннныхъ дѣлъ знаменитому Таллейрану *) благодарственное письмо. Въ тотъ же день они послали и письмо главнокомандующему итальянской арміей генералу Бонапарту, въ которомъ писали:

Гражданинъ-генералъ!

„Ольмюцкіе плѣнники, счастливые сознаніемъ, что своимъ освобожденіемъ они обязаны нашей неизбѣдимой арміи, радовались и въ плѣну мысли, что ихъ свобода и ихъ жизнь связаны съ торжествомъ Республики и съ вашей личной славой. Они радуются теперь возможности возблагодарить своего избавителя. Намъ было бы очень пріятно, гражданинъ-генералъ, выразить вамъ лично наши чувства признательности и увидѣть арену столькихъ побѣдъ, армію, которая ихъ одержала и героя, въ числѣ чудесныхъ дѣяній котораго находится и наше воскрешеніе изъ мертвыхъ. Но вы знаете, что мы еще не на полной волѣ. Въ Гамбургѣ мы распрощались съ нашими тюремщиками, изъ Гамбурга же шлемъ и благодареніе ихъ побѣдителю. Привѣтъ и почтеніе“.

Лафайетъ
Латуръ-Мобуръ
Бюро де Пюзи.

*) Очень любопытныя „записки князя Таллейрана-Перигора, собранныя и изданныя графинею О..... де К.....“ существуютъ и въ русскомъ переводѣ.

XXII.

Заслышавши вѣсть объ освобожденіи Лафайета, со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ Гамбургъ его друзья, желавшіе обнять „апостола и мученика свободы“. Проживавшіе въ Гамбургѣ американцы поднесли ему адресъ, поэтъ Клопштокъ и историкъ Архгенгольцъ поспѣшили съ нимъ познакомиться. Отовсюда стекались къ нему письма и поздравленія съ наступленіемъ лучшихъ дней. Одною изъ первыхъ и теперь откликнулась госпожа Сталь:

„Надѣюсь, что это письмо еще застанетъ васъ, писала она ему; я такъ желала бы быть одною изъ первыхъ, излившихъ предъ вами чувства негодованія, скорби, надежды, страха, беспокойства и отчаянія, поперемѣнно волновавшихъ мою душу въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Быть можетъ, страшныя воспоминанія о прошломъ для васъ слишкомъ тяжелы, но все же осмѣливаюсь вамъ сказать, что въ то время, когда клевета не попадила ни одной репутаціи, когда, не будучи въ состояніи доставить торжества своему дѣлу, мятежники обрушивались на личности своихъ противниковъ, ваши несчастья застраховали вашу репутацію и если ваше здоровье можетъ поправиться, то, значитъ, вы выходите обновленнымъ изъ той могилы, въ которой ваше имя пріобрѣло лишь новый блескъ.

„Поѣзжайте прямо во Францію! У васъ нѣть другого отечества! Вы найдете тамъ Республику, къ которой вы стремились чувствами и тогда, когда разсудокъ заставлялъ васъ оставаться вѣрнымъ королевской власти; вы найдете эту Республику, увѣнчанную побѣдами; въ ней не совершается болѣе

тѣхъ преступленій, которыя опозорили ея зарю. Вы будете поддерживать теперь Республику, ибо не можетъ въ настоящее время во Франціи быть свободы безъ Республики; вы же, герой и мученикъ-свободы, вы, человѣкъ до такой степени ей преданный, что я всегда произношу одновременно эти два имени, вы поймете, что я этимъ хочу сказать и чего бы желала я для счастья и благополучствія Франціи.

„Идите же во Францію! Вы найдете тамъ преданныхъ вамъ друзей; мнѣ же позвольте надѣяться, что мои постоянныя, хотя и бесполезныя о васъ заботы, дадутъ мнѣ нѣкоторое право интересоваться вашей судьбой“.

Это и многія другія полученныея Лафайетомъ письма отъ самыхъ извѣстныхъ своею преданностью свободѣ лицъ могутъ служить лучшимъ доказательствомъ того глубокаго интереса, который возбуждала его многолѣтняя дѣятельность, всегда направлennая къ одной и той же цѣли. Но легко было сказать — „поѣзжайте во Францію“, да какъ было это сдѣлать, если вѣзда туда былъ официально Лафайету воспрещенъ. Надо было подумать объ убѣжищѣ, въ которомъ можно было бы хоть временно преклонить голову.

Первые дни своего пребыванія въ Гамбургѣ Лафайетъ посвятилъ, кромѣ приема посѣтителей, на составленіе благодарственныхъ писемъ Гугеру, Фитцъ-Патрику, Макле и другимъ лицамъ, принявшимъ участіе въ его освобожденіи и только, исполнивши этотъ долгъ, онъ сталъ помышлять объ убѣжищѣ. Здоровье Адріены не позволяло и думать объ Америкѣ, Голландія также казалась неудобною и Лафайетъ остановился на Голстиніи. Тамъ, въ

Витмондѣ, проживали въ это время сестра Адріенны госпожа де Монтагю и тетка Лафайета графиня де Тессе. Встрѣча была самая трогательная. Обнимая сестру, госпожѣ де Монтагю казалось, что она „нашла снова не только сестру, но и мать, и другую сестру де Ноай, и всѣхъ, кого она потеряла“. Съ Лафайетами поселились вмѣстѣ Латуръ Мобуръ и Бюро де Шюзи, а также прибывшіе къ нему въ Гамбургъ его старые офицеры Теодоръ Ламетъ и Шелле. Маленькое общество это скоро сдѣлалось магнитомъ, притягивавшимъ къ себѣ множество выдающихся людей въ Европѣ. Здѣсь попрежнему безъ умолку говорили о политикѣ и строили планы на будущее. Здѣсь относились по прежнему съ гораздо меньшимъ негодованіемъ къ Революції, лишившей ихъ всего чѣмъ къ эмигрантамъ и принцамъ, навлекшимъ столько бѣствій на Францію. Можно было, поэтому, предсказать, какъ будетъ вести себя это общество во время Реставраціи. Что касается самого Лафайета, то, по разсказамъ современниковъ, „онъ до такой степени мало измѣнился, что слушая его какъ будто молодѣешь. Съ нимъ неотлучно жили лишь Декларациѣ Правъ и заря Революції. Остальное было не болѣе, какъ случайностью, очень печальною, конечно, но все же случайностью, которая также мало должна обезкураживать доброго гражданина, какъ испытанное кораблекрушеніе истиннаго моряка“. Такимъ же остался этотъ замѣчательный человѣкъ и до конца дней своихъ: личная отвага, вѣра въ счастливыя судьбы Франціи и свѣтлое будущее человѣчества не покидали его до могилы. Кромѣ того, онъ былъ удивительно простъ въ обращеніи со всѣми, черта, заставлявшая мно-

гихъ любить его до самозабвенія. „Жильберъ,— писала госпожа де Монтагю графинѣ де Грамонъ, также добръ, также простъ въ обращеніи, также нѣженъ и также мягокъ въ спорахъ, какъ и прежде. Онъ совершенно таковъ же, какимъ Вы его знали. Онъ нѣжно любить своихъ дѣтей и, несмотря на наружную флегму, страстно любить жену”...

Пробывши пять недѣль въ Витмондѣ, Лафайетъ нанялъ домъ въ Ленкуленѣ, возлѣ своей тетки де Тессе, которую особенно любилъ за ея полную солидарность съ его воззрѣніями. Это время для Лафайета и его семейства было періодомъ такъ давно желанной Адріеною частной жизни и семейныхъ радостей. Братъ Латуръ Мобура Карлъ попросилъ руки старшой дочери Лафайета Анастасы, на что, какъ сама Анастасия, такъ и ея родители изъявили полное согласіе. Въ это же время изъ Моунтъ-Вернона пріѣхалъ навѣстить родителей ихъ сынъ Жоржъ. Онъ привезъ отцу письмо отъ Вашингтона. Великій американецъ писалъ своему другу о своемъ участіи къ его страданіямъ, о своихъ усилившихъ прийти къ нему на помощь, о принимавшихся имъ мѣрахъ для его освобожденія и о радости, которую онъ испыталъ при извѣстіи, что окончились, наконецъ, всѣ несправедливости преслѣдовавшей Лафайета судьбы. Письмо заканчивалось такими строками: „если бы воспоминанія о прошломъ или какая либо другія обстоятельства привели васъ, вашу жену или вашихъ дочерей въ Америку, то, помните, что никто изъ жителей этой страны не приметъ васъ съ такою сердечностью, какъ madame Вашингтонъ и я; наши сердца полны любви и уваженія къ вамъ и вашей семье”. Съ

этого времени возобновилась оживленная переписка между Вашингтономъ и Лафайетомъ. Тогда же Лафайетъ началъ писать свои мемуары, которые назвалъ „Воспоминаніями по выходѣ изъ тюрьмы“. Въ этихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ отстаетъ свою обычную точку зрѣнія, съ которой и рассматриваетъ всѣ события французской революціи и всѣхъ ея дѣятелей. О себѣ и о своей роли онъ говоритъ съ большою скромностью: „мнѣ удавалось нерѣдко производить большое впечатлѣніе на буйныхъ и предубѣжденныхъ аудиторіи, но я не былъ никогда ни государственнымъ человѣкомъ, ни ораторомъ“. Въ своемъ убѣжищѣ въ Голстиніи Лафайетъ и окружающіе его продолжали явно выражать свои симпатіи къ опредѣленнымъ понятіямъ и даже ихъ эмблемамъ. Такъ, они ходили не иначе, какъ въ шляпахъ съ трехцвѣтными кокардами, чѣмъ рѣзко отличались отъ французскихъ эмигрантовъ. Но дѣло вовсе не кончалось одною виѣшностью. Столъ же открыто заявилъ Лафайетъ одному изъ представителей правительства Дирикторія о своемъ отвращеніи къ восемнадцатому фруктидора *). Дирикторія отвѣтила на это распоряженіемъ продать съ аукціона немногія оставшіяся въ Бретаніи имѣнія Лафайета. Въездъ во Францію, разумѣется, еще болѣе затруднился. Адріена, какъ имѣющая право въѣзда въ отчество, отправилась по семейнымъ дѣламъ во Францію и тамъ воочию уѣхала въ свое полномъ раззореніи. Американская война, революція, тюрьма, изгнаніе, все это поглотило окончательно принадлежавшее Лафайетомъ когда то

*) 18 фруктидора т. е. 4 сентября 1797 годъ Дирикторіей было произведено сокр. d'etat, съ цѣлью низложить Советъ Старѣйшинъ и Советъ Пятисотъ.

громадное состояніе. Пробывши нѣсколько времени въ Парижѣ, Адріена отправилась со своею второю дочерью въ Овернь, повидаться съ своей старой теткой де Шаваньякъ. Тѣмъ временемъ Лафайетъ съ сыномъ перебрались изъ Голстиніи въ Віаненъ, недалеко отъ Утрехта. Условія жизни здѣсь были лучше, чѣмъ въ Голстиніи, такъ какъ послѣ побѣды Пишегрю надъ англичанами штатгальтерство было въ Голландіи уничтожено и семь провинцій, объединившись подъ именемъ Батавской Республики, управлялись законодательнымъ Собраниемъ, избиравшимся непосредственно самимъ народомъ. Въ Голландіи Лафайетъ прожилъ до 1799 года пока Питту не удалось организовать новую коалицію противъ Франціи и овладѣть Голландіей. Жоржъ Лафайетъ и братъ Латуръ Мобура Викторъ поступили на службу въ голандскія войска, но самъ Лафайетъ не зналъ, куда ему преклонить голову. Въ письмѣ отъ девятнадцатаго сентября 1799 года онъ писалъ своей женѣ: „вотъ уже два года, дорогая Адріена, какъ мы вышли изъ той тюрьмы, въ которую вы принесли мнѣ столько утѣшенія и свѣта и теперь, когда къ пяти годамъ заключенія уже прибавилось два года изгнанія, я все еще не могу предложить вамъ надежнаго уѣжища и увѣренности, что ничто болѣе насъ не разлучитъ. Какъ бы намъ въ ожиданіи этого устроиться такъ, чтобы провести вмѣстѣ хоть часть нынѣшней зимы. Вотъ вопросъ, который я себѣ задаю и на который не умѣю отвѣтить. Не знаю, достаточно ли для защиты Голландіи силъ генерала Брюна и его галлобатавской арміи“. Расчеты англичанъ, а потому и опасенія Лафайета, были основаны главнымъ образомъ на возможности въ Голландіи контрѣ-рево-

люції. Тогда Адріена рѣшилась обратиться за помощью къ одному изъ новыхъ Директоровъ Сійэсу *) и испросить у него разрѣшеніе на въездъ Лафайета во Францію. Сійэсь отвѣчалъ, что желалъ бы и самъ его видѣть въ отечествѣ, но считаетъ теперь это неудобнымъ. На томъ и кончился разговоръ. Къ счастью, главнокомандующій англійской арміей герцогъ Іоркскій былъ разбитъ, и англійскія войска принуждены были совершенно очистить Голландію. Около этого же времени изъ Египта вернулся Бонапарте. „Онъ можетъ сдѣлаться повелителемъ Франціи, писалъ о Наполеонѣ Лафайетъ Латуръ Мобуру, и наша судьба будетъ вполнѣ зависѣть отъ того, насколько наше возвращеніе во Францію входитъ въ его расчеты и дальнѣйшія намѣренія, а, вѣдь, вы помните его слова въ Италии о томъ, что я никогда не долженъ возвращаться во Францію“. Лафайетъ написалъ, по совѣту Адріены, письмо Бонапарте, но оно осталось безъ отвѣта. Будущій императоръ готовился въ это время поставить самую главную карту въ своей игрѣ: онъ подготавлялъ восемнадцатое брюмера. Черезъ

*) Аббать Сійэсь, авторъ знаменитаго камфлета, „что такое третье сословіе?“ пережилъ въ числѣ немногихъ другихъ Конституанту, Законодательное Собраніе (Легислативу), Конвентъ, эпоху Террора, Директорію, Консулатъ, Имперію, Реставрацію и Іюльскую Революцію 1830 года. „Въ великой Революціи онъ игралъ такую же роль, говорилъ про него Лафайетъ, какъ архиепископъ Тулузскій при старомъ режимѣ. Всѣ ожидали видѣть въ немъ большого человѣка и удивлялись, находя его такимъ маленькимъ“. Проживши бурную жизнь, Сійэсь умеръ въ 1836 году восьмидесяти восьми лѣтъ. Тѣло его похоронено на извѣстномъ, Парижскомъ кладбищѣ Рѣгѣ Lachaise, названного такъ по имени духовника Людовика XIV Лашеза, у котораго была на этомъ мѣстѣ дача. Тамъ же покоятся и прахъ Казимира Перье, Тьера, Берне, Гарнье-Паже, Лафонтина, Мишле, Луа-Бланы, Альфреда Мюссе, Ледрю Роллена, Араго и многихъ другихъ знаменитостей.

иѣсколько времени этотъ эпилогъ первого тома французской Революціи сталъ совершившимся фактомъ. Франція покорилась своему новому кумиру и звѣзда первого консула загорѣлась на горизонтѣ ослѣпительно яркимъ свѣтомъ. Восемнадцатымъ брюмера VIII года Французской Республики, т. е. девятымъ ноября 1799 года (по новому стилю) начинается совершенно новый періодъ исторіи Франціи, въ которомъ, также какъ и въ предыдущихъ, Лафайету опять пришлось играть выдающуюся роль.

Лафайетъ не медлилъ. Считая этотъ моментъ наиболѣе для себя удобнымъ, онъ, не прося никакого разрѣшенія, немедленно отправился въ Парижъ. Чувства, волновавшія его незадолго передъ этой „самовольной“ поѣздкой онъ вылилъ въ такомъ письмѣ къ женѣ. „Закончить Революцію ко благу человѣчества, повліять на принятіе мѣръ, полезныхъ моимъ соотечественникамъ, упрочить свободу, залечить раны, воздать должное мученикамъ великаго дѣла — вотъ цѣли, которыя я себѣ ставлю и достижение которыхъ умиrotворитъ мое сердце! Но я не погружусь всецѣло въ политическую жизнь, я лишь сдѣлаю попытку, и затѣмъ клянусь честью, мою любовью къ вамъ и тѣнями тѣхъ, кого мы оплакиваемъ, ничто болѣе не будетъ въ состояніи заставить меня отказаться отъ моего давнишняго плана,—уйти въ совершенно частную жизнь и провести въ ней остатокъ дней“.

Примѣръ Вашингтона неотлучно находился при Лафайетѣ и сообразоваться въ своихъ поступкахъ со взглядами своего великаго учителя было для него какъ бы обязанностью.

Черезъ нѣсколько дній Лафайетъ былъ уже въ Парижѣ, и первымъ его дѣломъ по прибытіи въ городъ, который онъ не видѣлъ болѣе семи лѣтъ, было письменное обращеніе къ Бонапарте съ такими строками:

Гражданинъ-Консулъ! съ того времени, когда ольмюцкіе плѣнники освободились, благодаря вамъ, изъ своего заключенія и до эпохи, когда свобода моего отечества наложила на меня относительно васъ важныя обязанности, я еще мирился съ продолженіемъ моей опалы, которая не соотвѣтствовала болѣе требованіямъ государства. Теперь я прибылъ въ Парижъ. Прежде чѣмъ даже повидаться здѣсь съ моими друзьями, я не колеблюсь ни одной минуты увѣдомить объ этомъ васъ. Это происходитъ вовсе не отъ моего сомнѣнія въ своемъ правѣ быть на мѣстѣ повсюду, гдѣ Республика утверждена на достойныхъ ея основаніяхъ, по исключительно ради исполненія обязанности выразить вамъ еще разъ мою благодарность.“

Бонапарте страшно разсердился при извѣстіи о прибытіи Лафайета. Таллейранъ поспѣшилъ увидѣться съ „самовольно прибывшимъ“, нарисовать ему возможность плохихъ для него послѣствій гнѣва всемогущаго консула и убѣждать его вернуться въ Голландію. Лафайетъ остался непреклоненъ. Бонапарте, въ свою очередь, не рѣшился принять по отношенію къ нему насильственныхъ мѣръ и оба они заняли на нѣкоторое время выжидательное положеніе. Наконецъ, Лафайетъ уѣхалъ въ Лагранжъ, Бонапарте рѣшился принять относительно его систему будто бы полнаго игнорированія. Онъ старался показать видъ, что забылъ о самомъ существованіи Лафайета и отъ души же-

лалъ, чтобы и другіе дѣлали тоже. Будущій императоръ доходилъ въ этомъ отношеніи до мелочей: такъ когда первого февраля 1800 года ректоръ парижскаго университета Фонтанъ хотѣлъ произнести „похвальное слово“ Вашингтону, то Бонапарте разрѣшилъ это лишь подъ условіемъ, чтобы въ рѣчи Фонтана не упоминалось ни однимъ словомъ о Лафайетѣ. Онъ былъ даже недоволенъ тѣмъ, что сынъ Лафайета Жоржъ присутствовалъ на этомъ торжествѣ *).

Межу тѣмъ, Лафайетъ, дѣйствительно, почти ушелъ въ частную жизнь, стремясь лишь на сколько возможно быть полезнымъ своимъ друзьямъ. Такъ, когда одиннадцатого vantоза VIII года Республики (Перваго марта 1800 г.) Консульство рѣшило вычеркнуть изъ списка эмигрантовъ тѣхъ членовъ Национальнаго Собрания, которые представлять начальнику полиціи удостовѣреніе въ томъ, что они „вотировали за установление равенства и уничтоженіе дворянства“, то Лафайетъ написалъ Фуше **), чтобы это было распространено на Латуръ-Мобура,

*) Бонапарте почти никогда не говорилъ въ это время о Лафайетѣ даже съ своими придворными. Герцогиня Абрантесь, отецъ которой Пермонъ совершилъ съ Лафайетомъ американскую компанію и находился въ сношеніяхъ съ Вашингтономъ, оставила многотомныя „Записки о Наполеонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, имперіи и возстановленіи Бурбоновъ“. Въ этихъ запискахъ, несмотря на свою близость къ Наполеону она почти ничего не говорить о Лафайетѣ. Книга эта переведена на русскій языкъ Ксенофонтомъ Полевымъ.

**) Жозефъ Фуше, одинъ изъ членовъ крайней лѣвой въ Конвентѣ, пережилъ всѣ послѣдующія события и былъ при Наполеонѣ министромъ полиціи и герцогомъ Отранскимъ. Онъ умеръ въ 1820 году. „Когда я вспоминаю Мунье (одного изъ членовъ Учредительного Собрания), сказалъ однажды, Наполеонъ, я вѣрю въ доброту человѣческой природы: но, когда я поговорю съ герцогомъ Отранскимъ, я раскаиваюсь въ своемъ легковѣріи“.

Бюро де Пюзи и другихъ ушедшихъ съ нимъ изъ Франціи лицъ, такъ какъ, оставляя отчество, они отнюдь не имѣли въ виду вредить установленному конституціей принципу равенства. Ходатайство Лафайета было принято и его друзья, равно какъ и онъ самъ, были вычеркнуты изъ списка опальныхъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Лафайетъ былъ принятъ въ первый разъ Бонапарте. „Я вспомнилъ при этомъ, писалъ Лафайетъ, пріемъ, нѣкогда сдѣланный мнѣ Фридрихомъ Великимъ“. Зайдя вслѣдъ затѣмъ къ Таллейрану, Лафайетъ встрѣтился у него съ Жозефомъ Бонапарте, который пригласилъ его въ Мормонтель на празднованіе заключенія нового торгового договора съ Америкой тридцатаго сентября 1800 года. Здѣсь онъ снова встрѣтился съ первымъ консуломъ и говорилъ съ нимъ больше и свободнѣе, чѣмъ при офиціальномъ пріемѣ.

— Вы, конечно, нашли французовъ очень охладѣвшими къ свободѣ, — сказалъ Лафайету Бонапарте.

— Да, но они болѣе созрѣли для пользованія ею.

— Это имъ надоѣло... Вашимъ парижанамъ, напримѣръ... Увѣряю васъ, что лавочники не хотятъ болѣе свободы.

— Я не знаю еще результатовъ всѣхъ преступленій и непристовствъ, которыя опозорили самое имя свободы, но, повторяю, что французы, болѣе чѣмъ когда либо, достойны свободы, и они ждутъ ее отъ васъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на Америку и на участіе Лафайета въ дѣлѣ созданія американской независимости. Отозвавшись по обыкновенію во-

сторженно о Вашингтонѣ и его сподвижникахъ, Лафайетъ указалъ Бонапарте на отличительную черту американского президенства, — на его простоту и отсутствие всякой пышности.

— Но, вы согласитесь, конечно, прерваль его съ живостью Бонапарте, что во Франціи это было бы невозможно.

Лафайетъ промолчалъ.

Вскорѣ послѣ того, Лафайетъ сталъ получать отъ первого консула черезъ разныхъ лицъ предложенія занять разныя должности въ государствѣ, но рѣшительно отъ всего отказывался. Кабанись и Таллейранъ предложили ему именемъ Бонапарте мѣсто сенатора и, когда и на это послѣдовалъ отказъ, то первый консулъ послалъ къ нему объясняться по этому поводу генерала Матье Дюма. „Никто и не думаетъ о тираніи, сказалъ посланному при этомъ Бонапарте, а Лафайетъ, кажется, считаетъ меня за тирана“.

— „Удаленіе отъ дѣлъ, отвѣчалъ Лафайетъ Дюма, составляетъ максимумъ возможной для меня уступчивости; если Бонапарте будетъ служить свободѣ, онъ можетъ бытьувѣренъ въ моей ему преданности, но я не хочу не признавать самодержавія, ни самому быть его членомъ“.

Покушеніе на жизнь Бонапарте посредствомъ „адской машины“ третьяго нивоза обязало Лафайета снова сдѣлать визитъ первому консулу. Во время этого визита Бонапарте пытался затронуть самыя чувствительныя струны Лафайета, дабы привлечь его на свою сторону. Онъ сообщилъ ему, между прочимъ, о полученномъ имъ письмѣ отъ будущаго Людовика XVIII, въ которомъ претендентъ на французскій престолъ просилъ возвести его на

тронъ предковъ. „Они обѣщаютъ мнѣ за это, продолжалъ Бонапарте, воздвигнуть высокій монументъ, на которомъ буду изображенъ я, возвращающимъ корону королю. Я отвѣчалъ, что мнѣ будетъ страшно стоять на такомъ пьедесталѣ... Возвратить имъ власть было бы съ моей стороны самою позорною низостью... Вы можете не одобрять моего правлѣнія, можете считать меня деспотомъ, но всѣ увидятъ, и вы въ томъ числѣ, работаю ли я для себя или для блага будущихъ поколѣній... И могу ли я, глава новаго движенія, я, котораго Революція, котораго вы и всѣ другіе патріоты, выдвинули на занимаемый мною постъ, могу ли я отдать власть тѣмъ людямъ, которые жаждутъ только мишенія... Меня сильно ненавидятъ государи Европы и всѣ ихъ окружающіе, но ихъ ненависть ко мнѣ ничто въ сравненіи съ ненавистью, которую они питаютъ къ вамъ... Я даже не допускалъ, чтобы человѣческая ненависть могла заходить такъ далеко... Самъ чертъ не пойметъ, какимъ образомъ республиканцы были настолько глупы, чтобы допустить хоть на одну минуту мысль о коренномъ различіи вашего дѣла съ дѣломъ Республики... За то теперь они отдаютъ вамъ справедливость и при томъ полную справедливость...“

При слѣдующей встречѣ Бонапарте сказалъ Лафайету:

— У васъ еще столько жизни, что вы легко могли бы исполнять обязанности сенатора.

— Я предпочитаю частную жизнь, отвѣчалъ Лафайетъ.

— Прощайте, генералъ Лафайетъ, сказалъ съ едва скрываемою досадою Бонапарте.

Послѣ заключенія Франціею съ Англіею, Испа-

нією и Голландією Аміенского мира (двадцать седьмого марта 1802 года), Лафайетъ сдѣлалъ ви-зитъ бывшему въ Парижѣ лорду Корнвалиссе и затѣмъ заѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ Жозефу Бона-парте. При слѣдующей же встрѣчѣ съ Лафайетомъ первый консулъ отозвалъ его въ сторону и сказалъ ему съ насмѣшкою.

— Лордъ Корнвалисъ находитъ, что вы неисправимы.

— Въ чёмъ?—съ живостью возразилъ Лафайетъ. Въ моей любви къ свободѣ? Да что же и могло заставить меня измѣнить взгляды? Преступленія и неистовства террористовъ? Это могло меня побудить только еще болѣе ненавидѣть режимъ само-властія и еще сильнѣе проинкнуться убѣжденіемъ въ справедливости моихъ принциповъ.

— Но вы говорили съ лордомъ Корнвалисомъ о нашихъ дѣлахъ.

— Рѣшительно не помню, но никто, разумѣется, не далекъ болѣе отъ мысли чернить предъ англій-скимъ посланникомъ положеніе нашихъ дѣлъ, не-жели я. Однако, если бы онъ спросилъ меня: называю ли я теперешній режимъ свободою, я от-вѣтилъ бы ему, — нѣтъ, хотя съ болѣшимъ удо-вольствиемъ сказалъ бы это вся кому другому, не-жели ему.

— Я долженъ васъ предупредить, генераль Ла-файетъ, продолжалъ серьезнымъ тономъ Бонапарте, что вашей манерой выражаться о дѣлахъ прави-тельства вы даете возможность врагамъ отечества опираться на авторитетъ вашего имени.

— Но что же я могу съ этимъ сдѣлать,—отвѣ-чалъ Лафайетъ. — Я веду частную жизнь и не вмѣшиваюсь въ государственные дѣла. Но всякой

разъ, когда меня спрашиваютъ, согласенъ ли вашъ режимъ съ исповѣдуемыми мною принципами, я отвѣчаю: нѣтъ. Я могу заставить себя быть осторожнымъ, генералъ, но я не хочу сдѣлаться ренегатомъ.

— Что разумѣете вы подъ самовластныиѣмъ режимомъ? Вашъ режимъ не былъ самовластнымъ, я согласенъ съ этимъ. Но, чтобы обуздать вашихъ враговъ, у васъ было свое средство: народныя возстанія. Я былъ еще въ партерѣ, когда вы были уже на сценѣ, но я хорошо наблюдалъ.... Да, чтобы вразумить бездѣльниковъ, вы прибѣгали къ возмущеніямъ....

— Если вы, въ свою очередь, подъ возмущеніемъ разумѣете народное возстаніе въ іюлѣ 1789 года, то вы правы. Но кромѣ него, я болѣе никогда не прибѣгалъ къ этой мѣрѣ. Я даже усмирилъ не одно возмущеніе. Большая часть ихъ была направлена противъ меня. а если вы обращаетесь къ моей революціонной опытности, то я скажу вамъ, что именно эти мѣры являлись причиною всѣхъ совершиенныхъ революціей несправедливостей и всѣхъ уклоненій отъ истинной свободы и что мѣры эти лишь вредили революціи, а въ концѣ концевъ и ихъ творцамъ.

— Но, вѣдь, вы согласитесь со мною, что при томъ состояніи, въ которомъ я нашелъ Францію, я тоже былъ вынужденъ прибѣгать къ неправильнымъ мѣропріятіямъ („à des mesures irregulières“).

— Не въ томъ дѣло, отвѣчалъ Лафайетъ. Я не говорю ни объ опредѣленномъ моментѣ, ни о томъ или другомъ отдѣльномъ актѣ. Я сожалѣю, я скрушаюсь объ общемъ направленіи вашего режима, да, генералъ, объ общемъ направленіи“.

Бонапарте перемѣнилъ тонъ.

— До сихъ поръ я съ вами говорилъ, какъ глава правительства и въ качествѣ такового имѣлъ основанія на васъ жаловаться; но какъ частный человѣкъ, я очень доволенъ, потому что, какъ бы вы не осуждали дѣйствія правительства, вы, повидимому, очень расположены лично ко мнѣ”.

Первый консулъ не ошибался: свободная Франція съ Бонапарте во главѣ представлялась въ это время Лафайету наиболѣе желательною формою государственной организаціи; но, по мѣрѣ того какъ Консулатъ становился все болѣе и болѣе самовластнымъ, Лафайетъ все болѣе и болѣе расходился съ правительствомъ. Учрежденіе должности пожизненнаго консула было совершено по иниціативѣ сверху, и граждане должны были своими голосами лишь легализировать совершившійся фактъ. Лафайетъ отказался вотировать за такой актъ, написавши на избирательномъ билете: „я не могу вотировать за подобное учрежденіе до тѣхъ поръ пока политическая свобода не будетъ достаточно гарантирована. Если это случится, то тогда я подамъ голосъ за Наполеона Бонапарте“, и дабы это заявленіе не было неправильно перетолковано, онъ просилъ передать Бонапарте письмо, въ которомъ находились такія строки:

„Невозможно, чтобы вы, генералъ, первый въ своемъ родѣ, съ которымъ никто не можетъ сравняться изъ жившихъ въ теченіе вѣковъ, желали, чтобы результатомъ Революціи, результатомъ столькихъ жертвъ, побѣдъ, потоковъ крови, потрясеній и подвиговъ, явился режимъ самовластья. Французскій народъ слишкомъ хорошо узналъ свои права, чтобы совершенно о нихъ забыть... Для меня дѣло

идеть о принципахъ и обязанностяхъ всей моей жизни, и я воздерживаюсь подать свой голосъ до того времени, пока конституція будетъ учреждена на основаніяхъ достойныхъ націй и васть... Надѣюсь, генералъ, что вы признаете и теперь, какъ вы это, однажды, уже сдѣлали, что постоянство моихъ политическихъ убѣжденій не мѣшаетъ мнѣ быть искренно расположеннымъ лично къ вамъ“...

Едва ли существовалъ другой человѣкъ во Франціи того времени, который взялъ бы на себя смѣлость написать уже всемогущему тогда Наполеону подобное письмо. Ни откуда на этотъ благородный поступокъ не послѣдовало и отклика кромѣ письма изъ Рима, которое гласило: „я всегда буду вѣрить въ человѣческую природу, потому что среди людей существуете вы. Посылаю вамъ выраженіе моего искренняго сочувствія съ высотъ Капитолія, тѣни мужей котораго васть благословляютъ“. Авторомъ этого письма была госпожа Сталь.

XXIII.

Учрежденіе имперіи заставило Лафайета окончательно уйти въ частную жизнь. Наполеонъ не простилъ ему этого и всю свою непріязнь къ „неисправимому человѣку“ перенесъ на его сына Жоржа, служившаго въ военной службѣ. Не смотря на то, что Жоржъ отличился и былъ раненъ въ битвѣ при Минсіо, спасъ жизнь генералу Груши, у которого состоялъ адъютантомъ, не смотря на двукратныя представленія со стороны начальства молодого офицера къ чину капитана, Наполеонъ оба раза собственноручно вычеркнулъ его изъ награднаго списка. Видя такое къ себѣ отношеніе, Жоржъ

ждалъ только мира, чтобы выйти въ отставку. Взявши отпускъ для лечения раны, онъ женился на Эмилии де Траси, отецъ которой, находившійся въ числѣ депутатовъ Конститюанты, былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей и сторонникомъ воззрѣній Лафайета. Около этого же времени и вторая дочь Лафайета Виргинія вышла замужъ за маркизаде Ластери. (Имя Виргиніи скоро стало известно, какъ автора книги „Notice sur madame de La Fayette par sa fille“). Эти семейныя радости озарили счастьемъ немногіе остававшіеся уже дни жизни Адріены. Послѣднимъ ея дѣломъ были розыски мѣста погребенія ея казненныхъ въ эпоху Террора родныхъ. Съ большимъ трудомъ удалось узнать, что всѣ гильотинированные въ послѣдніе мѣсяцы Террора были брошены въ особо вырытыя ямы въ пустынной мѣстности, лежащей по дорогѣ въ Сенъ-Манде, вблизи развалинъ стариннаго монастыря. Мѣсто это называлась Ріскус. Герцогиня Гогенцолернъ, братъ которой былъ также погребенъ на этомъ полѣ мертвцовъ, купила Ріскус и обвела мѣсто успокоенія казненныхъ длинною оградою. Госпожи Лафайетъ и Монтагю хотѣли поставить тамъ памятникъ своимъ роднымъ; объ этомъ проектѣ узнали родственники и другихъ казненныхъ и открыли подписку на сооруженіе общаго памятника. Собранная сумма оказалась настолько значительною, что скоро сочли возможнымъ реставрировать часть древняго монастыря и устроить часовню, въ которой стали совершаться заупокойныя служенія. Въ стѣны часовни были вѣланы металлическія доски, на которыхъ выбили имена трехсотъ пятидесяти человѣкъ гильотинированныхъ въ самое послѣднєе время Террора и погребенныхъ въ Ріскусѣ.

Самъ Лафайетъ занимался въ это время съ увлечениемъ сельскимъ хозяйствомъ. Его убѣжище служило по прежнему магнитомъ для разнаго рода знаменитостей: въ числѣ своихъ гостей онъ видѣлъ въ это время Карла Фокса, пріѣзжавшаго къ нему съ женой, Фитцъ-Патрика и многихъ другихъ. Переписка съ Америкой наполняла также часы досуга отшельника. Онъ до конца жизни интересовался судьбою Заатлантической Республики и въ письмахъ къ Джейфферсону высказывалъ искреннюю радость по поводу прочнаго развитія въ Америкѣ республиканскихъ учрежденій. Посреди такой мирной жизни судьба нанесла Лафайету жестокій ударъ, отнявши у него на Рождество 1807 года его лучшаго друга, неизмѣнную спутницу его жизни Адріену, обратившуюся къ нему и на смертномъ одре со словами, заключавшими въ себѣ главнѣйшее основаніе ея существованія: „*je suis toute à vous...*“ („я вся ваша“). По желанию умершей, ея тѣло было погребено въ томъ самомъ Рісурсѣ гдѣ покончились ея мать, сестра и бабушка. Лафайетъ былъ неутѣшенъ. Свою скорбь онъ вылилъ въ длинномъ письмѣ къ Латуръ Мобуру, предъ которымъ всегда открывалъ свою душу:

„Я еще не писалъ вамъ изъ той бездны несчастья, въ которую ввергла меня смерть жены, — писалъ ему Лафайетъ. До сихъ поръ я чувствовалъ себя всегда сильнѣе обстоятельствъ, но теперь обстоятельства сильнѣе меня... Я никогда не подымусь на прежнюю высоту духа. Въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ супружеской жизни съ Адріеною, ея любовь, ея доброта, возвышенность характера, иѣжность и великодушіе очищали и украшали мое существованіе, и я до такой степени

ни привыкъ къ ней, что считалъ ея жизнь чѣмъ то нераздѣльнымъ съ моею. Ей было всего четырнадцать лѣтъ, когда сердце ея привязалось ко всему тому, что составляло интересъ моей жизни. Я былъ всегда увѣренъ въ своей любви къ ней, но лишь теперь, оставшись одинъ, я почувствовалъ все свое одиночество, я увидѣлъ, какъ мало представляетъ теперь интереса моя жизнь, отданная, казалось бы, столь многоразличнымъ дѣламъ, я убѣдился, что нѣтъ болѣе для меня не только счастья, но даже простого благополучія“.

Нарисовавши затѣмъ подробными и полными любви штрихами образъ своей покойной жены, Лафайетъ продолжалъ:

„Вы знаете сами ея поведеніе во время Революціи. Сколько надо было имѣть благородства, чтобы не перемѣнить имя, которое грозило ей столькими опасностями! Каждую изъ своихъ просьбъ, каждое заявленіе она неизмѣнно подписывала словами: „жена Лафайета“... Мое письмо никогда не окончилось бы, если бы я далъ волю чувствамъ, которыя его диктуютъ“...

Лафайетъ благоговѣйно чтилъ память своей жены: онъ задѣлалъ всѣ двери въ той комнатѣ, въ которой она скончалась, за исключеніемъ одного маленькаго входа, приказалъ оставить тамъ всѣ вещи въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находились въ моментъ смерти Адріены и входилъ одинъ или въ сопровожденіи дочерей опредѣленное число разъ въ году въ эту комнату, превратившуюся для него въ храмъ. И, дѣйствительно, это былъ настоящій религіозный кульпъ усопшей.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Адріены, Лафайетъ почти не выходилъ

изъ своего уединенія. Между тѣмъ свершились сно-
ва міровыя события: побѣды Наполеона почти надъ
всею Европою, его походъ въ Россію, занятіе Мо-
сквы, пораженіе, понесенное вслѣдъ затѣмъ фран-
цузскою арміею, взятіе союзниками Парижа, ссылка
Наполеона на Эльбу и реставрація „возвратившихся
изъ путешествія“ Бурбоновъ. Всѣ эти события слѣ-
довали одно за другимъ съ такою головокружите-
льною быстротою, что въ концѣ концовъ Франція,
видимо, истощила весь богатый запасъ своей энергіи.
Реставрація прошла спокойно, но дѣло въ томъ, что
экономическая реформы, завоеванныя Революціей,
т. е. экономическая свобода, ради достиженія ко-
торой и совершила переворотъ *massa* третьяго со-
словія, прочно вошла уже въ жизнь, и никакие
Бурбоны, какъ это показала вся послѣдующая исто-
рія Франціи, не могли установить отличавшій ста-
рый режимъ соціальный феодализмъ. Что же ка-
сается до чисто политической стороны дѣла, то
необходимость ея сознавалась опять таки *massою*,
а не отдѣльными лицами, класса буржуазіи лишь
постолько, поскольку она обезпечивала ея эконо-
мическая интересы. Разумѣется, были отдѣльныя
лица, которые дорожили политической свободой
quand mème, но не они, конечно, составляли ту
 силу, которая имѣла рѣшающее вліяніе на ходъ
событий. Но по мѣрѣ того, какъ развивались во
Франціи все болѣе и болѣе новыя экономическая
отношенія, по мѣрѣ выступленія на историческую
арену четвертаго класса и обострившейся его клас-
совой борьбы съ буржуазіей, болѣе и болѣе упро-
чивались и тѣ завоеванія Великой Революціи, къ
которымъ оказалась столь равнодушною *massa* бур-
жуазіи во время Реставраціи. Въ словахъ Напо-

леона Лафайету, — „лавочники не хотятъ болѣе свободы“, была своя доля правды. „Лавочники“ взяли отъ Революціи все, что было въ ихъ прямыхъ экономическихъ интересахъ, а до остального имъ было очень мало дѣла... Но возвратимся къ Лафайету.

Вступленіе иностранныхъ войскъ въ Парижъ заставило его покинуть свое убѣжище и появиться въ столицѣ.

Людовикъ XVIII вступилъ на тронъ. Нѣсколькихъ мѣсяцевъ царствованія новаго короля было достаточно для того, чтобы возвратить популярность Наполеону. Началось завѣдомое покровительство возвращавшимся толпами во Францію эмигрантамъ и стремлениѳ, насколько было только возможно, приблизиться къ старому режиму. Съ вѣдома и покровительства двора въ журналахъ появились нападки на Лафайета и его роль въ событияхъ послѣдней четверти вѣка. Его обвиняли въ двуличномъ поведеніи относительно Людовика XVI и Марии Антуанеты, а въ одной статьѣ, написанной съ одобреніемъ герцогини Ангулемской, Лафайетъ тренировался, какъ „негодяй“, который вмѣстѣ съ Байи подстрекнулъ королевскую семью, къ „путешествію въ Вареніѣ“, хотя оба они и предвидѣли послѣдствія такого шага. Въ другой статьѣ, напечатанной въ королевской типографіи, Лафайета дѣлали отвѣтственнымъ за событіе шестого октября.

Долго воздерживался Лафайетъ отъ отвѣта своимъ клеветникамъ, но, наконецъ, написалъ брошюру, въ которой яркими чертами обрисовалъ картину старого режима и въ заключеніе, обращаясь къ ультра-роалистамъ, говорилъ: „никто, какъ вы отвергли реформы Тюрго, Мальзерба и Некера, на которыхъ соглашался Людовикъ XVI. Ваши интриги

свели къ нулю собраніе нотаблей, въ которомъ защищали вы ваши привилегіи въ 1787 году противъ короля. Тоже дѣлали вы и въ генеральныхъ штатахъ, созванныхъ среди гражданскихъ смутъ, причиной которыхъ были опять таки вы же. Въ Учредительномъ Собраниі ваша бѣшеная оппозиція и ваши вѣроломныя заявленія стремились лишь къ тому, чтобы воспрепятствовать всему добруму и обеспечить торжество зла; а затѣмъ, — всѣ ваши происки и ваша ненависть къ свободѣ,—не онѣ ли вызвали всѣ крайности и преступленія анархіи? Вы требовали постоянно вторженія непріятеля во Францію и разрушенія вашего отечества, вы объявили войну всѣмъ сторонникамъ Революціи, т. е. почти всѣмъ французамъ, вы покинули короля и тѣмъ упрочили недовѣріе къ нему, вы ослабили общественный порядокъ, вы усилили этимъ якобинцевъ, вы вызвали терроръ, вы возвели на эшафетъ королевское семейство и столько другихъ жертвъ! И вы теперь расточаете похвалы или порицаніе гражданамъ, которые защищали страну и ея законы, спасали ваши имущества и ваши семьи до тѣхъ поръ пока ваши интриги сдѣлали это невозможнымъ, вы разсыпаете опять таки похвали или порицаніе воинамъ, которые, разоблачая ваши преступные, матереубійственные замыслы, наполнили поля Европы славою французского оружія!.. Но, даже считая прочія условія равными между вами и патріотами, — кто станетъ отрицать, что патріоты дѣйствовали во имя общественного блага, вы же исключительно ради сохраненія вашихъ привилегій!“

Эта брошюра была уже въ печати, когда появление Наполеона съ Эльбы, заставило Лафайета обра-

титься къ инымъ злобамъ дня. То были знамени-
тые Сто Дней. Вскорѣ по прибытіи Наполеона,
Лафайетъ получилъ отъ генерала Матье Дюма слѣ-
дующую записку: „принцъ Жозефъ, который всегда
хранилъ къ вамъ чувства глубокаго уваженія за
вашу преданность дѣлу свободы, желаетъ васъ ви-
дѣть. Онъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ и просить
васъ прибыть, сколько возможно скорѣе, въ Па-
рижъ... Если вы хоть сколько нибудь довѣряете
мнѣ, если вы не сомнѣваетесь въ постоянствѣ
моихъ убѣжденій и моей любви къ независимости
дорогого отечества, то пріѣзжайте... жду васъ
завтра“.

Лафайетъ немедленно отвѣчалъ:

„Кризисъ, который мы переживаемъ, не позво-
ляеть мнѣ колебаться. Мое недовѣріе къ настоящему
можетъ лишь равняться моему слишкомъ большому
довѣрію къ VIII году Республики. Обнимаю васъ
отъ всего сердца“.

Принцъ Жозефъ былъ искрененъ и всегда не-
одобрялъ поведеніе своего брата относительно Ла-
файета. Онъ былъ сторонникомъ конституціоннаго
режима и стремился поддерживать сношенія съ
Лафайетомъ и госпожею Сталь. Принявши чрезвы-
чайно любезно Лафайета, Жозефъ старался увѣрить
его, что Наполеонъ желаетъ теперь свободы для
Франціи. Лафайетъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію,
характеръ императора, къ сожалѣнію, несовмѣ-
стимъ съ искренностью такихъ желаній. „Каково
бы ни было, прибавилъ онъ, мое преклоненіе пе-
редъ геніемъ императора и какова бы ни была моя
личная къ нему благодарность, но я считалъ не-
совмѣстимымъ его режимъ съ свободою моего оте-
чества и въ послѣдній годъ горячо желалъ, чтобы

народное возстаніе направилось одновременно и противъ виѣшняго нашествія и противъ внутренняго деспотизма... Я питалъ нѣкоторую надежду на исправленіе Бурбоновъ, на то, что они поймутъ значеніе конституціи и я былъ до послѣдняго дня на ихъ сторонѣ и противъ блестящихъ предпріятій вашего брата; признаюсь и теперь, что я не могу раздѣлять вашихъ надеждъ на будущее, но никогда не поздно постараться исправить свои ошибки и загладить зло, причиненное человѣчеству, а средство для этого, единственное средство, это возбудить духъ націи обѣявлениемъ, что императоръ приступаетъ немедленно къ созыву палаты народныхъ представителей“.

Принцъ Жозефъ призналъ, что Наполеонъ чувствуетъ отвращеніе къ такому чувству и, что, выступая за границу, онъ боится оставить позади себя Национальное Собраніе. „Будетъ палата первовъ, сказалъ онъ, и вы сами знаете, что вы будете первымъ въ спискѣ этихъ первовъ“.

— Я никогда не соглашусь взяться за государственные дѣла, — отвѣчалъ Лафайетъ, ни путемъ перства, ни какою бы то ни было милостью императора, такъ какъ я человѣкъ народа (*je suis un homme populaire*), и только, будучи избранъ народомъ, я покину свое убѣжище. Если я буду избранъ, я присоединюсь къ вамъ, въ качествѣ народного представителя, для отраженія иностранцевъ, но и тогда я сохраню за собою право на независимость“.

Жозефъ передалъ этотъ разговоръ Наполеону и на слѣдующій день Лафайетъ получилъ отъ принца такое письмо:

„Конституціонный актъ будетъ обнародованъ

завтра въ Moniteur'ѣ и подвергнется обсужденію всѣхъ гражданъ. Сегодня я не буду дома, такъ какъ мнѣ необходимо быть у императора. Поэтому, я не въ состояніи доставить себѣ удовольствія видѣть васъ сегодня же у себя. Надѣюсь, что вы посѣтите меня въ другой разъ, въ день по вашему выбору“.

На слѣдующій день конституціонный актъ былъ, дѣйствительно, обнародованъ. Лафайетъ настаивалъ, чтобы актъ этотъ былъ подвергнутъ, какъ можно скорѣе, обсужденію въ палатѣ народныхъ представителей. Обѣдая черезъ нѣсколько дней у принца Жозефа, гдѣ были также Матье Дюма, Себастіані и Лаваллетъ, Лафайетъ повторялъ: „ваша конституція лучше, нежели та репутація, которой она пользуется; надобно заставить въ нее увѣровать, а для этого надо скорѣе привести ее въ дѣйствіе“.

Однако, Наполеонъ продолжалъ колебаться, опасаясь болѣе всего оставить въ Парижѣ Цалату во время своего отсутствія. Лафайетъ уѣхалъ въ Лагранжъ, гдѣ и получилъ декретъ о созывѣ народныхъ представителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Констанъ писалъ ему такія строки: „я полагаю, что вы будете избраны и смотрю на ваше избрание, какъ на великий шагъ для установленія конституціоннаго режима. Напишите мнѣ, довольны ли вы?“

— „Да, я доволенъ, писалъ ему въ отвѣтъ Лафайетъ, и мнѣ пріятно вамъ это высказать. Непосредственный созывъ Собрания кажется мнѣ, какъ и вамъ, единственнымъ средствомъ спасенія“.

Восьмого мая Лафайетъ былъ избранъ въ палату представителей, и такимъ образомъ, черезъ двадцать три года послѣ перерыва его государственной дѣя-

тельности, снова вступилъ въ качествѣ народнаго избранника въ Национальное Собраніе въ минуты одного изъ тягчайшихъ кризисовъ для Франціи. Онъ приготовился снова стать тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1789 году т. е. играть ту же роль, исполненіе которой прервали провозглашеніе Республики, ольмюцкое заточеніе, имперія и болѣе чѣмъ десятилѣтнее уединеніе. Онъ чувствовалъ, что событія снова призываютъ его къ дѣятельности и онъ не поколебался стать „человѣкомъ дѣйствія“, какъ не колебался въ раннѣй молодости, какъ не поколебался и въ глубокой старости во время юльской революціи 1830 года...

Предсѣдателемъ Собранія былъ избранъ Ланджюнне, также членъ Учредительного Собранія 1789 года, противникъ якобинцевъ въ Конвентѣ, а затѣмъ сенаторъ, избранный въ Сенатъ противъ воли Наполеона и, наконецъ, одинъ изъ редактаровъ акта, которымъ Наполеонъ былъ лишенъ престола въ 1814 году. Вице-предсѣдателемъ былъ избранъ Лафайетъ.

Седьмого іюня Наполеонъ открылъ съ большою торжественностью Палату представителей. По окончаніи торжества онъ обратился къ Лафайету со словами:

— Вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ, какъ я не имѣлъ удовольствія вѣсть видѣть.

— Да, сиръ, уже двѣнадцать лѣтъ, отвѣчалъ Лафайетъ.

Этотъ день Лафайетъ такъ описывалъ въ письмѣ къ своей *belle-fille* Эмилии де Трасси:

„Вы будете довольны рѣчью Наполеона, но я все время наблюдалъ за его лицемъ, и оно казалось мнѣ лицемъ старого деспота, разгнѣваннаго ролью,

которую обстоятельства принудили его играть. Мы оставались долго около него я и Фложерль въ то время, когда онъ садился въ карету; „я нахожу, что вы помолодѣли, деревенскій воздухъ принесъ вамъ пользу“, сказалъ онъ мнѣ. „Даже очень большую“, отвѣчалъ я ему. Я не могъ сказать ему того же комплимента, такъ какъ онъ очень измѣнился, и его мускулы подергивались. Во время обмѣна этими фразами ни я ни онъ не хотѣли опустить глазъ, и потому каждый изъ насъ прочелъ въ душѣ другого, что тотъ думалъ“.

Въ первомъ же засѣданіи Собраниія Лафайетъ высказалъ свое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ такихъ словахъ:

„Если мы сумѣемъ сдѣлать собраніе независимымъ отъ Бонапарте и проникнуться идеей, что спасеніе Франціи только въ ней самой, мы будемъ существовать и спасемъ наше отечество; если же Собраніе останется бонапартистскимъ, оно погибнетъ вмѣстѣ съ Бонапарте“.

Двѣнадцатаго іюня императоръ возвратился въ Парижъ съ поля битвы при Ватерлоо. Едва роковая вѣсть распространилась по городу, какъ Собрание было уже въ сборѣ. Тревожные слухи циркулировали по скамьямъ. Лафайетъ доложилъ Собранию о прибытіи Наполеона и о рѣчи, которую онъ произнесъ въ совѣтѣ министровъ въ первые же часы по своемъ возвращеніи въ Парижъ: „Мнѣ необходимо быть облеченнымъ чрезвычайными полномочіями, диктатурой“, —сказалъ въ этомъ совѣтѣ Наполеонъ. Чтобы удостовѣриться въ этихъ словахъ, Лафайетъ побывалъ у Фуше, который сказалъ ему: „да, это правда. Наполеонъ полонъ ярости. Онъ хочетъ разогнать первовъ и депутатовъ и сдѣ-

латься диктаторомъ“. Тогда то Лафайетъ взошелъ на трибуну и произнесъ слѣдующую рѣчъ:

„Господа, сказалъ онъ твердымъ голосомъ, — въ первый разъ по истеченіи многихъ лѣтъ съ этой трибуны раздается голосъ, который узнаютъ еще старые друзья свободы; я чувствую себя призваннмъ указать вамъ на опасность для отечества, которое одни вы можете теперь спасти. Распространились мрачныя извѣстія, которыя, къ несчастью, оказались справедливыми. Насталъ моментъ, призывающій васъ соединиться вокругъ старого трехцвѣтнаго знамени, выражавшаго собою свободу, равенство и общественное благо. Это знамя мы должны защищать и противъ иностранцевъ и противъ внутреннихъ враговъ. Позвольте же, господа, ветерану этого дѣла, человѣку, который всегда былъ чуждъ духа мятежныхъ партій, предложить вамъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ постановленій, необходимость коихъ вы, конечно, оцѣните:

1. Палата представителей объявляетъ, что независимость націи находится въ опасности.

2. Палата объявляетъ непрерывность своихъ заѣданій; всякая попытка, направленная къ ея закрытію, должна считаться преступленіемъ и государственной измѣной; кто бы ни былъ виновникъ подобной попытки, онъ будетъ считаться измѣнникомъ отечества и преданъ немедленно суду.

3. Регулярныя войска и національная гвардія, которые сражались и продолжаютъ сражаться, защищая свободу, независимость и территорію Франціи, заслуживаютъ признательности отечества.

4. Министру внутреннихъ дѣлъ поручается собрать въ главный штабъ войскъ начальниковъ и

старшихъ офицеровъ всѣхъ отрядовъ парижской національной гвардіи и посовѣтываться съ ними о средствахъ вооруженія и привлечениія въ гвардію возможно большаго числа такихъ гражданъ, которыхъ патріотизмъ и испытанное въ продолженіе двадцати шести лѣтъ усердіе представляютъ достаточную гарантію защиты ими дѣла свободы, собственности спокойствія столицы и неприкосновенности представителей націи.

5. Министры военный, иностранныхъ дѣлъ, полиціи и внутреннихъ дѣлъ должны немедленно вйти въ составъ Собранія.

Предложенія Лафайета были встрѣчены громомъ аплодисментовъ, и съ этой минуты дѣло Наполеона было безвозвратно проиграно. Первые три пункта предложеній Лафайета были приняты Собраніемъ единогласно; что же касается четвертаго и пятаго, то ихъ также приняли въ принципѣ, но рѣшили привести въ исполненіе послѣ явки въ Собрание министровъ. Вслѣдъ затѣмъ, по предложенію Дюбуа, рѣшено было принятія постановленія Собранія отпечатать, расклепть по улицамъ Парижа и разослать во всѣ департаменты. Кромѣ того, поставить о томъ же въ извѣстность палату первовъ и императора.

Узнавши о постановленіяхъ Собранія, Наполеонъ увидѣлъ свое дѣло погибшимъ и находился въ крайней нерѣшительности: мысль объ отреченіи смѣялась воспоминаніемъ о восемнадцатомъ брюмера; онъ колебался и не зналъ что предпринять. Наконецъ, онъ послалъ своего брата Люціана и всѣхъ министровъ въ Собрание съ предложеніемъ соединиться обѣимъ Палатамъ и спасти Францію отъ ярма Бурбоновъ. Люціанъ исполнилъ поруче-

ніє брата и предложилъ Собранію избрать изъ своей среды пять комиссаровъ, которые, совмѣстно съ министрами, выработала бы планъ спасенія отечества и заключенія мира съ иностранцами. Въ своей рѣчи Люціанъ умалчивалъ о томъ, что непріятель находится на границѣ, что войска разбиты, казна пуста и страна истощена, а распространялся лишь о необходимости спасти императорскій тронъ. Поднялся одинъ депутатъ и, обращаясь къ министрамъ, спросилъ ихъ,—думаютъ ли они, что Франція въ ея настоящемъ положеніи въ состояніи сопротивляться союзу европейскихъ государствъ, и не представляетъ ли присутствіе Наполеона непреодолимаго препятствія для всякихъ переговоровъ о мирѣ? Министры молчали, и лишь одинъ Фуше, занкаясь и не находя словъ, вымолвилъ наконецъ, что всѣ его товарищи не имѣютъ ничего прибавить къ предложенію принца Люціана. Тогда тотъ же депутатъ, нарисовавши картину положенія Франціи, заявилъ, что она не можетъ достигнуть независимости, пока во главѣ ея будетъ стоять военачальникъ и, обращаясь къ Люціану, заключилъ свою рѣчь словами: „идите къ вашему брату и скажите ему, что лишь путемъ отреченія отъ престола онъ можетъ спасти Францію. Скажите ему, что къ этому принуждаетъ его сама судьба“. Обратившись затѣмъ къ Собранію, онъ предложилъ назначить комиссию, которая потребовала бы отъ Наполеона отреченія, а въ случаѣ его отказа, чтобы „Собраніе само отрѣшило его отъ престола“. Уязвленный такимъ предложеніемъ, Люціанъ снова взошелъ на трибуну и началъ говорить о недостаткахъ у французской націи постоянства. „Подумайте, наконецъ, сказалъ онъ, что наше спасеніе завис-

ситъ только отъ нашего единенія и что вы не можете отдѣлять своего дѣла отъ дѣла императора, не предавая его непріятелю, не губя государства, не нарушая вашей присяги, не позоря національной чести". При послѣднихъ словахъ Люціана на трибунѣ появился Лафайетъ:

— Какъ! — воскликнулъ онъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, — вы осмѣливаетесь обвинять насъ въ неисполненіи долга чести и нашихъ обязанностей относительно Наполеона? Неужели вы забыли все, что мы для него сдѣлали! Неужели вы забыли, что кости нашихъ дѣтей и нашихъ братьевъ свидѣтельствуютъ о нашей ему вѣрности, и въ сыпучихъ пескахъ Африки, и на берегахъ Гвадалквирира, и на Вислѣ, и въ сиѣжныхъ пустыняхъ Россіи? Въ продолженіе десяти лѣтъ три миллиона французовъ поплатилось жизнью ради одного человѣка, который и теперь, еще想要 бороться противъ Европы! Мы довольно сдѣлали для него! Теперь наша обязанность спасти отчество".

Эта рѣчъ произвела громадное впечатлѣніе. Болѣе двадцати ораторовъ всходило на трибуну и требовало отреченія Наполеона.

Наполеонъ продолжалъ пребывать въ нерѣшительности; двадцать первого іюня онъ назначилъ, наконецъ, въ Тюльри „большой совѣтъ“. Тутъ собрались подъ предсѣдательствомъ Камбасереса предсѣдатель и четыре члена Палаты депутатовъ, пять делегатовъ отъ палаты первовъ и всѣ министры. Въ началѣ засѣданія совѣтъ разсуждалъ о финансовыхъ и военныхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять для защиты государства, но всѣ присутствующіе чувствовали, что центръ тяжести дѣла

заключается вовсе не въ разрѣшениі этихъ вопросъ. Всѣ чувствовали себя какъ то неловко. Наконецъ, Лафайетъ спросивши у министровъ, нужны ли еще какія нибудь жертвы для отечества и заранѣе давая на нихъ свое согласіе, рѣзко поставилъ вопросъ объ отреченіи Наполеона. „Онъ былъ вѣжливъ въ выраженіяхъ, но неумолимъ въ принятомъ рѣшеніи“. „Если друзья Наполеона думаютъ, что отреченіе Наполеона необходимо для спасенія отечества, сказалъ одинъ изъ министровъ, то они первые должны этого потребовать“.

— Вотъ слово истиннаго француза, отвѣтилъ на это Лафайетъ, но я измѣняю иѣсколько предложеніе и съ своей стороны предлагаю отправиться всѣмъ къ императору и сказать ему, что послѣ всего происшедшаго его отреченіе необходимо для спасенія отечества.

Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ не принялъ никакого опредѣленнаго рѣшенія. Въ палатѣ депутатовъ происходило, между тѣмъ, сильное волненіе. Всѣ желали знать результаты совѣщанія въ Тюльри. Присутствіе императора создавало, по ихъ мнѣнію, съ каждымъ днемъ все новыя и новыя препятствія къ заключенію желаннаго мира. Наполеонъ продолжалъ колебаться, а Люціанъ подстрекалъ его опереться на вѣрныя войска и разогнать Собрание.

Наконецъ, Лафайетъ послалъ сказать Наполеону, что, если въ самомъ скоромъ времени отъ него не будетъ получено добровольнаго отреченія, то онъ внесетъ вопросъ о лишеніи его трона въ Собрание. Въ палатѣ депутатовъ уже и назрѣвалъ такой исходъ дѣла, когда получено было отъ Фуше увѣдомленіе, что Наполеонъ диктууетъ свое отреченіе.

Черезъ нѣсколько часовъ министры, дѣйствительно, принесли въ Собрание это отреченіе и передали его Ланжуине, который и приказалъ немедленно же прочесть его. Послѣ этого Собрание постановило избрать временную исполнительную комиссию, которая должна состоять изъ трехъ членовъ отъ палаты депутатовъ и двухъ отъ палаты первовъ и послать къ союзнымъ арміямъ нѣсколько уполномоченныхъ для переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира. Такими уполномоченными были избраны Лафайетъ, Понтекуланъ, д'Арженсонъ, Себастіани и Лафоре. Потомъ къ посольству въ качествѣ секретаря его былъ еще присоединенъ Констанъ.

Велингтонъ заявилъ депутаціи, что, такъ какъ его государь находится въ войнѣ съ французскимъ правительствомъ, то отреченіе Наполеона еще недостаточная причина для заключенія мирнаго договора. Отвѣтъ Блюхера былъ еще грубѣе: онъ заявилъ, что „прекратить враждебныя дѣйствія только тогда, когда взойдетъ въ Парижъ и когда Наполеонъ будетъ отданъ въ его руки вмѣстѣ съ венсенскимъ замкомъ и различными укрѣпленіями на границѣ“. Выслушавши такие отвѣты, депутаціи ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться въ Парижъ. Черезъ нѣсколько времени столица Франціи была снова въ рукахъ союзниковъ, Наполеонъ сосланъ на островъ св. Елены и наступила эпоха второй реставраціи Бурбоновъ, Лафайетъ снова уѣхалъ въ Лагранжъ.

XXIV.

Для лучшей части французского общества снова начались годы тяжелыхъ испытаній. Возвратившіе-

ся эмигранты и ободрившиеся роялисты высоко подняли головы и направили всѣ свои усилия на возстановление „старого режима“. Это, конечно, не могло имъ удастся,—социальный феодализмъ исчезъ безвозвратно,—и приверженцы старого режима выходили изъ себя отъ досады и злобы. Лафайетъ сдѣлался снова мишенью для ихъ самыхъ ожесточенныхъ нападений.

Въ 1818 году, несмотря на интриги „старыхъ дворянъ“, Лафайетъ снова былъ избранъ въ Палату депутатовъ, но ненависть къ нему была такъ сильна, что Людовикъ XVIII соглашался скорѣе видѣть въ числѣ депутатовъ Грегуара—бывшаго члена Конвента и однимъ изъ первыхъ падавшаго голосъ за казнь короля, нежели Лафайета. Когда же, несмотря на все это, Лафайетъ все таки сдѣлался членомъ Палаты, то ему не давали говорить, перебивая его рѣчи то грубыми, то проницескими восклицаніями: „ваши взгляды гнусны! молчать! Провозгласите священную обязанность народа сопротивляться тиранамъ! Онъ все еще воображаетъ себя на бѣломъ конѣ начальникомъ національной гвардіи!“ и т. д. въ томъ же родѣ. Въ 1820 году тѣснившіеся около короля дворяне хотѣли значительно ограничить избирательное право и заготовили въ этомъ смыслѣ проектъ закона. „Этотъ конѣ, воскликнулъ Лафайетъ, есть не что иное, какъ объявленіе войны на смерть всѣмъ завоеваніямъ Революціи. Роялисты хотятъ окончательно покончить съ началами свободы и равенства. Съ ими можетъ быть одинъ только способъ разговора,—изъ дула ружья!“,—и онъ предложилъ всѣмъ гражданамъ, которыхъ новый законъ лишалъ избирательныхъ правъ, подать по этому поводу петицію

королю, обѣщая первымъ дать на ней свою подпись. Предпріятіе роялистовъ не удалось и лишь еще болѣе возбудило ихъ ненависть къ Лафайету. Самыя бурныя сцены происходили въ Палатѣ почти ежедневно, ибо интересы разныхъ классовъ общества были положительно непримиримы. Бури возникали по самымъ ничтожнымъ поводомъ: то изъ за употребленного генераломъ Фуа выраженія „славное трехцвѣтное знамя“, то изъ за слова „конституціонный король“, произнесенного другимъ депутатомъ, то еще изъ за какой нибудь мелочи. „Вся Франція отвергаетъ дѣла Революціи“, воскликнулъ одинъ депутатъ „правой“. „Вся Франція благословляетъ ихъ“, отвѣчала ему „лѣвая“... О какомъ же примиреніи могла быть тутъ и рѣчь?..

Попытки ограничить свободу печати, (на которыхъ Лафайетъ отвѣтилъ учрежденіемъ „Общества Друзей Свободы Прессы“), и цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, привели вскорѣ къ сильному распространенію во Франціи тайныхъ обществъ карбонаріевъ. Зародившись въ Италіи, общества эти распространялись по всей Европѣ и нашли себѣ благодарную почву во Франціи временъ Реставраціи. Президенство въ высшей карбонарской „вентѣ“ Франціи было вручено Лафайету. То былъ первый и послѣдній случай, разъ въ его жизни, когда, не удовлетворившись открытую дѣятельностью, онъ вступилъ на путь заговора. Условія жизни въ царствованіе Людовика XVIII толкнули его на эту дорогу. „Я уже довольно пожилъ, сказалъ, однажды, Лафайетъ, близкимъ ему людямъ, рекомендовавшимъ ему осторожность, и мнѣ кажется, что я достойно завершилъ бы свой жизненный путь, поднявшись на эшафотъ во имя свободы“. Слѣдствіе

о заговорахъ карбонаріевъ дало, однажды, нѣкоторыя указанія на прикосновенность къ нимъ Лрафайета, Бенжамина Констана, Лаффита, генерала Фуа и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Тогда всѣ они потребовали надъ собою гласнаго суда, а Лрафайетъ, явившись лично къ королю, сказалъ ему:

„Не смотря на свое равнодушіе къ ненависти и проискамъ враждебной мнѣ партіи, съ которымъ я обыкновенно къ нимъ отношусь, я, однако, долженъ прибавить нѣсколько словъ къ заявлению моихъ почтенныхъ друзей. Въ теченіе всей своей жизни, посвященной всецѣло дѣлу свободы, я постоянно подвергался зложелательству со стороны всѣхъ противниковъ этого дѣла, выступавшихъ въ качествѣ ли деспотовъ, аристократовъ или анархистовъ, безразлично, но имѣвшихъ въ виду всегда борьбу съ свободою. Я не жалуюсь, хотя и имѣлъ бы право находить немножко поспѣшнымъ выраженіе „доказанное“, которое г. генеральный прокуроръ употребилъ относительно моего участія въ заговорѣ. Я присоединяюсь къ моимъ друзьямъ и требую поставить наше дѣло на обсужденіе въ Палатѣ при полной гласности предъ лицемъ всей націи. Вотъ условіе, при которомъ мы и наши обвинители, въ какомъ бы рангѣ они не были, можемъ сказать другъ другу все, что въ теченіе тридцати трѣхъ лѣтъ накопилось у каждого изъ насъ на душѣ“.

На эту мѣру, разумѣется, не рѣшились, и слѣдствіе было прекращено.

Послѣ этого Лрафайетъ задумалъ осуществить свое давнишнее желаніе и побывать еще разъ въ Америкѣ „Недѣли двѣ тому назадъ, писалъ ему по этому поводу президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединен-

ныхъ Штатовъ Монroe,—я послалъ вамъ черезъ г. Брауна письмо, въ которомъ извѣщалъ васъ о нашемъ желаніи отправить въ какой либо изъ французскихъ портовыхъ городовъ по вашему выбору фрегатъ, дабы на немъ вы могли пріѣхать въ Соединенные Штаты. Нынѣ прибавлю, что Конгрессъ постановилъ выразить вамъ отъ лица всей націи его искренній привѣтъ и горячее желаніе увидѣть васъ снова еще разъ на нашей землѣ. Время, которое вы избрали бы для этой цѣли, всецѣло зависитъ отъ васъ. Каково бы ни было въ этомъ отношеніи ваше рѣшеніе, вамъ стоитъ только написать мнѣ, и я тотчасъ же сдѣлаю распоряженіе о посылкѣ въ назначенный вами портъ коробля, который васъ доставить въ страну, васъ усыновившую и обѣ оказанныхъ ей вами услугахъ сохранившую самую благодарную память. Посылая вамъ это постановленіе Конгресса, присоединяю къ нему и собственныя чувства глубокаго къ вамъуваженія“.

Въ іюль мѣсяцѣ 1825 года шестидесятилѣтній Лафайетъ, не видѣвшій Америки около сорока лѣтъ, вышелъ на американскомъ кораблѣ изъ Гавра въ Атлантическій океанъ, и пятнадцатаго августа артиллерійскіе залпы въ Нью-Йоркѣ возвѣстили жителямъ этого города о прибытіи славнаго путешественника. Едва ли когда и коронованныя лица удостоивались такихъ тріумфальныхъ встрѣчъ, какими было полно путешествіе Лафайета по Америкѣ. Когда корабль подошелъ къ Нью-Йорку, ему на встрѣчу вышло судно, на которомъ находились депутаты отъ города, генералы и офицеры милиціи и болѣе двухсотъ именитѣйшихъ гражданъ Нью-Йорка, среди которыхъ Лафайетъ узналъ нѣсколь-

кихъ старыхъ товарищей по войнѣ за американскую независимость. Они горячо обнимали и привѣтствовали Лафайета, котораго удалось увидѣть послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Въ это время оркестръ исполнялъ арію: „où peut au être tieux qu'au sein de sa famille“! *) Наконецъ, оба коробля пристали къ берегу, и Лафайетъ былъ встрѣченъ громомъ привѣтствій двухсотъ-тысячной толпы. Составившаяся изъ старыхъ участниковъ войны „гвардія Лафайета“, отличительнымъ знакомъ которой былъ висѣвшій на груди каждого-изъ „гвардейцевъ“ портретъ прибывшаго гостя, предложила ему сдѣлать смотръ выстроенной милиціи. По мѣрѣ того какъ онъ приближался къ отдѣльнымъ частямъ войскъ, предъ нимъ склонялись знамена, на которыхъ красовались ленты съ надписью: „добро пожаловать, Лафайетъ!“ Эти же слова были написаны повсюду; они же повторялись безпрерывно многотысячной толпой. По окончаніи смотра Лафайета посадили въ коляску, запряженную четверкой бѣлыхъ лошадей и повезли въ городскую ратушу. Тамъ меръ города встрѣтилъ его такою рѣчью: „Малое число оставшихся въ живыхъ вашихъ товарищей по оружію не забыли и ихъ потомки никогда не забудутъ молодого и храбраго француза, который посвятилъ свою молодость, свои таланты, свое состояніе и свои силы американскому дѣлу, который проливалъ свою кровь за ихъ свободу и счастье. Они будутъ воспоминать съ глубокимъ душевнымъ волненiemъ до тѣхъ поръ пока они только будутъ достойны тѣхъ благъ, которыми они наслаждаются, все то, что вы сдѣлали для завоеванія имъ этихъ благъ.

*) Гдѣ можно чувствовать себя лучше, чѣмъ въ нѣдрахъ своей семьи.

Они не забудутъ, что вы присоединились къ ихъ отцамъ въ самый критический моментъ борьбы, связавши свою судьбу съ судбою тѣхъ, участъ которыхъ казалась почти безнадежною. Поль-вѣка протекло со времени этихъ великихъ событий, и за это время ваше имя сдѣлалось столь же неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о свободѣ и столь же дорого вашимъ друзьямъ на континентѣ Европы, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Американскій народъ чтитъ васъ, какъ дорогого отца; отечество взираетъ на васъ, какъ на возлюбленнаго сына. Поведеніе моихъ согражданъ доказываетъ нынѣ ложность утвержденія тѣхъ, которые говорятъ, будто Республики всегда неблагодарны къ своимъ благодѣтелямъ. Именемъ гражданъ Нью Іорка, именемъ всего народа Соединенныхъ Штатовъ еще разъ повторяю уже принесенные вамъ поздравленія съ прибытіемъ“.

Послѣ этой рѣчи двери залы ратуши растворились и въ нихъ хлынула несмѣтная толпа народа. Лафайетъ сдѣлался положительнымъ кумиромъ этого народа, не знаяшему какъ выразить ему свой восторгъ: матери протягивали къ нему своихъ дѣтей и просили благословить ихъ, и едва только черезъ два часа удалось вырвать Лафайета изъ рукъ толпы и отвезти въ роскошно убранный City Hotel, развевающійся флагъ на которомъ указывалъ на мѣсто пребываніе „гостя націи.“

Въ такомъ же тонѣ, какъ рѣчь мера, были обращены къ Лафайету и другія безчисленныя привѣтствія „North-American Review“ говорили на своихъ страницахъ: „Лафайетъ буквально гость народа. Мы радуемся вмѣстѣ съ тысячами гражданъ, которые слѣдуютъ за нимъ повсюду, куда бы онъ не

направился, возможности отдать дань безкорыстного поченія тому, кто сражался рядом съ нашими отцами за наше спасеніе. Но мы радуемся еще болѣе тому нравственному вліянію, которое неминуемо окажеть на насъ присутствіе Лафайета, ибо не простое зрѣлище открылось сегодня предъ нашими взорами. Предъ нами человѣкъ, который единственно сплою своихъ принциповъ, твердо, просто и достойно переносилъ превратности судьбы, человѣкъ, который, сыгравши выдающуюся роль въ двухъ величайшихъ Революціяхъ нашего времени, вышелъ изъ нихъ чистымъ и безупречнымъ, человѣкъ, который среди благополучія и среди бѣдствій, одинаково исповѣдывалъ догматъ общественной свободы въ двухъ полушаріяхъ и сохранилъ то же довѣріе къ свободѣ и на развалинахъ Бастилии, и на Марсовомъ полѣ, и въ ольмюцкой тюрьмѣ и при деспотизмѣ Бонапарте.“

Изъ Нью Іорка Лафайетъ отправился въ Массачусетсъ въ сопровожденіи составившагося изъ американцевъ отряда всадниковъ. Всюду повторялись тѣ же привѣтствія, тѣ же встрѣчи, съ пушечными выстрѣлами и колокольнымъ звономъ. Въ Бостонѣ мэръ города сказалъ ему:

„Вы видите, что счастье народа, за которое вы сражались, превзошло всѣ ожиданія. Свобода народа упрочена. Онъ силенъ и смотрить впередъ безъ страха. Вы проливали вашу кровь за три миллиона человѣкъ, а теперь сердца десяти миллионовъ наполнены благодарностью къ вамъ. Движеніе этого народа не есть движение буйной черни, по движенье великаго народа, взволнованнаго серьезнымъ, нравственнымъ и разумнымъ мотивомъ.“

Въ Кембриджѣ профессоръ колледжа въ Гарвар-

дѣ Эверешъ обратился также къ Лафайету съ замѣчательной рѣчью: „въ этомъ году, сказалъ онъ, исполнится пятидесятилѣтіе со времени величайшаго событія въ исторіи человѣчества, т. е. нашей Революціи. За это время сошла уже въ орошенную ихъ кровью землю большая часть великихъ людей, которымъ мы обязаны своею национальною независимостью; немногіе изъ нихъ наслаждаются вмѣстѣ съ нами плодами своихъ трудовъ и своихъ жертвъ. И, вотъ, уступая желанію народа, является къ намъ предъ концомъ своего поирища, одинъ изъ такихъ великихъ людей, дабы принять благодарность націи, которой онъ посвятилъ свою молодость.

„Исторія не забыла момента, когда этотъ другъ нашей страны обратился въ 1776 году къ посланнымъ въ Парижъ нашимъ комиссарамъ съ просьбою принять его на службу и отправить въ Америку и, когда комиссары принуждены были отвѣтить ему, — до такой степени наше дорогое отчество было бѣдно и несчастно,—что у нихъ нѣть средствъ для того, чтобы снарядить хоть одинъ корабль, то молодой герой воскликнулъ: „въ такомъ случаѣ я снаряжу корабль на собственный счетъ,“ и, не колеблясь, въ нѣжныхъ еще лѣтахъ, онъ покинулъ семейство, богатство, спокойную и счастливую жизнь, дабы принять участіе въ кровавой и сомнительной по исходу нашей Революціи, явился въ ту самую Америку, которая была слишкомъ бѣдна для того, чтобы перевезти его черезъ океанъ...

„Привѣтъ другу нашихъ отцевъ! Добро пожаловать въ нашу землю! Мы счастливы созерцать ваши памятныя намъ черты лица! Пользуйтесь по праву тріумфомъ. Будьте увѣрены, что въ цѣлой

Америкѣ не найдется ни одного сердца, которое не трепетало бы отъ благодарности при звукѣ вашаго имени! Вы получили уже или вскорѣ получите привѣтствія отъ того небольшого числа горячихъ патріотовъ, мудрыхъ мужей совѣта и неустрашимыхъ воиновъ, съ которыми вы вмѣстѣ завоевывали нашу свободу, но тщетно стали бы вы искать вокругъ себя такихъ, которые предпочли бы цѣлые годы жизни одному дню, подобному настоящему, проведенному съ ихъ старымъ товарищемъ по оружію. Гринъ, Кноксъ, Гамильтонъ—умерли; герой Саратоги и Нью-Йорка пали передъ смертью, этимъ единственнымъ врагомъ, котораго они не могли побѣдить; и величайшій изъ всѣхъ, первый мужъ между героями и людьми, другъ вашей молодости, спаситель отечества, поконится въ нѣдрахъ освобожденной имъ земли, на берегахъ Потомака. Вы посѣтите скромное убѣжище Моунтъ-Вернона, но не встрѣтить васъ на его порогѣ тотъ, котораго вы такъ чтили. Его голосъ, тотъ утѣшительный голосъ, который достигалъ до васъ въ самыя австрійскія тюрьмы, не нарушитъ болѣе тишину, принимая васъ у своего очага; но дѣти Америки примутъ васъ именемъ его и воскликнутъ: добро пожаловать, Лафайетъ! трижды поздравляемъ съ благополучнымъ прибытіемъ друга нашихъ отцовъ и нашей страны!"

Въ числѣ старыхъ героевъ войны за независимость находились еще въ живыхъ второй президентъ республики Соединенныхъ Штатовъ Джонъ Адамсъ и Джейферсонъ. Восьмидесятилѣтній Джонъ Адамсъ жилъ въ Квинси, въ маленькомъ простомъ деревянномъ домикѣ. Онъ собралъ у себя все свое семейство для встречи своего стараго друга и,

бросившись къ нему на шею, долго высказывалъ свою радость и по поводу свиданія и той торжественной встречи, которую оказали Лафайету его соотечественники.

Джефферсонъ писалъ Лафайету третьяго сентября: „боюсь, чтобы вы не умерли отъ утомленія, благодаря столькимъ прекраснымъ торжествамъ. Нѣть ни одного города, который не просилъ бы васъ къ себѣ. Наша деревня Шарлотевиль настаиваетъ также, чтобы вы посѣтили и насъ. Я помирился съ жителями деревни на томъ, чтобы пригласить васъ только у насъ пообѣдать и теперь, исполняя это порученіе, умоляю васъ не отказать намъ въ нашей просьбѣ. Пріѣзжайте же, мой дорогой другъ, когда только пожелаете. Какое будетъ для меня счастье имѣть возможность поговорить съ вами о нашихъ первыхъ трудахъ, о несчастьяхъ прошлаго, надеждахъ на будущее! Да благословитъ и да хранитъ васъ Богъ! Да позволитъ онъ мнѣ вать увидѣть и васъ обнять!“

Лафайетъ, конечно, заѣхалъ къ Джейферсону и много поговорили между собою оба героя о прошломъ, настоящемъ и будущемъ ихъ отечествъ! Разставшись съ Джейферсономъ, Лафайетъ не зналъ куда емуѣхать, такъ многочисленны были полученные имъ приглашенія. Каждый изъ двадцати четырехъ штатовъ непремѣнно хотѣлъ видѣть его у себя: ему устраивали самыя трогательныя встречи и проводы, и не разъ слезы текли ручьями по лицу Лафайета, которыхъ онъ не могъ удержать...

Наконецъ, послѣ торжественнаго приема, оказанаго ему Конгрессомъ и Сенатомъ, послѣ сотень другихъ триумфовъ, Лафайетъ возвратился во Францию. Заново построенный корабль, который дол-

женъ быль отвезти его на родину, назвали Brandywine'омъ, въ воспоминаніе объ одержанной при этомъ мѣстечкѣ побѣдѣ. Знамена всей милиціи низко склонились, когда Лафайетъ вступилъ на корабль... Третьаго октября корабль бросилъ якорь у Гавра. Когда Лафайетъ хотѣлъ сойти на берегъ, то капитанъ корабля Грегори сорвалъ развивавшійся на Brandiwine'ѣ американскій флагъ и, подавая его Лафайету, сказалъ: „мы не можемъ передать этотъ флагъ въ болѣе славныя руки. Возьмите его и пусть онъ всегда напоминаетъ вамъ о союзѣ съ американскими народомъ...“

Объ единственной въ своемъ родѣ встрѣчѣ Лафайета въ Америкѣ, разумѣется узнали и во всей Европѣ: его друзья торжествовали, враги скрежетали зубами. Беранже написалъ объ отѣздѣ Лафайета въ Америку стихотвореніе, которое многіе знали наизусть.

Groire immortelle à l'homme de deux Mondes!

*Jours de triomphe, éclairez l'univers! *)*

говорилось, между прочимъ, въ этомъ стихотвореніи.

Когда Лафайетъ проѣзжалъ черезъ Руань, то жители этого города хотѣли устроить ему сочувственную манифестацію, но жандармы разогнали толпу. Разница между Америкой и Франціей бросалась тогда въ глаза не одному только Лафайету. Наконецъ, десятаго октября Лафайетъ прибыль въ Лагранжъ. Тутъ толпа напомнила его долгъ, осипала привѣтствіями, называла „другомъ народа.“

Въ теченіе всего 1825 года Лафайетъ не выѣзжалъ изъ Лагранжа, будучи погруженъ въ занятія сельскимъ хозяйствомъ и переписку съ выдающи-

*) Безсмертная слава человѣку двухъ полушарій! Дни торжества освѣтите вселенную!

мися дѣятелями Старого и Нового Свѣта; онъ откликался всей душой на стремленія къ независимости имѣвшія мѣсто въ Португаліи, Греціи и Южной Америкѣ, ободряя своими письмами Боливара, прозванного „Вашингтономъ Южной Америки.“

Межу тѣмъ, вступленіе на французскій престолъ въ 1824 году Карла X не только не улучшило внутренняго состоянія Франціи, но еще болѣе усилило реакцію. Въ 1827 году Лафайетъ снова былъ избранъ депутатомъ и въ манифестѣ къ избирателямъ упомянулъ о нарушеніи французскимъ правительствомъ правъ, признанныхъ хартіей и о своемъ стремленіи бороться за эти права до послѣдней минуты жизни. Два слѣдующіе года были временемъ глухой борьбы между правительствомъ Карла X и народными представителями. Реформа избирательного закона, имѣвшаго въ виду ограничить число избирателей, служила особеною причиной борьбы. „Всѣ, платящіе налоги, должны участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ государственномъ управлениі“, говорилъ Лафайетъ и сдѣлалъ это положеніе главнымъ пунктомъ своей программы. Въ августѣ онъ задумалъ посѣтить мѣсто своего рожденія, Овернь. Это путешествіе превратилось въ рядъ антиправительственныхъ манифестацій. Въ Пюи иллюминовали, по случаю прибытія Лафайета, весь городъ, а на другой день въ честь его состоялся банкетъ: „будьте увѣрены, сказалъ на этотъ банкетѣ Лафайетъ, что, если существуетъ заговоръ противъ общественной свободы, то Палата Депутатовъ, также какъ и сама нація, найдутъ силы для обузданія заговорщиковъ“. Въ Греноблѣ былъ устроенъ такой же банкетъ; въ отвѣтъ на провозглашенный за его здоровье однимъ

изъ жителей города тостъ, Лафайетъ сказалъ: „здѣсь развивалось первое знамя свободы; здѣсь найдется въ случаѣ надобности и опять якорь спасенія“. Подобныя же манифестаціи происходили и въ другихъ большихъ и малыхъ городахъ, черезъ которыхъ проѣзжалъ Лафайетъ. Въ мартѣ 1830 года Лафайетъ говорилъ: „какъ бы плохо ни было министерство, но не въ этомъ зле. Король хочетъ управлять самовластно; его министры даже не совѣтники, а простыя орудія. Я думаю, что надо быть готовымъ ко всему“. Семидесятилѣтній Лафайетъ, какъ и въ дни своей юности, снова становится главою оппозиціи. Политическія манифестаціи, которыя ему постоянно устраивали французы, не предвѣщали ничего хорошаго для Карла X, и разразившаяся черезъ четыре мѣсяца послѣ словъ Лафайета, что „надо быть готовымъ ко всему“ іюльская Революція послужила тому яснымъ доказательствомъ. Карлъ X бѣжалъ въ Англію, и на французскій престолъ вступилъ Луи-Филиппъ.

XXV.

Все значеніе Революціи 1830 года состоитъ въ томъ, что она еще болѣе перенесла центръ тяжести классового господства отъ аграріевъ къ капиталистамъ. Перераспределеніе соціальной силы во французскомъ обществѣ, завершившееся въ первую треть XIX вѣка, вызвало этотъ результатъ. Лафайетъ,—идеалистъ чистой воды и, тѣмъ не менѣе, безсознательный носитель и выразитель классовыхъ стремленій „третьяго сословія“, принималъ и въ этомъ событии крупнейшее участіе. Характеръ его роли въ событіяхъ тридцатаго года опредѣляется его рѣчью, произнесеною съ трибуны седьмого августа:

„По чувствамъ я республиканецъ, сказалъ онъ. Это я заявлялъ много разъ и передъ многими правительствами, но это не мѣшало мнѣ всегда быть защитникомъ конституціонной монархіи. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, господа, что намъ необходимо создать народный тронъ; мнѣ кажется также, что выборъ государя, на которомъ вы остановились очень хорошъ. Я еще болѣе укрѣпился въ этомъ мнѣніи, когда его лучше узналъ. Но я несогласенъ со многими изъ васъ по вопросу о наследственности престола“.

„Народный тронъ, установленный во имя суверенитета націи и окруженный республиканскими учрежденіями,—вотъ чего мы хотимъ“, писалъ Лафайетъ вскорѣ послѣ Революціи 1830 года въ одномъ письмѣ.

Когда Собрание рѣшило предложить такой „народный тронъ“ Луи-Филиппу, и когда новый „король-гражданинъ“ появился на балконѣ l'Hôtel de Ville'я передъ стотысячной толпой, то сопровождавшій короля Лафайетъ обнялъ его, сказавши: „вотъ, король, котораго намъ надо было; предложивши ему тронъ, мы сдѣлали все, что могли, въ качествѣ республиканцевъ“ *).

„Народный тронъ“ Луи-Филиппа оказался, по совершенно яснымъ причинамъ, трономъ, созданнымъ буржуазіей, явившейся въ это царствованіе полнымъ властелиномъ Франціи. Это владычество буржуазіи развило въ теченіе восьмнадцатилѣтняго царствованія „короля - гражданина“ новый общественный классъ, ставшій принимать все болѣе и

*.) Приписываемую Лафайету знаменитую фразу, будто бы сказанную имъ Луи-Филиппу—„вы—лучшая республика“, онъ положительно отрицалъ.

болѣе сознательное участіе въ классовой борьбѣ, а, стало быть, и политической жизни Франціи. Это сказалось съ особеною наглядностью въ 1848 году. Но Лафайетъ не дожилъ уже до этихъ событій и потому говорить о нихъ не входитъ въ планъ нашего очерка.

Послѣдніе четыре года своей жизни Лафайетъ занимался корреспонденціей съ выдающимися американцами и хлопотами о помощи народамъ, желавшихъ свергнуть чужое иго. Принималъ онъ участіе и въ политической жизни Франціи въ качествѣ депутата, но годы брали свое: „Въ палатѣ Депутатовъ, говоритъ Гейне, можно было видѣть человѣка съ сѣдыми кудрями, который иногда засыпалъ среди самыхъ бурныхъ рѣчей ораторовъ“... „Онъ слыхалъ и не такія!“, прибавляетъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ Гейне. Въ 1833 году Лафайетъ имѣлъ еще разъ случай высказать свои убѣжденія въ манифестѣ къ избирателямъ. Манифестъ этотъ не только выражалъ собою итогъ всѣхъ многолѣтнихъ убѣжденій Лафайета, но въ немъ звучали и новыя согласныя съ духомъ времени, ноты. Онъ гласилъ, что „французамъ нѣть никакой надобности платить по двѣсти франковъ, чтобы быть здравомыслящими и избирать честныхъ депутатовъ... Піущество вовсе не гарантія здраваго смысла, благоразумія и мудрости... Обученіе должно быть свободно... Отечество обязано давать всякому первоначальное образованіе...“

Девятаго мая 1834 года Лафайетъ простудился и слегъ въ постель. Болѣзнь не поддавалась лечению и все болѣе и болѣе усиливалась. Все многочисленное семейство умирающаго окружило его одръ. Онъ уже не говорилъ и даже было неизвѣстно, наход-

дится ли онъ въ сознаніи. Но, вотъ, его сынъ, Жоржъ, замѣтилъ, что умирающій ищетъ что то неувѣренной рукой на своей груди. Сынъ пришелъ на помощь отцу и подалъ ему медальонъ, который Лафайетъ всегда носилъ на своей груди. Умирающій прижалъ медальонъ къ губамъ. Это было его послѣднее движеніе... Въ медальонѣ находилось портретъ и волосы его жены, Адріены... „Такъ, будучи разлученъ уже съ цѣлымъ міромъ, говоритъ Гизо, онъ умеръ съ мыслью о подругѣ своей жизни“... Этого было двадцатаго мая 1834 года.

Тѣло Лафайета было похоронено въ Річардъ, рядомъ съ Адріеной. Американцы прислали на его могилу и своей земли, которая, такимъ образомъ, смѣшалась съ французскою. Впослѣдствіи прахъ Лафайета былъ перенесенъ въ Пантеонъ, гдѣ покоятся останки Вольтера, Руссо, Монжа, Фенелона, Бертоле, Кювье, Лапласа, Виктора Гюго и другихъ замѣчательныхъ на разныхъ поприщахъ дѣятелей Франціи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ извѣстіе о смерти Лафайета было встрѣчено всеобщею скорбью. По распоряженію Конгресса и Сената, во всѣхъ штатахъ былъ наложенъ мѣсячный трауръ. Затѣмъ Конгрессъ поручилъ сыну Джона Адамса, Джону Квинси Адамсу обрисовать личность и характеръ покойного въ присутствіи президента Республики, министровъ, посланниковъ и многочисленной публики. „Похвальное слово“ это было встрѣчено американцами съ энтузіазмомъ и отпечатано въ шестидесяти тысячахъ экземпляровъ для раздачи народу. Такъ почтилъ американскій народъ память усыновленнаго имъ великаго человѣка.

Лафайетъ не былъ ни великимъ мыслителемъ, ни государственнымъ мужемъ, ни выдающимся писателемъ, ни блестящимъ ораторомъ, но онъ, какъ никто другой, былъ яркимъ представителемъ того, конечно, огромнаго меньшинства среди правящихъ классовъ Франціи XVIII вѣка людей, которые поняли задачи своего времени и безповоротно примкнули къ начавшемуся тогда великому общественному движению. „Въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, — говорить знаменитый нѣмецкій мыслитель, — процессъ разлаженія среди господствующаго класса внутри всего старого общества достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ классу,несущему знамя будущаго“. Именно къ числу такихъ людей и принадлежалъ Лафайетъ. Онъ и его друзья были типичными идеологами класса, шедшаго на смѣну того, къ которому они принадлежали по рождению. Новый классъ, классъ буржуазіи, казался *тогда* не одному только Лафайету „народомъ“, представителемъ и выразителемъ высшихъ запросовъ человѣческаго духа и носителемъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Строй, созданный этимъ классомъ, оказался, по выраженію другого нѣмецкаго мыслителя, „самой злой, отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII вѣка“, но во первыхъ это ясно *теперь*, post factum, а во вторыхъ строй именно *этотъ*, а не какой нибудь другой, создаетъ изъ самого себя всѣ необходимые элементы для окончательного торжества истинной справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Эта мысль принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ обоимъ цитированнымъ мыслителямъ. Идеи Лафайета —

идей, несомнѣнио уже устарѣвшія въ современной Европѣ. „Глаголъ“, которымъ европейскіе пророки „жгутъ сердца людей“, заключаетъ въ себѣ не за-
вѣтия мысли маркиза и Деклараціи Правъ 1789
года, но не въ идеиной сторонѣ дѣла и состоить
значеніе личности Лафайета. Значеніе ея, — въ
вѣрности знамени и политической религіи, измѣнить
которымъ не могли заставить Лафайета ни
преслѣдованія якобинцевъ, ни австрійскіе казематы,
ни едва сдерживаемый гнѣвъ всемогущаго Наполеона.
Въ этомъ постояннствѣ, въ этой беззавѣтной
преданности своимъ принципамъ и заключается
поучительность біографіи одной изъ замѣчательнѣй-
шихъ, выдвинутыхъ новой исторіе Франціи, лич-
ностей.

Замѣченныя опечатки:

<i>Стр.</i>	<i>Строка сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
1	21	играетъ	играль
1	22	Badoux	Bardoux
9	27	Лафайета	Лафайеть
15	1	затя	зятя
27	12	естъ первого октября отъ	перваго октября
27	21	поспѣшилъ	поспѣшилъ
28	6	въ отвѣтъ	въ отвѣтъ
54	2	того движенія	этого движенія
61	1	1875	1775
86	42	совершенный соціализмъ	современный соціализмъ
88	28	marchauds	marchands
89	12	знамени	знамени
120	12	вѣнными	вѣрными
139	24	послано	послала
178	17	несовиѣстнымъ	несовмѣстнымъ
223	5	au	on
224	30	привѣтцвія	привѣтствія
224	30	говорили	говорила
229	19	gloire	gloire
225	11	разложенія	разложенія
236	14	исторіе	исторій

ИЗДАНІЯ МАГАЗИНА
„КНИЖНОЕ ДѢЛО“,

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ,

И НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ:

- Андерсонъ, Р.** Исторія вымершихъ цивілізацій Востока. Съ рисунками и картами. М. 98. Ц. 50 к.
- Бертильонъ, Ж.** Пріемы собирания и разработки статистическихъ свѣдѣний. Переписи населенія. Со вступительной статьей проф. А. Ф. Фортунатова: „О научной обработкѣ статистич. материаловъ“. Ц. 1 р. 50 к.
- Брентано, Л.** Объ отношеніи заработка платы и рабочаго времени къ производительности труда. Перев. Дена и Святловскаго 2-го. Ц. 75 к.
- Вейнбергъ, П.** „Для лѣтей“ (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунками. Ц. въ изящ. переп. 1 р. 50 к.
- Веригинъ, Н. А.** Г. Г. Песталоцци. Біограф. оч. Съ портретомъ. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Гаазъ, Ф.** Д-ръ. Азбука христіанскаго благоправія. Ц. 25 к.
- Гаазъ, Ф.** Д-ръ. Призывъ къ женинамъ. Ц. 25 к.
- Гиддингсъ, Ф. Г.** Основы соціологіи. 2-е изд. М. 98. Ц. 1 р.
- Головачевъ, А. А.** Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ А. А.** Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россії. Сиб. 1881 Ц. 1 р. 25 к.
- Грантъ-Алленъ.** Жизнь растеній. Попул. бесѣды. Съ 51 рис. Ц. 60 к.
- Гроссе, Э.** Формы семьи и формы хозяйства. Ц. 1 р.
- Денъ, В.** Къ учению о цѣнности. Три очерка. I. Адамъ Смитъ.— II.—Давидъ Рикардо.—III. Карль Родбертусъ - Ягецовъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Джемсъ, В.** Стоить ли жить? Ц. 20 к.
- Дрейфусъ, Е.** Мировая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюкло, Е.** Защита отъ болѣзней. 1898 г. Ц. 15 к.
- Демоленъ.** Новыя педагогическія направления. Ц. 1 р.
- Зиммель, Г.** Проблемы философіи исторіи. Ц. 60 к.
- Каблуковъ, Н. А.** Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россії. Ц. 1 р. 75 к.
- К-ва, М.** Очерки и замѣтки. Содержаніе: Слабый ростокъ.—Швея.—Съ крутизны.—Вечеръ.—Что говорять о женщинахъ писатели иностранные и русскіе. Ц. 1 р.

- Кардо-Сысоева, Н. Е. Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Ц. 50 к., въ изящ. перепл. 80 к.
- Кардо-Сысоева, Н. Е. Три рассказа для дѣтей. Съ рисунками. Ц. 85 к., въ папкѣ 1 р.
- Квасковъ, Я. Г. Реформа библіотечнаго дѣла. Ц. 25 к.
- Кейра, Ф. Воспитаніе характера (оттискъ изъ кн. Фулль: „Темпераментъ и характеръ“). Ц. 10 к.
- Кирхенгеймъ, А., фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.
- Клоддъ, Э. Первобытный человѣкъ. Съ рис. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Кнаппъ, Г. Ф. Виды организаціи труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.
- Крымскій, А. Е. Мусульманство и его будущность. Ц. 75 к.
- Ланге. Эмоція (психо-физиологический очеркъ). Ц. 30 к.
- Ле-Дантекъ, Ф. Живое вещество. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6 чертежами. Ц. 75 к.
- Ле-Дантекъ, Ф. Индивидуальная эволюція и наследственность. Ц. 75 к.
- Ле-Гренъ, М. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.
- Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. М. 1898. Ц. 50 к.
- Масе. Исторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е. Сиб. 1874 г. Съ 20-ю табл. рис. Ц. 75 к.
- Мильтъ, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.
- Мильтъ, Д. С. Огость Конть и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.
- „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к., въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.
- Паульсенъ, Ф. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Ц. 40 к.
- Поллокъ, Ф. Исторія политическихъ учений. Ц. 40 к.
- Proust & Ballet. Гигієническое лѣчение неврастеній. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 1 р.
- Ревилль, Ж. Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 т. Ц. 80 к.
- Святловскій 1-й, В. В. Фабричный рабочий (изъ наблюдений фабричнаго инспектора). Варшава. 1898. Ц. 3 р.
- Святловскій 2-й, В. В. Государственное страхование рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.
- Святловскій 2-й, В. В. Брентано, его жизнь, возврѣнія и школа. Съ портретомъ Брентано. Ц. 1 р. 50 к.
- Соболевъ, М. И. Очерки изъ истории всемирной торговли въ связи съ развитиемъ экономической жизни. Ц. 1 р. 20 к.
- Сорель, А. Монтескье. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. р. 50 к.
- Тейлоръ, И. Происхожденіе арийцевъ и доисторический человѣкъ. Съ 30-ю рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

- Теннисонъ, А.** Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федо-
рова, со ст. И. И. Иванова. „Теннисонъ и его поэзия“ и
портретомъ Теннисона. Ц., 50 к.

Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц.
изд. В. Н. Линдѣ. М.: 1897. XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

Уордъ, Л. Психические факторы цивилизаций. Полный пере-
водъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.

Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація, и каталогизированіе
библиотекъ. Ц. 25 к.

Фуллье, А. Тѣмпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.

Фюстель-де-Кулланжъ. Древняя гражданск. община. Ц. 2 р.

Чаниагъ, Э. Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Ц. 1 р.

Шелли. Сочиненія. Въ перев. К. Д. Бальмонтa. Вып. 5-й. Ц. 75 к.

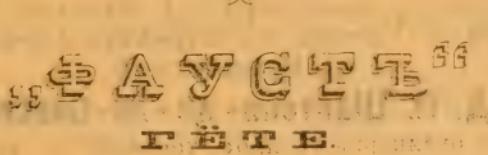
Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

Поступили въ продажу новые иллюстрированныя издания:

«ИСТОРИЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Іоганна Шерра,

со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдельныхъ прилож. Всѣ клише для этого изданія сдѣланы за границей. Перев. съ пост. нѣм. изд. подг. ред. и съ примѣч. **П. И. Вейнберга**. Отданы русской и славянской литературѣ обработаны болѣе подробно и самостоитѣльно. Книга составляеть два большихъ тома, болѣе 1000 стр. Цвѣта 91

ЧАСТЬ I И II.

Иллюстрированный рисунками Линкель-Майера, Вейна и др. Стабилизации критическими примѣръ Болезни Кунса-Фишера, Юрьевъ и др. Перев. Н. И. Головановой. Часть I. ц. 1 р. 59 к., часть II—1 р. 75 к. Объемъ частями вмѣстѣ цѣна 3 р. Да же самый переносъ каждой части по 50 коп.

ВЪ МАГАЗИНЪ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“

Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

ПРИЧАСТИЯ
ПРЕДЛАГАЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ

ИЗДАНІЯ НАУЧНО - ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

1. **Товміль.** Старий порядокъ и революція. Поль редакції проф. *П. Г. Виноградова*. 350 стр. Цѣна 50 к. (Распродано).

2. **Вюильменъ.** Біологія растеній. Пер. И. А. Петровскаго. Поль редакц. *К. А. Тимирязева*. 290 стр., 71 рис. 1897 г. Ц. 50 к.

Содержаніе: *Введеніе*. Жизнь растеній. *Книга 1-я*. Клѣточнай жизнь растеній. *Книга 2-я*. Индивидуальная жизнь растеній. *Книга 3-я*. Общественная жизнь растеній.

3. **Гринъ.** Краткая исторія англійск. народа. Пер. В. Я. Богучарскаго. Поль ред. *Н. Н. Шалонина*. Вып. I. 340 (VIII + 332) стр. 1897 г. Ц. 50 к.

Содержаніе: *Отдѣлъ I. Англійська королевство 607—1013 гг.* Британія и Англія.—Англійское завоеваніе.—Королевство Нортумбріи.—Три королевства.—Уэссексъ и датчане.—Весьтъ-Англійское королевство.—*Отдѣлъ II. Англія подъ власнію чужеземною корою 1013—1264 гг.* Датскіе короли.—Англійская реставрація.—Нормандія и норманды.—Завоеватель.—Нормандское завоеваніе.—Возрожденіе англійской народности.—Англія и Анжу.—Генрихъ Второй.—Паденіе анжуйцевъ.—*Отдѣлъ III. Великая Хартія 1204—1265 гг.* Англійская литература при нормандскихъ и анжуйскихъ короляхъ.—Іоаннъ.—Великая Хартія.—Університеты.—Генрихъ Третій.—Ницентствующе бордена.—„Война бароновъ.”—*Отдѣлъ IV. Три Єдуарда 1265—1360 гг.* Завоеваніе Уэльса.—Англійский парламентъ.—Завоеваніе Шотландіи.—Англійские города.—Король и бароны.—Борьба Шотландіи за независимость.—*Отдѣлъ V. Чорната війна 1336—1361 гг.* Єдуардъ III.—„Добрий парламентъ.”—Джонъ Уікліффъ.—Крестьянское восстание.—Ричардъ Второй.—Ланкастерскій домъ.—Жанна д'Аркъ.

4. **Гетчинсонъ.** Въмершія чудовища. Пер. М. В. Павловой. Съ предисловіемъ проф. *А. Н. Набірова*. Вып. I. 64 стр., 2 табл., 16 рис. 1897 г. Ц. 12 к.

Содержание: Введение. Глава 1-я. Какъ сохраняются вымершія чудовища.—Неполнота геологической аттавиціи. Глава 2-я. Морские скорпионы. Глава 3-я. Рыбы прошедшихъ временъ.

5. **Тойнби.** Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи. Съ предисл. проф. А. П. Чупрова. 347 (XVII+330) стр. 1898 г. Ц. 50 к.

Содержание: I. Введение.—II. Англія въ 1760 г.—Населеніе.—III. Англія въ 1760 г.—Земледѣлье.—IV. Англія въ 1780 г.—Мануфактура и торговля.—V. Англія въ 1760 г.—Исчезновеніе класса поменовъ.—VI. Англія въ 1760 г.—Положеніе рабочихъ.—VII. Меркантильная система и Адольфъ Смитъ.—VIII. Главные черты переворота.—IX. Ростъ научно-изученія.—X. Малътусъ и законъ народонаселенія.—XI. Теорія фонда рабочей платы.—XII. Рикардо и возникновеніе ренты.—XIII. Дѣяние теоріи экономического прогресса.—XIV. Будущность рабочихъ классовъ.—XV. Промышленность и демократія.

6. **Неймайръ.** Корни животнаго царства. Введение въ науку о происхожденіи животныхъ. Пер. М. В. Павловой. Съ предисл. проф. А. П. Павлова. 232 стр., 28 рис. 1898 г. Ц. 40 к.

Содержание: Палеонтология. — Сохранность окаменѣлостей.—Геологическая последовательность.—Неполнота документовъ.—Ученіе о происхожденіи видовъ.—Измѣняемость видовъ.—Опыты прирученія животныхъ.—Географическое распространеніе животныхъ и растеній.—Палеонтологические ряды формъ.—Палеонтологическая систематика.—Степень измѣнчивости.—Древнѣйшая фауна и эозонъ.—Родословный дерево.—Эмбриология и сравнительная анатомія.—Первоначальное зарожденіе.—Естественный подборъ и борьба за существование.—Приспособленіе и мимикрия.—Зачаточные органы.—Морфологические признаки, соотношеніе: половой подборъ.—Усовершенствование.—Дифференцировка.—Индивидуальная склонность.—Причины измѣнчивости.—Расовая измѣнчивая сила.—Вымирание.

7. **Равке.** Объ эпохахъ Новой исторіи. Съ предисловіемъ П. Г. Виноградова. 192 стр. 1898 г. Ц. 36 к.

Содержание: Основы Римской имперіи; обозрѣніе первыхъ четырехъ столѣтій нашей эры.—Преобразованіе Римской имперіи подъ вліяніемъ нашествій германцевъ и завоеваний арабовъ.—Время Каролинговъ и первоѣт Германской имперіи.—Іерархическая эпоха.—Пятый періодъ: XIV и XV стол.—Эпоха реформаціи и религіозныхъ войнъ.—Эпоха возникновенія и развитія великихъ державъ (XVII и XVIII вв.).—Эпоха революцій.

8. **Гринъ.** Краткая исторія англійского народа. Перев. Н. Н. Шамонина. Вып. II. 392 стр. 1897 г. Ц. 70 к.

Содержание: Отдѣлъ V. Новая монархія 1451—1540 гг.—Войны Розъ.—Новая монархія.—Гуманизмъ.—Холиц.—Томасъ

Кромвель.—*Отмѣтъ VII. Реформація.* Протестанты.—Мученики.—Елизавета.—Англія и Марія Стюартъ.—Англія въ эпоху Елизаветы.—Армада.—Поэты въка Елизаветы.—Завоеваніе Ирландіи.—*Отмѣтъ VIII. Пуританская Англія.* Пуритане.—Первый Стюартъ.—Король и парламентъ.—Новая Англія.—Личное управліе.—Долгій парламентъ.—Междоусобная война.

9. **Токвиль.** Старый порядокъ и революція. 2-е изданіе. 1898 г. Ц. 50 к.

10. **Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. Перев. *M. B. Набатовой.* Вып. II и III. 138 стр., 9 табл., 47 рис. 1898 г. Ц. 28 к.

Содержаніе: Саламандры.—Крокодилы.—Ихтіозавры.—Ілезіозавры.—Змѣеобразныя пресмыкающіяся.—Летающіе драконы.—Аномальныя пресмыкающіяся.

ВЫЙДУТЬ ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНІИ:

Кейнсъ. Предметъ и методъ политич. экономіи.

Гринъ. Краткая исторія англ. народа. Вып. III (послѣдній).

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. IV и V.

Кортней. Жизнь Дж.-Ст. Милля.

Романесъ. Теорія Дарвина.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Беджготъ. Англійская конституція.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. VI и VII (послѣдній).

Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній.

Лампрехтъ. Изъ исторіи пѣм. народа. Периодъ реформаціи.

Россель. Біографія Гладстона.

Герингъ. Историко-общественные основы нравственности и права.

Тьерри. Опытъ исторіи третьаго сословія.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
Москва, Бронная, Трехирудный пер.,
книжный складъ А. М. Муриновой, с. д.

ОТДѢЛЕНИЕ СКЛАДА. Петербургъ,
Васильевскій островъ, 5-я линія, 28.
Книжный магазинъ М. М. Стасюлевича.

Выписывающіе изъ главнаго склада на два рубля и болѣе за пересыпку не платятъ; за наложеніе платежа прилагается 10 к.

— 38 —

Дозволено цензурою. Москва, 27 января 1899 года.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ.

- Ланге. Эмоции (психо-физиологический очерк). Ц. 30 к.
- Ледантенъ, Ф. Живое вещества. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6-ю чертежами. Ц. 75 к.
- Легренъ, М. Социальное вырождение и алкоголизмъ. Ц. 75 к.
- Маллесонъ. Первоначальное воспитание детей. М. 1898. Ц. 50 к.
- Масе. История кусочка хлѣба. Изд. 2-е Спб. 1874. Съ 20-ю табл. рис. Ц. 75 к.
- Миль, Д. С. Автобиографія. Ц. 75 к.
- Миль, Д. С. Огюст Конть и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.
- „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к., въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.
- Паульсенъ, Ф. Нѣмецкие университеты и ихъ историч. разв. Ц. 40 к.
- Петрункевичъ, М. А. Маргарита Апгурлемская и ея времена. Исторический очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Поллокъ, Ф. Исторія политическихъ учений. Ц. 40 к.
- Proust & Ballet. Гигиеническое лѣчение неврастеніи. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 1 р.
- Ратовъ, М. Женщина передъ судомъ присяжныхъ. Ц. 30 к.
- Ревилль, Ж. Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 г. Ц. 80 к.
- Святловскій 1-й, В. В. Фабричный рабочій (изъ наблюдений фабричного инспектора). Варшава. 1898. Ц. 3 р.
- Святловскій 2-й, В. В. Государственное страхование рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.
- Святловскій 2-й, В. В. Брентано, его жизнь, воззрѣнія и школа. Съ портретомъ Брентано. Ц. 1 р. 25 к.
- Соболевъ, М. Н. Очерки изъ исторіи всемирной торговли. Ц. 1 р. 20 к.
- Сорель, А. Монтецкье. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. 50 к.
- Тейлоръ, И. Происхожденіе арійцевъ и доисторической человѣкъ. Съ 30-ю рисунками. Ц. 1 р. 25 к.
- Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со статьей И. И. Иванова. „Теннисонъ и его поэзія“ и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.
- Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц. изд. В. Н. Линдъ XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.
- Уордъ, Л. Психические факторы цивилизациіи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.
- Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація и каталогизация библиотекъ. Ц. 25 к.
- Фуллье, А. Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.
- Фюстель-де-Кулланжъ. Древняя гражданск. община. Ц. 2 р.
- Ченнингъ, Э. Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ. Ц. 1 р.
- Шелли. Сочиненія. Въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. Ц. 75 к.
- Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

Поступили въ продажу новыя иллюстрированныя изданія
„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ“

Логанна Шерра,

со множествомъ гравюръ, картинъ, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ прилож. Всѣ клише для этого изданія сдѣланы заграницей. Перев. съ посл. нѣм. изд. подъ ред. и съ примѣч. П. И. Вейнберга. Отдѣлы русской и славянской литературы обработаны болѣе подробно и самостоительно. Книга составляеть два большихъ тома, болѣе 1000 стр. Цѣна 9 р.

«ФАУСТЬ»

Г ё т е.

ЧАСТИ I и II.

Иллюстрированный рисунками Лиценъ-Майера, Зейца и др. Съ обширными критическими примѣч. Бойзена, Куно-Фишера, Юрьева и др. Перев. Н. Н. Голованова. Часть I, ц. 1 р. 50 к.; часть II—1 р. 75 к. Обѣимъ частямъ вмѣстѣ цѣна 3 р. За изящный переплетъ каждой части 50 коп.

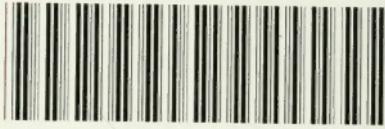
„ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ“

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО.

Первый полный русскій переводъ И. А. Бунина.

Иллюстрированное изданіе, съ портретомъ автора, рисунками въ текстѣ и съ семью отдѣльными автотипіями америк. художника Ремингтона, исполненными въ Вѣнѣ. Цѣна 1 р. 25 к.

LIBRARY OF CONGRESS

0 011 801 124 7

